

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ

2(2)/2013

«Чем свободнее, чем искреннее верующий разум в своих естественных движениях, тем полнее и правильнее стремится он к божественной истине».

И. Киреевский

В НОМЕРЕ:

*Протоиерей
Александр Ранне
«...и Истина сделает
вас свободными»*

*М. В. Шкаровский
Феномен
Алекса́ндро-Невского
братства*

*Е. В. Грумад
С. Н. Николаев
Вагнер и Россия.
Первые встречи*

*Т. Е. Лукина
Белая роза Свободы*

*Литературное
приложение*

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ

2(2)/2013

*Журнал Отдела религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской митрополии*

Главный редактор:

Председатель Отдела религиозного образования и катехизации,
ректор Санкт-Петербургской православной духовной академии,
епископ Петергофский Амвросий,
кандидат богословия

Заместитель главного редактора:

Исполнительный директор Епархиальных курсов
религиозного образования и катехизации
имени св. прав. Иоанна Кронштадтского
иерей Илия Макаров, кандидат богословия

Редакционная коллегия:

Иерей Игорь Иванов, научный консультант,
кандидат философских наук

Иерей Димитрий Симонов

Гаврилов Игорь Борисович, кандидат философских наук

Дилакторская Елена Станиславовна,
редактор-составитель

Алексеев Сергей Владимирович,
художественный редактор

Никольский Сергей Николаевич,
выпускающий редактор

Учредитель:

Отдел религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской митрополии

Слово к читателю

Вышел в свет второй номер нашего журнала. Что его отличает? В этом номере, как и в предыдущем, мы исходили из стремления обозначить подходы к некоторым существенно важным, как нам представляется, явлениям человеческого бытия и дать этим подходам христианское обоснование. Здесь нам помогла сама жизнь: весна 2013 года насыщена датами событий, которые даже в первом приближении требуют максимально углубленной психолого-этической оценки. Но нам не хотелось бы предлагать нашим читателям некие готовые формулировки – даже при всей их несомненности и проверенности временем. Реальность – говорит сама. И поступки людей, принимаемые ими решения – лучшая «книга для чтения». Надеемся, что наши публикации в этом номере позволят достаточно серьезно осмыслить те или иные главы этой «книги».

Так сложилось, что работа над нынешним номером выявила необходимость раскрыть христианское осмысление философского понятия «Свобода». Мы в своей обыденной жизни привыкли вкладывать в это понятие довольно узкий, «светский» смысл. Но если пристально взглянуть как на совсем недавние, так и на уже ушедшие в прошлое события, то мы поймем главное: суть не в том, насколько свобода является для человека важным понятием, а в том, насколько она связана со Христом.

Мы много можем рассуждать о свободе выбора, о жертвенности, об искуплении, любви и смерти... Но свобода в жизни каждого человека всегда будет сопряжена с понятием ответственности. Как следует христианину соотносить свободу действий и личную ответственность – и перед ближними, и перед всем нашим миром? И как нам в свете этого следует относиться к одной из самых страшных проблем всех времен и народов – проблеме войны?..

Если внимательно взглянуть в историю, то можно заметить, что христианское мироощущение сопряжено с культурными традициями народа и выражено в его культурном наследии. Эту мысль постарались отразить в своих работах и наши авторы. Но сохранение традиций невозможно и без связи со многими поколениями людей. А это значит, что христианский аспект педагогики (само понятие «педагогика» озна-

чает в христианском толковании – «детоводительство ко Христу») крайне важен для осмысления народных традиций. Как правило, христианские педагоги и священники идут вместе, рука об руку, реализуя одну из главнейших задач современности – воспитывая поколения детей, верующих в Бога свободно и осознанно.

Таким образом, этот номер нашего журнала получил свой особый акцент. Думается, что и последующие номера будут предполагать свои акценты, связанные с каким-либо духовно-нравственным понятием, определяемым в категориях как светской, так и философско-богословской терминологии.

Надеемся, что высказанные нашими авторами мысли позволят читателю найти собственные ответы на волнующие вопросы. Мы всегда рады творческому диалогу. Хотелось бы также надеяться, что статьи этого номера не только заинтересуют наших читателей (даже далеких от Церкви), но и оставят след в их сердце.

*Епископ Петергофский АМВРОСИЙ,
главный редактор*

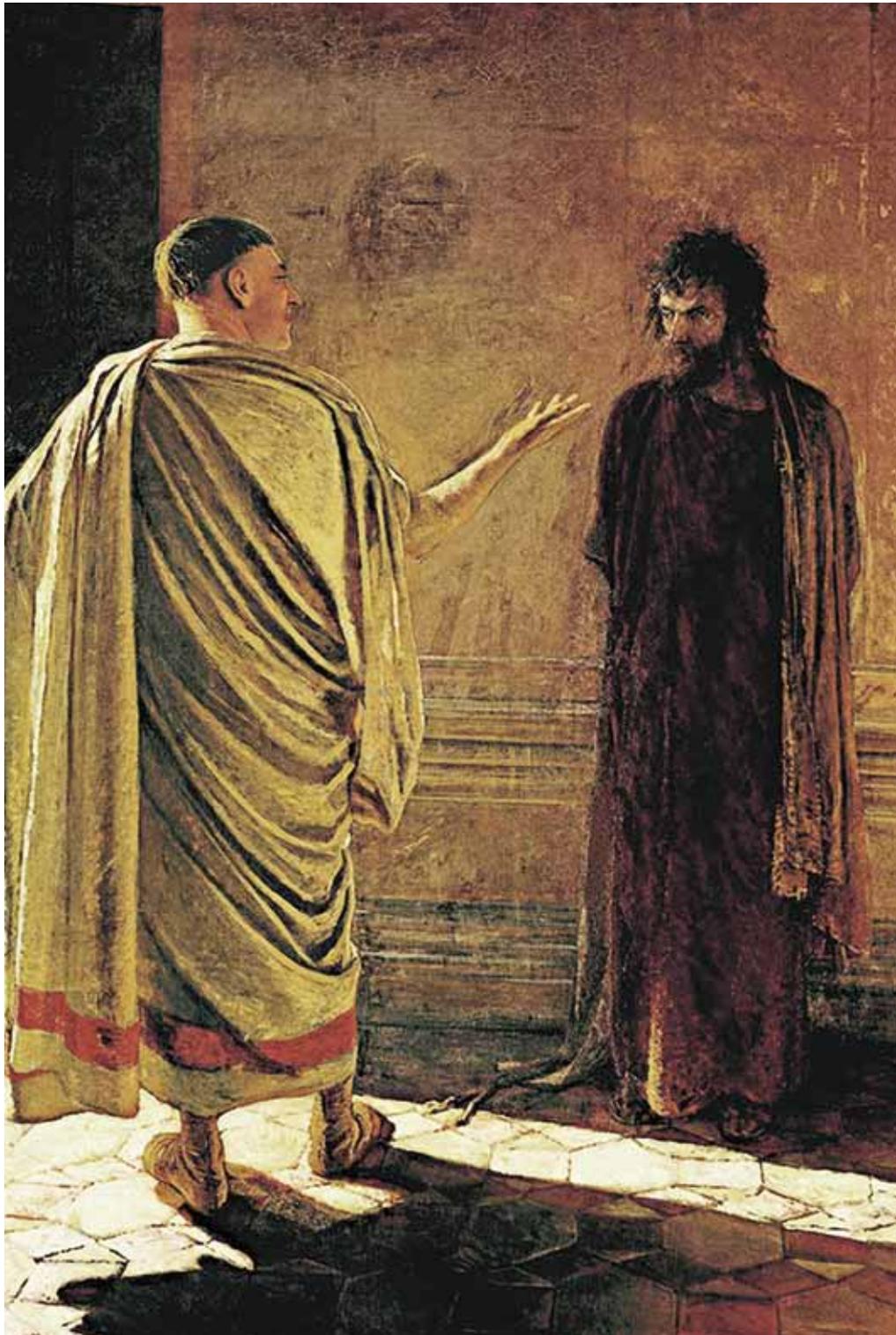
Содержание

<i>АМВРОСИЙ, епископ Петергофский, главный редактор</i> Слово к читателю	2
НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ	
<i>Протоиерей Александр Ранне</i> «...и Истина делает вас свободными»	7
ПРОПОВЕДЬ	
<i>А. В. Маркидонов.</i>	13
ИСТОРИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ	
<i>М. В. Шкаровский</i> Феномен Александро-Невского братства	17
ХРИСТИАНСКАЯ ПЕДАГОГИКА	
<i>Протоиерей Михаил Браверман</i> Dependentia ex Deo?	31
ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Антиномии Тангейзера <i>Протоиерей Димитрий Кулигин</i> И все-таки – путь к храму?	39
<i>Е. В. Грумад, С. Н. Николаев</i> Вагнер и Россия. Первые встречи	58
ЖИТИЯ СВЯТЫХ	
<i>Т. Е. Лукина</i> Белая роза Свободы	66
ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
<i>О. Б. Сокурова</i> О крупных проблемах мелкого греха в творчестве Н.В. Гоголя	81
ХРИСТИАНСТВО И ЭТНОГРАФИЯ	
<i>М. А. Мишина</i> Философия куклы	93
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК	
<i>Д. Г. Демидов</i> Далеко ли от русской грамматики до славянской?	101
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ХРИСТИАНСТВА	
<i>Ю. И. Рубан, А. И. Рубан</i> Дружбой завещанный долг...	107
ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	
Проза и стихи современных петербургских авторов	117
Об авторах	134

В вере я тверд. Великое утешение – знать, что жизнь никогда не кончится и что никто не исчезнет бесследно. Христианство – самая человечная религия в мире, и худшие ее враги – те бесчисленные доктринеры, что докучают миру своими придирками. Я читал Писание куда внимательнее, чем половина из них, и преклоняюсь перед истинно милосердными заповедями Христовыми. Тут есть тайна, которая явлена только Всемогущему.

Джордж Гордон Байрон

**Протоиерей
Александр Ранне**

Знание есть важнейшее условие возможной реализации свободы. И под знанием необходимо понимать не только совокупность эмпирического опыта, но и совокупный духовный опыт человечества...

«...и Истина сделает вас свободными»

О свободной личности в христианском и светском понимании

Мир, в котором мы все живем, – сложен и многообразен. И ни для кого уже не секрет, что существует область не только видимого, но и невидимого мира, где также есть жизнь, сопряженная с нашей земной, видимой, осязаемой нами жизнью. Но если мы устранимся от представлений о Боге как о личностном Существо, пребывающем и *вне* созданного Им материального и духовного мира, то говорить о полной свободе человека в этом сложном пространстве не представляется возможным. Человек в этом случае будет являться лишь тем индивидуумом, который всецело детерминирован материальным бытием. То есть, по сути – только частью целого.

Но человек – образ и подобие Божие. Его невозможно называть личностью, если под этим термином не понимать некую смысловую целостность полноты. И свобода личности, как и ее целостность, многосложна.

Свобода как риск

Священное Писание, когда говорит об ответственности человека перед Богом за свой выбор между добром и злом, представляет его не только разумным, но и свободным. Древнейшим классическим текстом Библии на эту тему являются стихи из книги Второзаконие. «Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло» (Вт 30:15). И далее: «жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое, любил Господа Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему» (Вт 30:19–20). Или в Евангелии от Матфея Христос говорит богатому юноше: «Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди» (Мф 19:17).

Если человек не свободен, его нельзя назвать нравственным существом, как нельзя хвалить компьютер за правильность решения поставленных задач: они решаются в рамках программного обеспечения. Согласно мыслям Н. О. Лосского, изложенным в его книге «Свобода воли», свобода составляет необходимое условие нравственности и в то же время главное основание ее ценности. В частности, Лосский приводит слова В. С. Соловьева из его работы «История и будущность теократии»: «Только свободные существа могут быть носителями нравственного добра и других абсолютных ценностей. Только свободные существа, добровольно вступающие на путь единения с Богом как живым Идеалом совершенства, заслуживают имени сынов Божиих»¹. Таким образом, только свободное существо способно быть соратником Божиим в творчестве.

Человек есть венец Божиего творения, и потому несет в себе возможность достижения совершенства в Божественной полноте. «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный», – говорит Христос в заключение первой части Нагорной проповеди (Мф 5:48). Но поскольку Бог есть Любовь, и совершенство человека реализуется, прежде всего, в любви, – невозможно представить себе высшее творение, изначально *запрограммированное* на проявление им любви вне реализации свободной воли.

Это, в некотором роде, парадокс. И Н. А. Бердяев в работе «Философия свободы», рассматривая проблему изначального самоосуществления человека, попытался увидеть ее также и применительно к Богу. Он поставил вопрос: почему Бог есть Любовь? Быть сущностной Любовью – это решение Самого Бога? Или же у Него никогда не было такого выбора и, таким образом, нельзя говорить о Его свободе? Для решения этой проблемы Бердяев обратился к идее немецкого философа и мистика начала XVII века Якоба Бёме, согласно воззрениям которого существует некая «бездна», «безосновность» (Ungrund), из которой и является абсолютность Божия, содержание которой есть Любовь. Однако несостоятельность этой идеи Бёме очевидна, так как всякая *начальность* – и на этом настаивал уже Аристотель – разрушает абсолютность.

Свобода, как и разумность, не только делает нас способными слышать и отвечать на высшие Откровения Творца, – она есть условие высочайшего достоинства сотворенного Богом человека. Так как без свободы не может быть добра, то творение только в том случае может иметь совершенный смысл, если человек, как венец творения, способен быть свободным в своем выборе жизненных смыслов и поступков. Понятно, что в такой свободе содержится возможность не только высочайшего добра, но и низменнейшего зла.

Однако Бог идет на риск дарования человеку свободы, которая действительно есть выражение высшего достоинства, предварительно предусмотрев пути его спасения. Более того, наделив человека свободой, Бог снабдил его и достаточными средствами для формулирования жизненных смыслов и достижения поставленных целей. Именно поэтому сам человек несет всю полноту ответственности за то, что он мыслит и осуществляет.

Конечно, мы свято верим, что отношение Бога к миру не ограничивается лишь творением, как об этом думали Аристотель и Декарт. Бог – не часовщик

и даже не программист, хотя в Евангелии от Матфея есть высказывание Христа, чрезвычайно в этом смысле трудное для толкования: «Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф 10:29–30).

Понятно, что волосы с головы падают на землю в силу определенных, установленных Богом от начала законов. Но в то же самое время и присутствие Бога в истории и в жизни каждого человека представляется совершенно исключительным. Это присутствие никак не нарушает свободу человеческого выбора и действия, потому что человек не исчерпывается детерминированной пространственной телесностью. Даже Вольтер, этот далекий от христианства деист, в письме к Клоду Адриану Гельвецию отмечал: «Признаюсь Вам в том, что долгое время блуждал я в этом лабиринте, тысячу раз обрывалась моя путеводная нить, но все-таки я возвращаюсь к тому, что благо общества требует того, чтобы человек считал себя свободным... Я начинаю, любезный друг, более ценить жизненное счастье, чем истину... Отчего же не предположить, что верховное существо, даровавшее мне непостижимую способность разума, могло дать мне и немножко свободы...»².

Так как для истинного деиста жизненное счастье на старости лет действительно представляет собою нечто гораздо большее, чем истина, а благо общества требует, чтобы человек (вероятно, все же, с точки зрения Вольтера, обольщаясь) считал себя свободным, то, может быть, так оно и есть? Тем более что самому Вольтеру, видимо, уж очень не хотелось быть всего лишь навсего продуктом общественного сознания. Для такого гордеца, как Вольтер, фактор свободы – обязателен.

Несмотря на то, что человек создан по образу и подобию Божию и, казалось бы, для него вполне естественно усматривать собственное благо в добре, в Боге как источнике жизни, – даже несмотря на это он все же остается отстраненно свободным. И свобода его простирается вплоть до того, чтобы иметь право сказать своему Создателю «нет». Эта проблема заключается не только в интеллектуальной ошибке, а и в волеии свободного существа, утверждающего себя на собственной самости и попадающего в рабство самому себе. Потому что быть свободным от самого себя, если нет Бога, невозможно.

С этической точки зрения, свобода есть свойство человеческого духа, который нельзя представить себе иначе, как свободным. Ограничения свободы лежат не в самой духовной сфере, а в проявлении духа во внешнем мире.

Свобода как неподчиненность

Погруженность в детерминированную материальность, в животность выражается в Библии посредством символических образов, например, «хождения на чреве»: «...ты будешь ходить на чреве твоём и будешь есть прах во все дни жизни твоей» (Быт 3:14); «Падут пред ним жители пустынь и враги его будут лизать прах» (Пс 71:9). Потому понятия политической и экономической свобод всегда имеют условный характер.

Свобода, будучи свойством человеческого духа, подобно другим психическим свойствам принадлежит всем людям, но в различной степени, и первоначально – лишь в качестве возможности. Свобода человеком приобретается, она есть своего рода задание, дарованная Богом возможность, – вернуться к блаженному состоянию. Однако абсолютной свободой обладает только Бог.

Обычно свободу определяют через ее противопоставление необходимости. Или же о ней говорят тогда, когда предлагается неоднозначный выбор. Но выбор всегда имеет границы, и тем уже уничтожается наша свобода (в политике выбор из определенного числа и качества кандидатов часто оказывается отсутствием всякого выбора). А сама *необходимость* делать выбор уже разрушает нашу свободу.

Однако такое понимание свободы становится абсурдным, если его приложить к абсолютности Бога. Святой Фома Аквинат в ответ на средневековые софизмы по этой теме (к примеру, «если Бог все может, то может ли Он стать злым?» и т.п.), предложил понимать свободу как ничем извне не ограниченное осуществление сущности собственного бытия. Если Бог есть Любовь, то Он и осуществляет Себя как Любовь.

Свобода, таким образом, есть неподчиненность воздействию извне. Согласно определению Гегеля, свобода есть «бытие-у-себя-самого». Есть понятие высокой свободы как осознанной необходимости (что очень нравилось Ленину), оно заимствовано у стоиков, для которых существующий мир представлялся единым пространством, наполненным предопределенным смыслом. Такое понимание свободы было также близко и для Спинозы, которому идея растворенности смысла в природе вещей также была чрезвычайно дорога. А с точки зрения марксизма, человек мыслит и поступает в зависимости от своих побуждений и влияния на него окружающей среды, причем основную роль здесь играют «экономические отношения» и «классовая борьба».

В «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года (Франция) свобода человека трактуется как возможность «делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом»³.

Таким образом, провозглашая свободу, авторы Декларации забыли о самом человеке. Он становится зависимым не только от естественной среды обитания, но и от социальной обусловленности. Манипулируя термином «свобода», современный светский либерализм предлагает человеку свободу творчества как возможность самовыражения в контексте атеистического экзистенциализма. Однако то, что может «вынести» человек из самого себя (делая все, что не наносит вреда другому), то, что не освящено светом Божественного со-присутствия, зачастую оказывается дьявольской усмешкой над самим человеком и его природой, ужасом никчемности и уродством смысла.

Но есть и глубинная свобода, свобода как бытие человека внутри себя. Ведь человеку свойственно не только анализировать события, происходящие вокруг

него, но и подвергать анализу себя, моделировать события будущие. Его фантазия может простирается до целей, способных изменять ход истории. Изменяя себя, он изменяет окружающий мир и, в свою очередь, вновь изменяет себя...

По словам С. Л. Франка, «Свобода совсем не есть возможность чего угодно, беспричинность, ничем не определенность; она, наоборот, не только сочетается с необходимостью, а есть необходимость – именно внутренняя необходимость как определенность самим собой»⁴ или сообразностью Богу. Отметим, что древнерусское слово *икогодь* соотносится с древнеиндийским *svapati*, то есть «сам себе господин»: *sva* – «свой», *pati* – «господин», «хозяин». Таким образом, свобода противоположна рабству, высшим проявлением которого является принужденность извне. Святые несравненно свободнее грешных, хотя они не могут грешить именно благодаря своей святости. «Велика свобода не грешить, – писал блаженный Августин, – но величайшая свобода – не быть в состоянии грешить»⁵.

Свобода как самоосуществление

Истинная свобода, наконец, есть самоосуществление. И она несовместима с грехом, потому что грех, будучи изменой Богу, есть и измена нашей подлинной самости. «И не знает покоя сердце человеческое, – восклицал блаженный Августин, – пока не успокоится в Тебе, Господи»⁶. Это потому, что наше истинное Отечество – в Боге.

Современная культура, цивилизация и образование выстраиваются таким образом, чтобы сформировать человека если и не для пользы только избранных, то, по крайней мере, для общественного блага. В этом контексте человек *сам по себе* становится только средством, теряя самого себя, свою самооценку. Вот почему так важна сегодня проповедь о Христе, о Его Царствии, осуществляющемся внутри человеческого бытия в согласии со свободой произволения личности. Христианин может и должен называть себя либералом в несравненно большей степени, чем современные атеисты и агностики, манипулирующие понятием «свобода» в рамках экономического и политического планирования. «И познаете Истину, – говорит Христос, – и Истина сделает вас свободными» (Ин 8:32).

Знание есть важнейшее условие возможной реализации свободы. И под знанием необходимо понимать не только совокупность эмпирического опыта, но и совокупный духовный опыт человечества. Этот опыт, в определенной степени, может быть подвержен анализу теми, кто им обладает, но его нельзя делать запретным для всех людей, так как в этом случае, априори, человек становится ущемленным в способности осуществлять свое право на свободу.

Слабость человека, конечно, заключается не только в слабости его разумения, но и в слабости его воли. «Мы не хотим греха, а только влечемся к нему; мы в него впадаем, он нами „овладевает“. Он есть выражение не нашей свободы, а нашей несвободы – нашей плененности»⁷. Однако человек, достаточно интеллектуально развитый, с волей, натренированной по типу литературных образов, разработанных Чернышевским, Достоевским, Соловьевым, Н. Остров-

ским, – даже такой человек уже никак не представляется сегодня спасителем человечества и вершителем его судеб. И проблема *достаточности* интеллектуальных и волевых усилий человека для реализации личностного достоинства и полноты бытия является, на наш взгляд, в современной полемике между традиционно христианским и светским представлениями наиболее драматичной.

С точки зрения православной антропологии образ Божий в человеке неразрушим, поэтому человек всегда имеет возможность вернуться на пути добра. Потому так много в восточном как греческом, так и русском религиозном фольклоре повествований о раскаянии самых закоренелых грешников. Однако из-за своей оторванности в грехопадении от Бога человек не способен самостоятельно раскаяться в своей неправде, а тем более – пройти длительный путь духовного исцеления. Ему нужна спасающая благодать Божия. Таким образом, утверждая, что даже в состоянии глубочайшего падения человек способен свободно осудить зло и стремиться к покаянию и становлению в добре, необходимо иметь всегда в виду, что без помощи благодати Божией ему самостоятельное восстановление и даже просто раскаяние не по плечу.

«Я есть Путь, и Истина, и Жизнь», – говорит Христос, отвечая пилатам всех мастей, и только свет Его Воскресения делает нас способными отличать с абсолютной достоверностью добро от зла.

Примечания:

¹ Цит. по: Лосский Н. О. Свобода воли. Paris: YMCA PRESS, 1927. С. 132.

² Цит. по: История философии. Т. II. Философия XV–XVIII вв. М., 1941. С. 302.

³ Декларация прав человека и гражданина // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 1998. С. 32.

⁴ Франк С. Л. Реальность и человек. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 298.

⁵ Там же. С. 298–299. Лат.: *Magna est Libertas posse non peccare; sed maxima Libertas – non posse peccare.*

⁶ Августин Блаженный. Исповедь. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 7.

⁷ Франк С. Л. Реальность и человек. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 300.

А. В. Маркидонов

Проповедь, произнесенная в Санкт-Петербургской православной духовной академии в день памяти святого апостола Иоанна Богослова.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!
Взирая на апостола Иоанна как на боговдохновенного автора Евангелия, Посланий и Апокалипсиса, мы, вероятно, уже с трудом можем вспомнить одну деталь в его характеристике, один штрих, запечатленный книгой Деяний Апостольских. В этой книге, на первых страницах которой речь идет, главным образом, об апостолах Петре и Иоанне, говорится, что когда эти апостолы за свою проповедь о Христе были поставлены перед иудейскими начальниками, старейшинами и книжниками, то эти последние заметили, что апостолы, как буквально говорится в Деяниях, были «люди некнижные и простые» (Деян 4:13). Можно заметить попутно, что в нашей церковной (в частности, богослужбной) традиции вообще устойчиво присутствует мотив «рыбарской» простоты, интеллектуальной неискушенности апостолов, которая противопоставляется, чаще всего, изощренной языческой учености.

Но, возвращаясь к Деяниям, спросим: неужели Петр и Иоанн были, действительно, необразованны или даже неграмотны? Совсем нет: они прекрасно знали Священное Писание, живо и глубоко восприняли Закон и Пророков, свидетельствующих о грядущем пришествии Спасителя.

Но они, действительно, были чужды той схоластической выучке, тому равнинистическому педантизму позднего иудаизма, без которых в глазах носителей этой отвлеченно-богословской традиции апостолы выглядели неучами, «деревенщиной». Однако мы знаем, что иудейская ученость времени земной жизни Спасителя в той мере, в какой она была пропитана и руководима спекулятивным юрицизмом и схоластикой, – эта богословская ученость оказалась неспособной к духовной зоркости, а иногда и, попросту, к нравственной чуткости, оказалась неспособной к тому, чтобы в Иисусе из Назарета исповедать пришедшего Мессию.

Другой извод, другой пример такого богословия, в котором знание, выпавшее из полноты и ответственности духовно-нравственных связей, получает самодовлеющий характер и в таком качестве мыслится оправданным и даже спасительным, другой пример такого богословия, уже в христианскую эпоху, являл собою гностицизм – ересь, полемику с которой в ее начатках мы можем найти уже и в апостольских писаниях.

Если же искать корни такого отношения к знанию, в котором оно, во-первых, приобретает самодостаточный характер, отчужденный от нравственно-онтологической целостности бытия, а во-вторых, мыслится как инструмент власти над природой, человеческим естеством и человеческим сообществом, то корни такого понимания знания – в первородном грехе наших прародителей Адама и Евы.

Ведь именно там и тогда человек обнаружил и осуществил пагубное стремление восхитить знание полноты бытия, «стать богом», минуя нравственно-религиозные и онтологические условия познания, идя в обход не только заповеди Бога, но тем самым (!) пренебрегая и самую природою вещей и природой подлинного познания.

Уже святые отцы ранней Церкви в истолковании грехопадения обращали внимание на то, что *смертоносными* были не само по себе древо познания и не сами по себе плоды его, но *преслушание заповеди* – тот способ, каким человек воспримлет (а, точнее, восхищает) познание и образ, каким он это познание осуществляет.

Гностический посыл первородного греха как желание *владеть и пользоваться*, минуя послушание своему Творцу, пренебрегая достоинством и тайной общения с Богом, – этот гностический посыл многообразно укоренился в культуре падшего человека. В новое время он, в частности, сказался и продолжает сказываться в том, что можно назвать *технологизацией* познания: отчуждением и отвержением в познавательном опыте его нравственных, религиозных и, вообще, личностных характеристик, – отказом от таких качеств познания, благодаря которым этот опыт осуществляется как всецелое *общение* с реальностью, а не как рационально-техническая процедура только.

Движимая идеей служения человеку, цивилизация Нового времени главным инструментом такого служения не случайно сделала науку – такое познание, которое в своем собственном качестве, для своей собственной эффективности как таковой давно не нуждается ни в Боге, ни в любви, ни в нравственных обязательствах и ориентирах. Власть, польза и комфорт – вот ее ориентиры.

Но такое познание, которое освободило себя от нравственно-религиозной мотивации, отказалось связывать себя исконной целостностью и благодатным единством человека, Бога и мира, – такое познание не только уже не способно приблизиться к Творцу, но не способно проникнуть и в глубинный смысл творения, приоткрыть значение того, что святые отцы называли «логосами твари» – смысловой сердцевинной Богоданного бытия. Ибо для причастия этой «сердцевине» сущего недостаточно (или совсем даже не нужно) одной интеллектуально-технической мощи; по слову прп. Максима Исповедника, ведение естества в его логосной глубине должно быть предварено бесстрашием, должно быть предуготовлено нравственно-аскетическим совершенством человека.

Итак, у древа познания человек пал: утратил свою целостность, лишился способности целостно познавать Бога, мир и самого себя. Эта инерция и даже агрессия грехопадения – расщепляющая, раскалывающая бытие, – ищущая не того, чтобы приобщиться Богу, измениться и вырасти в новую меру, в новую полноту Богообщения, но ищущая того, чтобы захватить, обладать и использовать, – эта агрессия живет и действует поныне. Осознавая состояние, в котором мы оказались, впору вспомнить слова Томаса Элиота: «Где мудрость, которую знание заставило нас потерять? Где знание, которое мы заменили информацией?»

И понадобилось другое древо – древо Креста, понадобилась жертва Божественной любви, чтобы обновить человеческое естество, сделать его снова спо-

собным – во Христе, в Его Церкви как теле Христовом – к восприятию Божественной благодати, Божественного ведения, способным не получать информацию только, а целостно приобщаться реальности исцеленного во Христе творения.

Однако надо отдавать себе отчет в том, что этой деградации, этой коррозии знания в какой-то мере, в длительный период христианской истории подверглось и богословие – в меру его отчуждения от живого духовного опыта, его отрыва от православного Предания Церкви.

Основная трудность или даже опасность, в данном случае, состоит в том, что богословие – постольку, поскольку оно есть и дело человеческого разума – почти не имеет внешних формальных технических возможностей оградить себя от подстерегающей его опасности превратиться в род *информации*: такого знания, которое, может быть, питает интеллект, обладает известной энергией и, как будто бы, смыслом, но не выражает тайны Божиего присутствия, не возводит к этой тайне, не становится ее умной иконой.

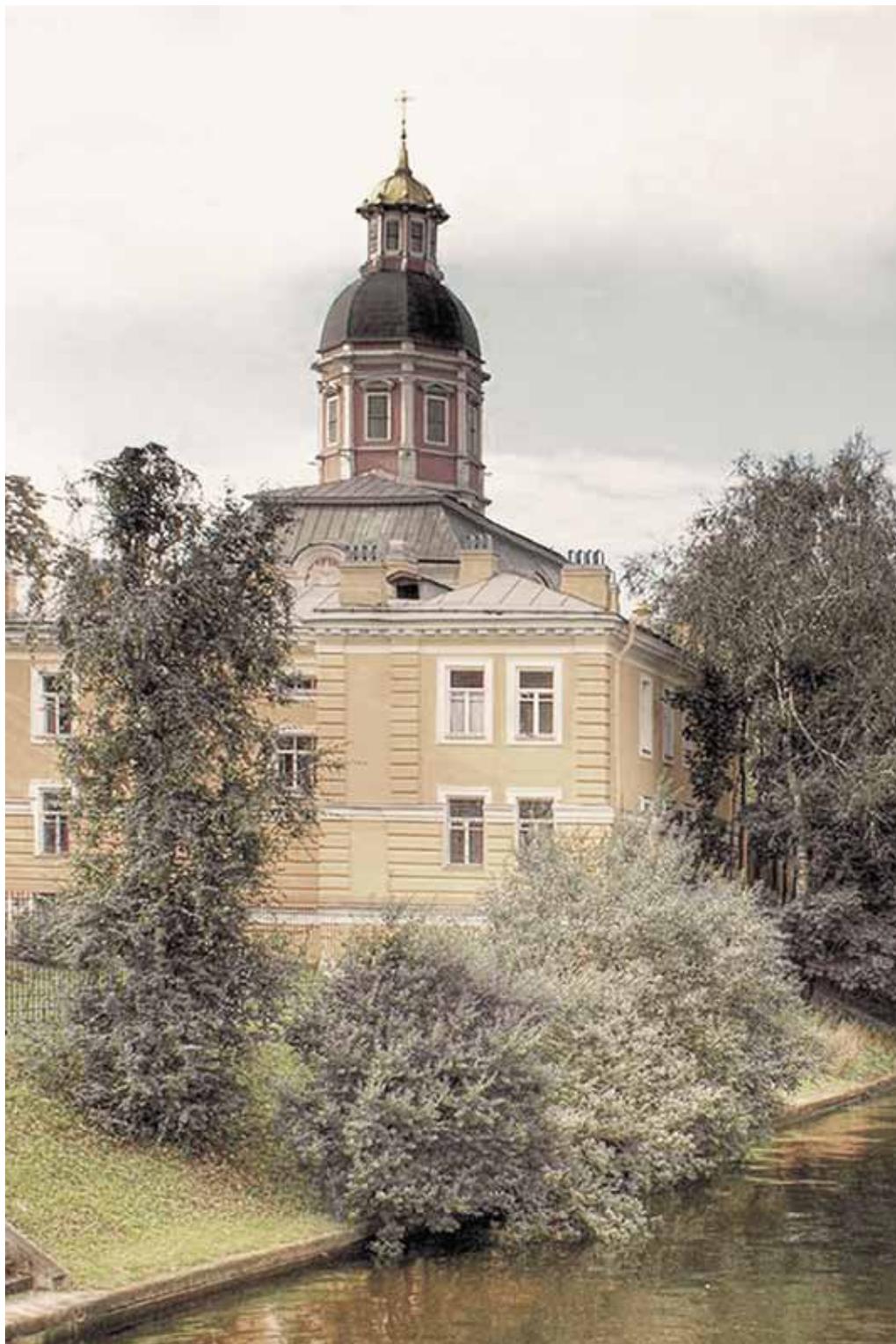
Защитить богословие от опасного гностического перерождения может только духовная зоркость, духовная чуткость участников богословского делания, созидателей богословской культуры. В конечном счете, только внутреннее духовное зрение (по силе его причастия уму Христову) способно отличить и отделить живое подлинное богословие от интеллектуальной игры и даже интеллектуальной агрессии.

Вот почему нам так важно снова и снова всматриваться в лик св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, молитвенно вникать в его духовный опыт, осмысливать его место в евангельской истории. Потому что именно он не только связал в нерасторжимое единство знание и любовь, преданность Богу и богословие, но и сам «яко богослов и друг Христов» до конца соблюл достоинство любимого ученика Господня. Св. апостол Иоанн Богослов не только участвует, как свидетель, во всех исключительных событиях евангельской истории – чудотворения, преображения, Воскресения Господних, – но он единственный из апостолов стоит у Креста, переживает Голгофу.

Вот эта готовность идти за Христом до самой Голгофы, эта верность, которая и есть плод совершенной любви, – есть вместе с тем и условие подлинного богословия.

Высоко это задание, непостижен и подвиг духовного созерцания. Но не дадим смутить себя немощью нашей, будем верны в малом, в каждодневном нашем служении, будем верны Церкви православной, Ее живому Преданию, и Господь, молитвами святого славного апостола и евангелиста Иоанна Богослова силен укрепить нас и дать нам «знание от Него».

Аминь.

М. В. Шкаровский

Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра отмечает в этом году свое 300-летие. Эта обитель явила немало примеров духовного подвижничества. Самым близким нам по времени и, одновременно, одним из самых знаковых проявлений духовной жизни Лавры стала деятельность в 1918–1932 годах Александро-Невского братства.

Феномен Александро-Невского братства

Без преувеличения можно утверждать, что Александро-Невское братство стало уникальным явлением в истории не только Лавры, Санкт-Петербургской епархии, но и Русской Православной Церкви в целом, особенно – в первые послереволюционные десятилетия. Находясь под «дамокловым мечом» репрессий в течение всех лет своего существования, оно проявляло удивительную активность и разнообразие видов работы. Особенно следует отметить, что 7 мая 2003 года были прославлены в лике святых три члена братства: священномученик архимандрит Лев (Егоров), мученицы Екатерина Арская и княжна Кира Оболенская.

История деятельности Александро-Невского братства свидетельствует о том, что именно братство – одна из самых оптимальных организационных форм внешней деятельности верующих в условиях безбожных гонений. Здесь был заново осмыслен и возрожден в гораздо более жестких условиях опыт противодействия инославному давлению, полученный на Украине в XVI–XVII веках. Когда на Православную Церковь обрушились небывалые прежде гонения, братства вновь стали одной из самых действенных форм ее защиты. Традиции прошлого возродились. Для сплочения священнослужителей и мирян в Петрограде, а затем и в других городах России стали возникать объединения преданных делу Христову людей. Братства теперь создавались в соответствии с решением Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов, в Петроградской епархии этим процессом активно руководил священномученик митрополит Вениамин (Казанский). В северной столице главным сразу стало братство, образованное при Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре. Святейший Патриарх Тихон благословил его деятельность в специальной грамоте от 19 сентября 1918 года. И на протяжении четырнадцати лет братство представляло собой, в известном

смысле, стержень жизни Петроградской епархии, играя заметную роль во всех важнейших событиях, в частности – активно борясь с обновленческим расколом и противодействуя иосифлянскому разделению.

Александро-Невское братство было образовано в январе 1918 года при Лавре из мирян – как мужчин, так и женщин – под руководством монахов, и в первое время одной из главных его задач стала защита обители от посягательств безбожников. Затем – в 1919–1921 годах – оно играло центральную роль в создании и деятельности союза православных братств Петроградской епархии. Именно на него ориентировались все другие подобные объединения верующих. В эти же и последующие годы Александро-Невское братство неустанно стремилось привлечь в церковную среду представителей различных слоев интеллигенции, сблизить их с ученым монашеством, и в этом добилось заметных успехов. Братчики и братчицы поддерживали постоянную тесную связь с возникшими после революции новыми формами духовного образования – Богословским институтом, разнообразными курсами. Но особенно крепкой эта связь была с заменившим осенью 1918 года закрытую Духовную семинарию Богословско-пастырским училищем, где члены братства составили значительную часть учащихся и преподавателей, в число которых входил и один из главных основателей и руководителей братства священномученик архимандрит Лев (в миру Леонид Михайлович Егоров).

В определенном смысле Александро-Невское братство представляло собою звено в ряду полулегальных религиозно-философских кружков и обществ, существовавших в северной столице в 1920-е годы. В начале 20-х такие общества, официально не зарегистрированные, действовали еще достаточно открыто. Братство имело в своем составе особый православный религиозно-философский кружок.

Важной составляющей деятельности братства стало создание полулегальных монашеских общин в миру, а также монашеские постриги молодых людей (в том числе тайные) с целью сохранения института монашества в условиях массового закрытия существовавших ранее обителей. Первые две общины сестер были созданы осенью 1922 года, затем, в конце 1920-х – начале 1930-х годов, возникло еще несколько небольших общин. Особенно активно в этот период проводились тайные постриги, которые в основном совершал о. Лев.

Одной из основных своих задач Братские отцы считали подготовку молодых образо-

Архимандрит Лев (Егоров)

ванных священнослужителей, – в условиях ограничения, а в перспективе и полной ликвидации духовного образования это позволило бы сохранить кадры духовенства, способного в будущем осуществить возрождение Церкви. Вся деятельность братства очень помогала сплочению верующих всех возрастов и словий перед лицом яростных антицерковных гонений, это было удивительно дружное сообщество людей, трудившихся ради Христа и во имя любви к ближним, где само слово «брат» понималось в его истинно евангельском смысле.

Одного из создателей Александро-Невского братства мы назвали – это был иеромонах Лавры о. Лев (Егоров). Вместе с ним братством руководили его брат Гурий, а также о. Иннокентий (Тихонов). Эти молодые монахи еще в 1916 году развили интенсивную миссионерскую деятельность среди бедного населения Петрограда. Продолжая ее после Октябрьской революции, иеромонах Лев вместе с отцами Гурием и Иннокентием 8 марта 1918 года, когда братство уже действовало, создал при Александро-Невской Лавре молодежный кружок.

Конечно, теперь миссионерская деятельность трех молодых монахов приняла несколько иные, чем до революции, формы. Они не «ходили в народ», зато народ шел к ним. В частности, в состав кружка вошли многие ученицы Епархиального женского училища. Митрополит Иоанн (Вендланд) писал об этом периоде 1918 года так: «По городу разнеслась слава о „братьях Егоровых“. Однажды отец Гурий представился митрополиту Антонию Храповицкому, которого раньше не знал. Когда он назвал свою фамилию, митрополит воскликнул: „А, братья Егоровы, как вас не знать, вся Россия знает братьев Егоровых!“ В те годы отец Гурий познакомился со Святейшим Патриархом Тихоном: несколько раз он ездил к Патриарху в Москву по поручениям митрополита Петроградского Вениамина. Был такой единственный случай, когда Патриарх Тихон [в мае–июне 1918 г. – *Авт.*] приехал в Петроград. Митрополит Вениамин представил ему отцов Иннокентия, Гурия и Льва. Патриарх сказал: „Ну, кто же их не знает, Иннокентия, Гурия и Льва. Их надо выдвигать“»¹.

В январе 1919 года Владыка Вениамин предоставил членам кружка находившуюся при его покоях Крестовую Успенскую церковь. А 1 февраля при этом храме и было окончательно организовано существовавшее с 1918 года Александро-Невское братство. Окормление его членов стало важнейшей частью пастырской деятельности о. Льва. Он служил в лаврской Крестовой церкви, являвшейся центром братской жизни².

Митрополит Петроградский
Вениамин

Позднее, на допросе 27 июня 1922 года, о. Лев указал, что основными целями братства являлись: 1. «чисто церковное возрождение церковного богослужебного устава», который должным образом соблюдался далеко не везде; 2. «борьба с торгашеством в церкви» (исключение продажи свечей и просфор, бесплатное совершение треб); 3. «реформа церковного пения» – отказ от светского исполнения партиями и «пение по обиходу», чтобы «народ легко мог петь с нами». Члены братства бескорыстно исполняли все обязанности по обслуживанию своего храма – пономарей, певцов, выносящих свечи, чтецов и так далее³.

В начале 1920 года в составе братства для занятия богословскими проблемами был создан кружок св. Иоанна Златоуста, заседания которого проходили по средам. Этот кружок входил в занимавшееся богословскими проблемами «Содружество под покровительством святого Василия Великого», председателем которого был старший из братьев Егоровых Николай (профессор математики), а духовным руководителем – о. Лев. К февралю 1921 года состоялось несколько заседаний содружества. Просветительская деятельность братства состояла не только в устройстве лекций, диспутов, но, главным образом, в церковной работе с детьми. И возглавлял ее также иеромонах Лев. Братчики делали все возможное, чтобы после запрещения изучения Закона Божия в школах в народе не угас огонь веры. По благословию митрополита Вениамина для детей и подростков были заведены специальные кресты, хоругви, иконы и облачения. Дети участвовали в богослужениях и крестных ходах.

Архимандрит Николай
(Ярушевич)

Лаврские иноки и миряне из братства вели 69 детских кружков, в которых изучался Закон Божий. Эти занятия проходили в основном по воскресеньям в помещениях при Крестовой митрополичьей церкви. Много внимания уделялось катехизации детей – их учили церковному пению, церковно-славянскому языку, проводили для них говение и отдельную литургию, на которой дети пели, читали и помогали священнику.

Активно откликнулось братство на охвативший страну после окончания Гражданской войны голод. 11 марта 1922 года наместник Лавры архимандрит Николай (Ярушевич) обратился к митрополиту Вениамину с рапортом: «Сыновне испрашиваю благословение Вашего Высокопреосвященства на открытие при Лавре питательного пункта для голодающих на средства богомольцев Свято-Ду-

ховской и Крестовой церковью и при участии представителей тех и других. Добровольные пожертвования на это дело уже начались. Во главе этого дела, в качестве заведующего пунктом мог бы встать, если угодно будет благословить Вашему Высокопреосвященству, иеромонах Лев». Уже на следующий день – 12 марта – Владыка написал на рапорте резолюцию: «Господь да благословит добрым успехом святое начинание» и назначил заведующим питательным пунктом о. Льва⁴. Забота об арестованных и осужденных выражалась в материальной помощи им и духовной поддержке, которая осуществлялась как при личных свиданиях с заключенными в тюрьме, так и опосредованно. На допросе 27 июня 1922 года о. Лев сообщил, что в помощи тем заключенным, которых они знали, члены братства старались никогда не отказывать.

В первые послереволюционные годы в Петрограде возникло, кроме Александро-Невского, еще несколько православных братств. Необходимо стало координирование их деятельности. И 5 мая 1920 года в Лавре, после молебна и приветствия митрополита Вениамина, в помещении при Крестовой церкви открылась первая общебратская конференция, на которой было принято совместное решение об объединении всех существующих городских братств в союз «на почве религиозно-просветительной и благотворительной деятельности». Во время заседаний конференции работали пять секций, и одну из них – по работе с детьми – возглавлял о. Лев. Он, таким образом, фактически был признан руководителем этого направления церковной деятельности в Петрограде. На конференции был принят примерный общебратский устав, написанный отцами Иннокентием, Гурием и Львом, а также выбран совет общебратского союза. На правах несменяемых членов в него обязательно входили духовные руководители братств, трое из которых – иеромонахи Иннокентий, Гурий и Лев – практически вершили все дела в самом совете, призванном «служить объединяющим центром всех братств» и «разрешать всевозможные вопросы братской практики»⁵.

В совете общебратского союза о. Лев состоял вплоть до его ликвидации весной 1922 года, при этом молодой иеромонах активно занимался работой не только с детьми и молодежью, но и миссионерской преподавательской деятельностью. С осени 1918 по июль 1922 года он читал лекции по русской литературе в Богословско-пастырском училище. В апреле–июле 1921 года о. Лев был членом организационного бюро 2-й общебратской конференции Петроградской епархии, вновь исполняя обязанности организатора детской секции. Кроме того, ему поручили составлять новую братскую молитву. Активно участвовал о. Лев и в работе конференции, состоявшейся в начале августа 1921 года. А с 18 августа 1921 года до лета 1922 года он состоял в образованном при Феодоровском соборе мужском монашеском кружке Петроградской епархии, имевшем своей целью «выяснение вопросов монашеской жизни и распространение идей монашества, особенно среди учащихся». К 1 апреля 1922 года на собраниях кружка было прочитано 13 докладов, главным образом по истории монашества, часть которых произнес о. Лев⁶.

Активная пастырская деятельность молодого иеромонаха была прервана в июне 1922 года в связи с началом кампании по изъятию церковных ценностей и организованного высшими органами коммунистической партии и ГПУ так называемого обновленческого раскола. После ареста Патриарха Тихона и его вынужденного отказа 12 мая 1922 года от руководства Православной Церковью обновленцы доминировали в церковной жизни страны более года. Во многих районах, в том числе в Петрограде, они первоначально встретили решительное сопротивление. 28 мая митрополит Вениамин (Казанский) в своем послании к пастве отлучил петроградских обновленцев от Церкви. Именно это стало основной причиной его ареста. С 10 июня по 5 июля 1922 года в городе прошел судебный процесс над 86 священнослужителями и мирянами. Их обвиняли в организации сопротивления изъятию церковных ценностей.

Надуманность процесса была очевидна, однако власти хотели любым путем, не считаясь с законностью, подавить всякое возможное сопротивление. Поэтому репрессии обрушились и на многих руководителей и активистов петроградских братств, прежде всего – наиболее близкого митрополиту Александро-Невского. И через несколько часов после ареста Владыки, ранним утром 1 июня агенты ГПУ схватили епископа Иннокентия, о. Гурия, трех братчиц, заместителя Лавры епископа Николая (Ярушевича), а 16 июня – и о. Льва. Проведенные допросы и обыски более 40 арестованных по делу православных братств мало что дали следственным органам. Отца Льва допрашивали дважды – 27 июня и 17 августа. Как и большинство других обвиняемых, он не видел ничего предосудительного и запретного в протекавшей совершенно открыто и, по сути, легально деятельности братств и поэтому многое рассказал о ней, однако отверг какие-либо обвинения в контрреволюционности.

Доказать противодействие членов братств изъятию из храмов ценностей не удалось. Практически все арестованные говорили на допросе о своей полной непричастности к сопротивлению этой акции. Следствие не привело к желаемым для властей результатам – арестованных не рискнули вывести на суд. В результате, 14 сентября 1922 года Петроградское губернское отделение ГПУ на закрытом заседании постановило выслать семерых обвиняемых из Петроградской губернии на два года «как политически неблагонадежных», в том числе о. Гурия, епископа Иннокентия – в Архангельскую губ., а о. Льва – в Оренбургскую губ. В отношении других 26 человек дело было прекращено⁷.

Несмотря на репрессии, деятельность Александро-Невского братства не прекращалась, а в 1925 году вновь начала оживать. Один за другим из ссылки возвратились все три основателя братства. Первым, еще в конце 1924 года, был освобожден и приехал в Ленинград о. Лев.

На 1926–1928 годы пришелся новый, относительно благоприятный период существования братства. Конечно, его жизнь и деятельность официально оставалась нелегальной, но в то же время прямо не преследовалась. Несмотря на арест и ссылку епископа Иннокентия, Александро-Невское братство по-прежнему возглавляли три находившихся между собой в тесном духовном об-

щении и единстве руководителя – отцы Гурий и Лев (Егоровы) и о. Варлаам (Сатердотский). В октябре 1926 года отца Льва назначили настоятелем одного из крупнейших соборов Ленинграда – храма Феодоровской иконы Божией Матери в память 300-летия царствования Дома Романовых. Постепенно туда перешла большая часть членов братства, и в 1930 году – два братских хора. Отец Лев был также возведен в сан архимандрита и с марта 1926 года стал исполнять обязанности благочинного, преподавателя русской литературы и члена педагогического совета Богословско-пастырского училища.

Весной 1927 года о. Лев был арестован во второй раз. В это время в училище обучалось около 70 человек, и его популярность стала вызывать у властей раздражение. В конце апреля заведующий районным церковным столом написал городскому руководству заявления о необходимости закрыть Высшие Богословские курсы и Богословско-пастырское училище, так как они «готовят врагов советской власти». Ликвидировать эти учебные заведения в то время власти не решились, но поручили ГПУ сфабриковать «дело Богословско-пастырского училища». Аресты по нему прошли в основном в мае–июне 1927 года и серьезно затронули Александро-Невское братство. 27 мая агенты ГПУ арестовали архимандритов Гурия и Льва, за решеткой также оказались архиепископ Гавриил (Воеводин), епископ Григорий (Лебедев), несколько преподавателей и учащихся. Но в конце концов «дело Богословско-пастырского училища» развалилось. 19 ноября 1927 года всех арестованных освободили под подписку о невыезде, а через год, 10 ноября 1928 года, дело вообще было прекращено «за недостаточностью компрометирующего материала» и взятые подписки аннулированы⁸. Однако все учебные заведения Московской Патриархии к этому времени в Ленинграде (как и по всей стране) были уже закрыты.

Из хранящейся в следственном деле секретной переписки ОГПУ видно, что арестованные по «делу Богословско-пастырского училища» были освобождены с расчетом на то, чтобы они включились в набиравшее силу иосифлянское движение. Советскому руководству были выгодны любые новые расколы и разделения в Русской Православной Церкви как ослаблявшие ее единство. Поэтому на первых порах власти не препятствовали возникновению оппозиционного им церковного движения, получившего свое название по имени руководителя – митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых). Иосифляне не признавали опубликованную в июле 1927 года декларацию Заместителя Патриаршего Ме-

Храм Феодоровской иконы
Божией Матери

стоблюстителя митр. Сергия (Страгородского) о лояльности советской власти и отказывались почитать в храмах и эту власть, и самого митр. Сергия. Некоторые из освобожденных в ноябре 1927 года стали активными участниками иосифлянского движения. Но все руководители Александро-Невского братства единодушно остались верны митр. Сергию. Под их влиянием и практически все члены братства, за редчайшим исключением, не поддержали иосифлян. Эта позиция братских отцов оказала влияние на ситуацию в епархии в целом. Они даже переписывались с руководителями иосифлян, стараясь убедить их в неправомерности занятой позиции.

С рубежа 1928–1929 годов ситуация существенно изменилась, быстро стала нарастать волна массовых гонений и репрессий против всех течений Русской Православной Церкви. Начали закрываться и церкви при ленинградских подворьях ликвидированных монастырей, хотя официально они уже давно считались лишь приходскими. Так, в апреле 1930 года была закрыта церковь подворья Творожковского монастыря, что стало для Александро-Невского братства тяжелым ударом. Из этой церкви архим. Варлаам (Сацердотский) и архиеп. Гавриил (Воеводин) перешли служить в Феодоровский собор. Туда же перешли и оба ранее бывших при Творожковском подворье братских хора. Регентом хора правого клироса был назначен иеромонах Серафим (Суторихин), окормлять его певчих стал настоятель собора о. Лев. Хором же левого клироса регентовала Вера Киселева, а духовным отцом певчих был архим. Варлаам.

На допросе 28 февраля 1932 года о. Варлаам так охарактеризовал последние годы существования братства: «После ареста Гурия Егорова и последующей его высылки руководство остатками „братства“ легло на меня. Общее количество братчиц и братьев к тому времени, т.е. к 1929 г. составляло не более 50 человек... Деятельность „братства“ в этот период заключалась в устройстве хоровых спевков и организации хора в Федоровском соборе. Кроме того, осуществлялась помощь высланному духовенству путем сбора денег, вещей и отправки посылок... О всей деятельности „братства“ было известно Льву Егорову, который является настоятелем собора, и без его благословения в храме ничего не могло совершаться. Однако, установки мои и Гурия Егорова в методах воспитания верующих отличаются от установок Льва тем, что наш с Гурием метод монашеский, Лев же Егоров, не возражая принципиально против монашества, находит возможным его существование не уходя от современной светской жизни, то есть не меняя светского облика. С 1929 г. по настоящее время деятельность нашего „братства“ в основном ни в чем не изменилась»⁹.

Братчица А. С. Борисова на допросе подтвердила существовавшую разницу в методах руководства архимандритов Льва и Варлаама. По ее словам, о. Лев призывал членов братства к широкой общественной деятельности, «направленной на внедрение христианства», поэтому предлагал повышать уровень светского образования и «учил сочетать культурную жизнь с верностью христианству»: «Этим объясняется то, что члены братства – дети о. Льва, в большинстве или люди интеллигентные, или учащаяся молодежь». А о. Варлаам, по свиде-

тельству Борисовой, учил внутреннему благочестию (то есть не призывал к мирской и миссионерской работе) и благотворительной деятельности¹⁰.

Таким образом, разница в подходах отцов Льва и Варлаама заключалась прежде всего в том, что первый из них считал необходимым в изменившихся к худшему внешних условиях готовить образованных молодых людей к принятию тайного монашеского пострига, с тем, чтобы они, живя в светской среде и работая в гражданских учреждениях, боролись за Церковь и несли слово Божие в массы. Второй же руководитель братства полагал, что по-прежнему необходимо создавать полуправильные общины сестер и братьев с уставом внутренней жизни, близким к монастырскому, и постепенным отдалением членов общин от советской действительности и светской среды вообще¹¹.

В 1930–1932 годах архимандрит Лев уже окормлял большую часть братчиц (при приеме он вручал им белые платки). В это время у него было более 50 духовных детей. При этом архимандрит считал необходимым проявлять определенную осторожность и осмотрительность, понимая, что ОГПУ может в любой момент выйти на братство и разгромить его. Именно поэтому он активно способствовал развитию института тайного монашества. Это отмечали позднее в своих показаниях многие арестованные священнослужители. Так, архиеп. Гавриил (Воеводин) на допросе говорил: «Одним из способов укрепления церкви руководители считали тайное монашество, которое, по их мнению, должно было воспитать стойких, интеллигентных и решительных борцов за веру. Сообразно этому круг лиц, группирующихся вокруг Льва Егорова, состоит преимущественно из интеллигенции и учащейся молодежи»¹².

Важная заслуга о. Льва состояла в том, что он неустанно стремился расширить ряды братства, привлекая в него образованную молодежь. Вступившие в братство молодые люди находились в постоянном тесном общении, поддерживая друг друга в различных ситуациях. «Новенькие» поручались «старшим» братчикам. Широко оказывалась материальная помощь учащейся молодежи. Руководство же богословским образованием молодых членов братства осуществляли архимандриты Лев (Егоров), Варлаам (Сацердотский) и другие братские отцы.

Несмотря на фактически нелегальное существование, братство продолжало строжайше запрещенную советскими законами общественно-благотворительную деятельность (помощь бедным, заключенным, монастырям епархии, обучение детей Закону Божию). Ряды братчиков и в конце 1920-х – начале 1930-х годов заметно пополнялись образованными и активными молодыми людьми, и некоторые из них – иеромонах Серафим (Суторихин), иеродиакон Афанасий (Карасевич), Нектарий (Панин) и другие – приняли монашеский постриг.

Полная трагизма и жертвенного служения Всевышнему история братства завершилась в 1932 году. Его судьба была predetermined развернутой кампанией массовых арестов священнослужителей и, прежде всего, монашествующих. В ночь с 17 на 18 февраля общее количество арестованных составило около 500 человек, в том числе более 40 членов Александро-Невского братства. Следствие по всем арестованным было разбито на несколько отдельных след-

ственных дел, в среднем по 50 человек в каждом. И лишь в отношении Александро-Невского братства органы ОГПУ сделали исключение, сфабриковав огромное дело почти на 100 человек. Оно подразделялось на две части, каждая из которых получила свое обвинительное заключение. Первое было составлено на 41 человека, арестованного в Ленинграде, а второе – на 51 человека из «филиалов» братства на периферии.

Следствие проводилось в ускоренном порядке. «Контрреволюционная деятельность» членов братства представлялась следователям очевидной, без необходимости добывать какие-либо серьезные доказательства. Поэтому допросы арестованных чаще всего проводились только один-два раза. Все следствие длилось лишь около месяца, и 15 марта 1932 года было утверждено обвинительное заключение на первую группу арестованных в области монашествующих, а 19 марта – на основных активистов братства в количестве 41 человека. Суть обвинения сводилась к стремлению представить братство в виде мифической контрреволюционной организации, которая якобы со времени своего создания в 1918 году непрерывно вела активную борьбу с советской властью. Открытого суда не было. 22 марта 1932 года Коллегия ОГПУ вынесла подсудимым приговоры – от лишения права проживания в Ленинграде и Ленинградской области на три года до десяти лет лагерей¹³.

К максимальному сроку наказания был приговорен и о. Лев. Позднее, 20 сентября 1937 года, он был расстрелян в лагере. 8 мая 2003 года священномученик Лев и еще два члена Александро-Невского братства – Екатерина Арская и Кира Оболенская – были причислены к лику святых Русской Православной Церковью. Обе они входили в братство с начала 1920-х годов, причем Екатерина Ивановна Арская была членом приходского совета Феодоровского собора и ближайшей помощницей о. Льва. Впервые ее арестовали 18 февраля 1932 года по делу братства и приговорили к трем годам концлагеря. После освобождения Е. Арская поселилась в г. Боровичи (ныне Новгородская обл.), так как проживание в Ленинграде было для нее запрещено. К этому времени в Боровичах уже жила княжна Кира Ивановна Оболенская, арестованная и осужденная на пять лет лагерей еще в 1930 году. Боровичи были тогда местом ссылки духовенства и церковных активистов-мирян Ленинграда. Все эти лица, в том числе Е. Арская и К. Оболенская, вместе с духовенством Боровичей были арестованы осенью 1937 года (всего около 60 человек) и объявлены состоящими в контрреволюционной организации. Арестованные подвергались многочасовым допросам и пыткам, которые смогли выдержать только две женщины – Екатерина Арская и Кира Оболенская. Они до конца отрицали свою вину и отказывались давать ложные показания. 17 декабря 1937 года обе святые (вместе с еще 50 осужденными по Боровичскому делу) были расстреляны.

Почти все руководители братства – архиепископ Иннокентий (Тихонов), архимандрит Лев (Егоров), архимандрит Варлаам (Сацердотский), иеромонах Вениамин (Эссен), иеромонах Сергей (Ляпунов), кроме будущего митрополита Гурия (Егорова) – погибли в 1936–1938 годах. Фактически полностью было уничтожено и первое поколение молодых монахов, принявших постриг до 1932

года, за исключением архимандрита Серафима (Суторихина). В основном уцелели те братчики, которые на момент разгрома еще были подростками. Именно из их числа вышли четыре будущих видных архиерея – митрополит Иоанн (Вендланд), митрополит Леонид (Поляков), архиепископ Никон (Фомичев), архиепископ Михай (Хархаров). В определенной степени к ним можно отнести также архиепископа Михаила (Мудьюгина), мать которого, Вера Николаевна, была активным членом Александро-Невского братства и даже подвергалась за это аресту, а также ныне здравствующего митрополита Волгоградского и Камышинского Германа – духовного сына Владыки Гурия (Егорова), с детских лет росшего среди переехавших в Среднюю Азию членов братства. Несколько юных братчиков стали в дальнейшем священниками. Семена, посеянные братскими отцами, дали свои благодатные всходы. Если бы не ужасные репрессии 1930-х годов, таких «всходов» было бы гораздо больше.

Даже после разгрома 1932 года Александро-Невское братство не исчезло полностью. При поселившемся после освобождения в 1933 году в Средней Азии архимандрите Гурии (Егорове) возникла община его духовных детей – бывших братчиков и братчиц, насчитывавшая около 20 человек и просуществовавшая до середины 1940-х годов. Большинство из них позднее приняло монашеский постриг.

Избежавшие репрессий и оставшиеся в Ленинграде члены братства уже не собирались вместе и не занимались организованной благотворительностью, хотя в индивидуальном порядке продолжали помогать арестованным за веру, а также обучать детей Закону Божию. Они поддерживали друг друга морально и материально, старались хранить верность братским правилам и берегли память о своих погибших в лагерях духовных отцах. Последними из активных членов Александро-Невского братства ушли из жизни: в 1993 году в Санкт-Петербурге – Лидия Александровна Мейер, дочь известного философа, возглавлявшего в 1920-е годы тайное религиозно-философское общество «Воскресенье», и в 2005 году – архиепископ Ярославский Михай (Хархаров), до конца своих дней свято хранивший память о братстве.

Несмотря на то, что со времени деятельности Александро-Невского братства прошло более 80 лет, изучение его истории имеет не только научное значение. Чрезвычайно важно увековечить память невинно пострадавших за веру – расстрелянных, умученных, заключенных в лагеря и тюрьмы, отправленных в ссылку, изгнанных с мест проживания, с работы и т.д. Кроме того, сейчас, в период нового расцвета братского дела в России, может быть учтен и использован опыт работы ранее существовавших православных братств, в том числе одного из самых значительных из них – Александро-Невского.

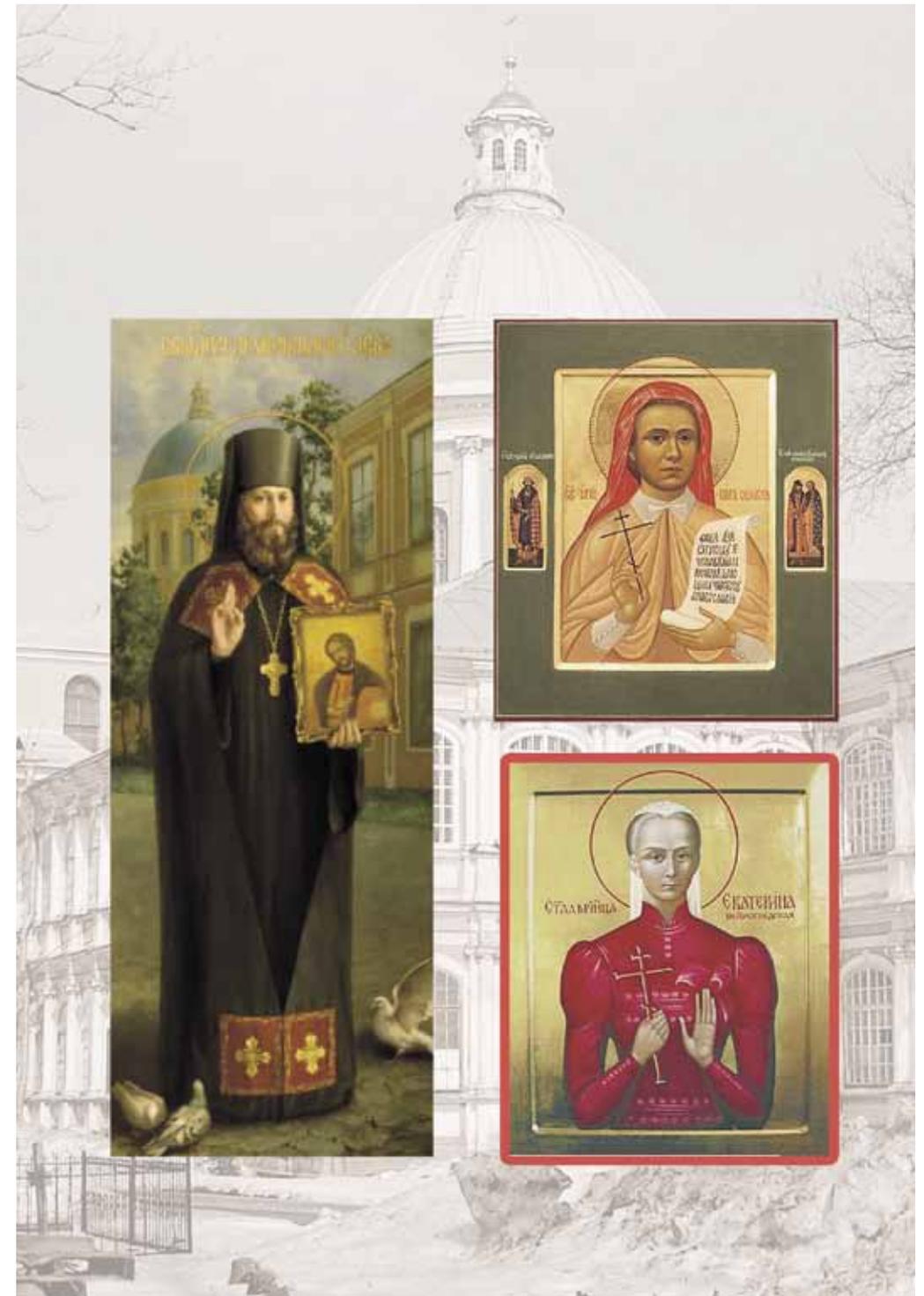
Особенное значение этот опыт приобретает в связи с воссозданием братства при Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре. Инициативная группа по его возрождению была сформирована 11–13 июля 2008 года на форуме соотечественников «Русский Царьград». 18 ноября того же года Епархиальный совет Санкт-Петербургской епархии одобрил ходатайство наместника Лавры архи-

мандрита Назария о возрождении деятельности Александро-Невского братства, и в тот же день митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Владимир благословил его воссоздание. Официальная регистрация произошла в декабре 2009 года.

С самого начала работы возрожденное братство участвовало в подготовке к празднованию 300-летия Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры и 800-летия со дня рождения святого благоверного великого князя Александра Невского, развернуло активную духовно-просветительную и социальную деятельность.

Примечания:

- ¹ Митр. Иоанн (Вендланд). Митр. Гурий (Егоров). Воспоминания. Ярославль, 1980–1981. Рукопись. С. 10.
- ² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 815, оп. 11-1918, д. 70, л. 16, оп. 14, д. 98, л. 10–11, д. 163, л. 34–36.
- ³ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО), д. П-88399. Т. 2, л. 50.
- ⁴ РГИА, ф. 815, оп. 14, д. 114, л. 4.
- ⁵ АУФСБ СПб ЛО, д. П-88399. Т. 2, л. 517–529; Антонов В. В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // Минувшее. Вып. 15. М.–СПб., 1993. С. 427.
- ⁶ Антонов В. В. Указ. соч. С. 431.
- ⁷ АУФСБ СПб ЛО, д. П-88399. Т. 1, л. 29. Т. 2, л. 150, 154, 525–527.
- ⁸ Там же. Д. П-24095, л. 89, 117–118, 214, 226.
- ⁹ Там же. Д. П-68567. Т. 2, л. 24–25.
- ¹⁰ Там же. Т. 4, л. 340–341.
- ¹¹ Мецкерский Н. А. На старости я сызнова живу: прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Рукопись. С. 23.
- ¹² АУФСБ СПб ЛО, д. П-68567. Т. 2, л. 8. Т. 4, л. 281–282.
- ¹³ Там же. Т. 2, л. 212, 440–455.

**Протоиерей
Михаил Браверман**

К проблемам молодежи приковано внимание Церкви. Воспитание подрастающего поколения должно стоять во главе угла общественных и государственных интересов. Можно даже сказать, что это – глобальная мировая проблема современности...

Dependentia ex Deo?

Трудные подростки, теория зависимости и наследие святых отцов

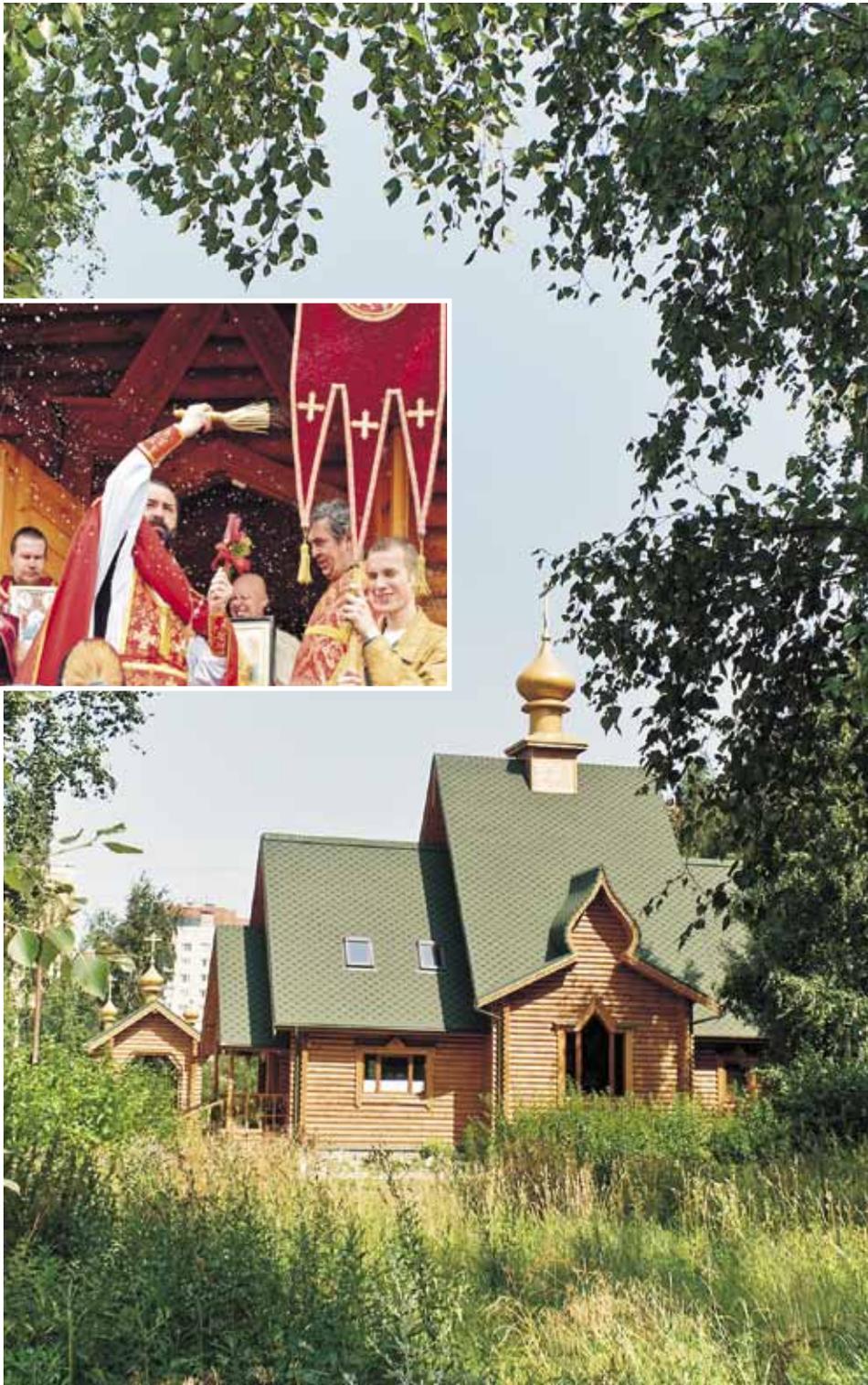
Уже будучи священником, я никогда не помышлял о педагогической работе среди молодежи. Но однажды меня пригласили на предприятие, где учатся и работают так называемые «трудные подростки». И поскольку священник, следуя велению сердца, идет туда, где в нем больше всего нуждаются, я отправился на эту встречу. Как вскоре выяснилось, она на много лет определила круг моих обязанностей, а затем – и тему моей магистерской диссертации. Как сказано в Первом послании апостола Петра, христианин должен всегда быть готовым «дать отчет о своем уповании»!

Для меня сразу же стало очевидным, почему именно священник может быть так востребован в работе с неблагополучной молодежью. Ведь если взаимоотношения у детей-подростков со взрослыми (членами семьи либо учителями) часто складываются не очень хорошо и возникает множество проблем, то в священнослужителе они заведомо могут увидеть старшего друга и заступника. Но чтобы стать таким человеком, соответствовать этому высокому статусу, мне необходимо было для самого себя обосновать свою деятельность и найти такую форму работы, которая, с одной стороны, отвечала бы служению священника, а с другой – имела педагогический и воспитательный характер. И поэтому прежде всего я обратился к Священному Писанию и Преданию.

«Описание человека в христианской антропологии очень близко современному системному подходу...»

Святоотеческая традиция учит нас стараться всегда, во всех случаях жизни иметь Евангельское обоснование своей деятельности. В Древнем патерике, в одном из слов прп. Антония Великого об этом сказано так: «Что бы ты ни делал, имей на это основание в Божественном Писании»¹.

Действительно, в Евангелии мы видим, что Господь по собственному слову «пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф 9:13). В дни Своего земного служения Он имел общение с теми, кто воспринимался обществом как явный грешник, или даже с отвергнутыми этим

обществом людьми. В связи с чем Его и пытались обвинять: «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (Мф 11:19). Но ведь Господь одного из таких мытарей потом даже избирает для апостольского служения! И, как мы видим в самом конце Евангельских событий, Он посылает Своих учеников в мир, ко всем народам – «крестить и учить», не ограничивая эту задачу какими-то социальными, временными или иными рамками.

Эту миссию Церковь несет и поныне. Сегодня вокруг нас живут люди, никогда не слышавшие Слово Божие, не знакомые с Евангельскими заповедями, более того – даже не понимающие, что такое Церковь и какова ее задача в этом мире. И это касается всех членов нынешнего социума – как взрослых, так и совсем молодых людей. Нам представляется очевидным, что нравственное оздоровление общества возможно только тогда, когда человек обретает подлинное знание о мире и человеке, которое заключено в Божественном Откровении – Библии. Именно тогда человек обретает тот духовный фундамент, на котором он может строить свою жизнь.

Казалось бы, столько сейчас иных, разнообразных теорий о мире и человеке, столько наблюдений и открытий... Чем же особенным является именно библейский взгляд на человека, и почему он так современен сейчас? Удивительным образом библейское воззрение на человека оказывается в современном мире не столько архаичным, сколько актуальным. Вот что говорит об этом психолог Л. Ф. Шеховцова: «Описание человека в христианской антропологии очень близко современному системному подходу, так как исходит, прежде всего, из постулата целостности человека: человек не есть то, из чего он состоит, как дом не есть материал, из которого он построен. Человек есть целое. В отличие от современной науки, постулат целостности не только теоретически провозглашен в христианстве, но и реализован в практике спасения, изменения человека»².

**«Дух в человеке
есть ни что иное,
как Дух Божий!»
св. Ирины Лионский**

Человек, каким его видит Церковь, есть таинственный образ Божий, ведь, согласно Писанию, «сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт 1:27). Первым человеком был наш праотец Адам, и поэтому каждый, кто приходит в мир, также несет на себе таинственный отпечаток Божества. Между тем, дать четкое и всеобъемлющее определение понятия «образа Божия» в человеке достаточно проблематично. Ведь так же, как Сам Бог, Который, согласно апофатическому учению Церкви (выраженному, в том числе, и в евхаристической молитве свт. Иоанна Златоуста), «неизреченен, неведом, невидим, непостижим», так же непостижим и Его образ – человек. «Образ Божий онтологически неопределим, можно говорить только об отображении совершенств Первообраза, или, что то же самое, о причастии Его благ», – учит свт. Григорий Нисский³.

«Иными словами, в душе нашей мы можем усмотреть: троичность Ипостасей, единство естества, единовременность, нераздельность, неприступность, неизобразуемость, несозерцаемость, нерожденность, рождение, исхождение, творчество, промышленность, суд, неприкосновенность, бесплотность, нетление,

неистребимость, бессмертие, вечность, необъяснимость, великолепие»⁴. Вот те божественные атрибуты, которыми наделена и наша душа! Конечно, «это образ библейских типологий, а не абсолютного тождества»⁵.

Также, по мнению святых отцов, в уже более определенных чертах образ Божий находится в разумности, свободной воле, бессмертии души, господстве над творением, способности творить. Но человек есть существо как изначально духовное, так и психофизическое, поэтому и *тело* тоже включено в понятие образа Божьего. Ведь стать человеком Бог благоволил еще прежде сотворения мира. «И потому, – пишет о Христе Спасителе свщмч. Ириной Лионский, – Он и появился в последние времена, чтобы показать, что Его образ похож на Него»⁶.

Антропологические взгляды Ирины Лионского имеют для нас особое значение: они как нельзя лучше подходят для теоретического обоснования церковной педагогической деятельности в среде подростков и, в частности, тех молодых людей, которых мы называем «трудными», или даже, говоря языком психологии и социологии, «деликвентными», то есть совершившими правонарушения.

Вслед за апостолом Павлом Ириной Лионский учит, что: «Совершенный человек... состоит из трех: плоти, души и духа»⁷. При этом «дух спасает и образует, плоть соединяется и образуется, а средняя между этим двумя, то есть душа, иногда, когда следует духу, возвышается им, иногда же, угождая плоти, ниспадает в земные похотения»⁸. Комментируя эти слова, прот. Иоанн Мейендорф пишет: «Предлагаемая Иринею схема очень динамична, каждый элемент в ней несет свою особую функцию: духу принадлежит господство над телом, душа же подвижно располагается между ними; чем ближе к духу „поднимается“ душа, тем более человек приближается к Богу, чем ниже она „спускается“, тем ближе человек к животному. Когда св. Ириной говорит о Духе, его мысль ясно различает между духом человеческим и Духом Божиим. Вполне вероятно, что он умышленно пользовался этим термином в обоих значениях сразу, не проводя четкой границы. Как бы то ни было, для Ирины не существует трудностей, связанных с общением между человеком и Богом. Дух в человеке есть ни что иное, как Дух Божий! Иными словами, „образ и подобие“ в человеке Богу следует представлять не в виде отражения или картинки, а в категориях *единства, общей жизни, общения или участия*»⁹.

Такое понимание человека в современной богословии носит название «теоцентрическая антропология». Человек, по мнению Церкви, не просто автономное существо, – человек зависит от Бога, и человек приходит в мир для того, чтобы познавать Бога. Это – Божественный замысел о человеке, вне которого человек не соответствует своему призванию.

И поскольку центром, самой сакральной сердцевинной человеческой жизни является именно Бог, то несомненно также, что подлинный воспитательный и образовательный процесс обязательно должен подразумевать духовную составляющую. Ведь без духовной составляющей человек утрачивает свое, с точки зрения Церкви, уникальное призвание – быть образом Всевышнего Бога.

**«Грех – это болезнь.
А болезнь себя являет
в каких-то симптомах»**

Исходя из принципа «антропологического теоцентризма» и нашего опыта общения с неблагополучными молодыми людьми (в частности, «дилеквентными»), мы вводим в теорию педагогического сопровождения трудных подростков понятие *депенденция*. Латинское слово *dependentia* означает «зависимость», в его основе лежит глагол *pendeo* – «виснуть». Так и по-русски на молодежном жаргоне обозначается та или иная зависимость и, что интересно, так же называют собой в работе компьютера.

Изучение поведения подростков (а надо сказать, что практически все подростки в различной степени «трудные») показывает, что подавляющее большинство из них страдает от тех или иных вредных привычек, среди которых – курение, употребление алкоголя и наркотиков, почти общая компьютерная зависимость.

Для того, чтобы помочь найти выход из подобной ситуации, мы и предлагаем теорию зависимости, и вводим в нашу практику понятие *депенденция*, при этом разделяя зависимости на три разнородные группы. *Dependentia vitalisa* – это комплекс естественных, жизненных потребностей человека в пище, кислороде и т.д. *Dependentia falsa* – это совокупность негативных, болезненных и *фальшивых* зависимостей человека от вредных привычек, среди которых назовем курение, алкоголизм, наркоманию, различные формы девиантности. И, наконец, третья – *dependentia divinalis*. Это – зависимость человека от Бога (лат. *ex Deo*). Мы полагаем, что для того, чтобы стать свободным от греховных привычек, необходимо осознание потребности в общении с Богом, понимание того, что сам человек не в силах избавиться от болезненных пристрастий. Иными словами, необходим *свободный выбор* своей *dependentia divinalis* – «зависимости от Бога».

В Евангелии Сам Господь говорит нам: «Всякий, делающий грех, есть раб греха...», «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин 8:34, 36). Подлинную свободу человек может обрести работая, служа Богу, а вне этого человек остается рабом своих грехов и вредных привычек. Остается человеком, страдающим от фальшивой зависимости.

Вот как рассуждает о нашей зависимости от греха и от Бога профессор СПбПДА архимандрит Ианнуарий (Ивлиев):

«В Библии *раб Божий* – это всегда очень почетное наименование. Человек ведь всегда кому-то служит и чему-то служит: служит кому-то в миру, служит своим идолам, служит самому себе, своему эгоизму, служит человеку, либо идее, либо родине, либо императору, либо партии. Человек всегда кому-то служит, и абсолютно свободных людей не существует, человек всегда ограничен. И в религиозном смысле человек, прежде всего, раб греха. Грех – это как болезнь, которая пронизывает все человеческое существо. Грех есть не просто какое-то нарушение заповедей (такое понятие греха – примитивно). Грех – это прежде всего понятие отчужденности от Бога. Грех – это болезнь. А болезнь себя являет в каких-то симптомах. Симптомы греха видны в каждом человеке – это прежде всего его ограниченность, его несвобода, его болезненность, его, в конце концов, полное разложение и смерть... И человек никуда не может деться от этого

служения греху: что бы человек ни делал, каждый момент его приближает к концу, к его смерти, что бы он ни делал, он всегда работает греху и смерти. Он – раб греха. Лучше, все-таки, быть рабом Божиим, рабом Свободы, служить вечной жизни, а не смерти»¹⁰.

Все вышеизложенное, как теоретическая база, предполагает практическую реализацию. Ряд идей положен в основу церковной работы с подростками, прежде всего – «трудными».

**Каждый человек
достоин уважения,
к каждому человеку
Бог относится,
оберегая его
достоинство
и не нарушая его
свободы**

По мнению многих педагогов, сегодня никто, кроме Церкви, не сможет объяснить молодому человеку, что понятия «добро» и «зло» абсолютны, они не зависят от обстоятельств, времени и места. И мы сегодняшнюю школьную ситуацию можем обозначить как кризисную, отметив, что этот кризис для человека извечен, он всегда сопутствует процессу взросления и становления. Но помимо внутренних причин, обусловленных природой человека, пораженной грехом, есть и внешние факторы.

Конечно же это, прежде всего, социально-экономические факторы: неблагополучная семья, школьная дезадаптация, разрушительная роль СМИ. Это, наконец, то новое, о чем не мечтали даже писатели-фантасты, – всемирная паутина Интернет.

В данной ситуации представляется, что ответ на многие вопросы об особенностях психики и поведения молодых людей-подростков может дать нам именно Церковь. Ведь центральным моментом подросткового возраста является проблема самоутверждения – формирования самооценки, представления о себе как о личности. Часто в результате неблагоприятных условий воспитания у подростка формируется резко заниженная или же, наоборот, завышенная самооценка.

В то же время один из ведущих мотивов человеческого поведения – это мотив самоуважения, который возможен при положительно оцениваемой деятельности. Известно, что низкая самооценка переориентирует подростка на девиантный путь развития. Когда у подростка по каким-то причинам формируется низкая самооценка, его потребность в самоуважении особенно обостряется и заставляет активно искать способы ее удовлетворения. И если подростку не удастся повысить самооценку социально приемлемыми способами, то он выбирает альтернативные образцы поведения, при этом происходит переориентация на нормы асоциальных групп. Участие в таких группах предоставляет иные способы самоутвердиться и позволяет тем самым повысить ложную самооценку.

Но ведь именно Церковь может дать молодому человеку критерий правильного отношения к себе. Потому что для Церкви всякий человек, будь то заслуженный профессор или малолетний правонарушитель, является таинственным «образом Божиим». Каждый человек достоин уважения, к каждому человеку Бог относится, оберегая его достоинство и не нарушая его свободы. Услышать об этом для молодого человека, обеспокоенного проблемой самоутверждения,

уже во многом означает встать на правильный путь. Узнав о своей ценности, подросток также узнает и то, что только от него зависит, *что* будет с тем «образом Божиим», который находится в его душе – будет ли он над ним трудиться, либо же будет его искажать, будет ли рабом греховных привычек или предпочтет свободу. В общем, станет ли он зависимым от греха или изберет Бога. Именно от этого и зависит реализация себя.

Знание, как пришел к Богу святой, может помочь в поисках идеала

Важная особенность юношеского возраста – стремление к идеалу. Но у современного подростка идеал зачастую совсем не соответствует общепринятым нормам морали. СМИ, а также кинематограф на роль для подражания предлагают, очень часто, тип морально несостоявшегося человека, в котором добро и зло перемешаны, и это является для героя нормой. Но ведь тем самым в человеке искажаются образ и подобие Божии, теряется устремленность к самосовершенствованию... Конечно, наивно было бы ожидать, что образы святых Александра Невского или Иоанна Кронштадтского сразу же найдут отклик в молодежной среде. Но, несомненно, когда молодые люди узнают о том, что их имена имеют определенные значения, что у каждого из них должен быть День именин и что их имена прославлены теми или иными святыми, это, как показывает опыт, не может их не заинтересовать. А ведь знание того, как святой, с которым мы имеем общее имя, пришел к Богу, кому-то может помочь в поиске столь необходимого идеала.

...вера есть свободный выбор свободного человека

У современных подростков, как правило, наблюдается слабое развитие волевой сферы, и этому есть множество объяснений. Нередко они не умеют управлять своими эмоциями и проявлением некоторых своих потребностей. В связи с этим следование антиобщественным формам поведения для них зачастую представляется более легким и удобным способом существования. Вследствие недостатков в воспитании у несовершеннолетних правонарушителей некоторые волевые свойства могут закрепляться и выступать как отрицательные волевые черты характера. Поэтому так важно объяснять, что *без умения прилагать волевые усилия, без самодисциплины у человека просто не будет будущего*. На протяжении веков Церковь вырабатывала нормы аскетической, деятельной борьбы, ведущей к победе над грехом. Поэтому Церкви есть что сказать сегодняшнему подрастающему поколению. Но это возможно только тогда, когда молодой человек принимает два вышеназванных тезиса: *Откровение Церкви о Боге и человеке и признание святости идеалом человеческой жизни*.

Конечно, невозможно предположить, что проповедь Церкви и ее учение будут в среде молодежи сразу и безоговорочно приняты. Вере нельзя научить, *вера есть свободный выбор свободного человека*. Но для того, чтобы сделать этот выбор, прежде всего необходимы знания. И мы надеемся, что знакомство с учением Церкви о мире, жизни и человеке поможет молодым людям найти нравственные ориентиры и подлинные жизненные ценности.

Любая педагогическая деятельность, в том числе среди трудных подростков, имеет и ту особенность, что результат ее нельзя увидеть сразу. Ведь даже когда мы оглашаем взрослых перед Крещением, и они подходят к этому Таинству серьезно и сознательно, никто не сможет с уверенностью сказать, что и через десять лет они останутся в Церкви. Тем более трудно делать прогнозы относительно будущего молодых людей. Но у нас есть надежда на то, что слово Божие, которое они услышат, все-таки принесет свои плоды. И иногда удастся увидеть этому подтверждение: на улице, в супермаркете, на православной выставке ко мне подходят с вопросом: «Батюшка, а вы меня помните?» Передо мной молодой человек или девушка, но уже совсем не «трудные», они успешно переросли свой кризисный период и сохранили добрую память о своих встречах со священником.

Примечания:

- ¹ Древний патерик, изложенный по главам. М., 1991. С.11.
- ² Шеховцова Л. Ф. Сравнительный анализ концепции человека в современной психологии и христианской антропологии. СПб., 2000. С. 140.
- ³ Цит. по: Флоровский Г. В. Восточные отцы IV века. Париж. 1933. С.159.
- ⁴ Керн Киприан, архим. Антропология святителя Григория Паламы. Париж. 1950. С. 159.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Ириной Лионский, свт. Доказательство апостольской проповеди // Ириной Лионский. Творения. М., 1996. С.579.
- ⁷ Ириной Лионский, свт. Против ересей // Ириной Лионский. Творения. М., 1996. С. 462.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Иоанн Мейендорф, прот. Введение в святоотеческое богословие. Минск. 2001. С. 29–30
- ¹⁰ Иоаннуарий (Ивлиев), архим. Беседы о Новом Завете. Послания апостола Павла. CD. СПб.: Радио «Град Петров», 2006.

АНТИНОМИИ

К 200-летию со дня

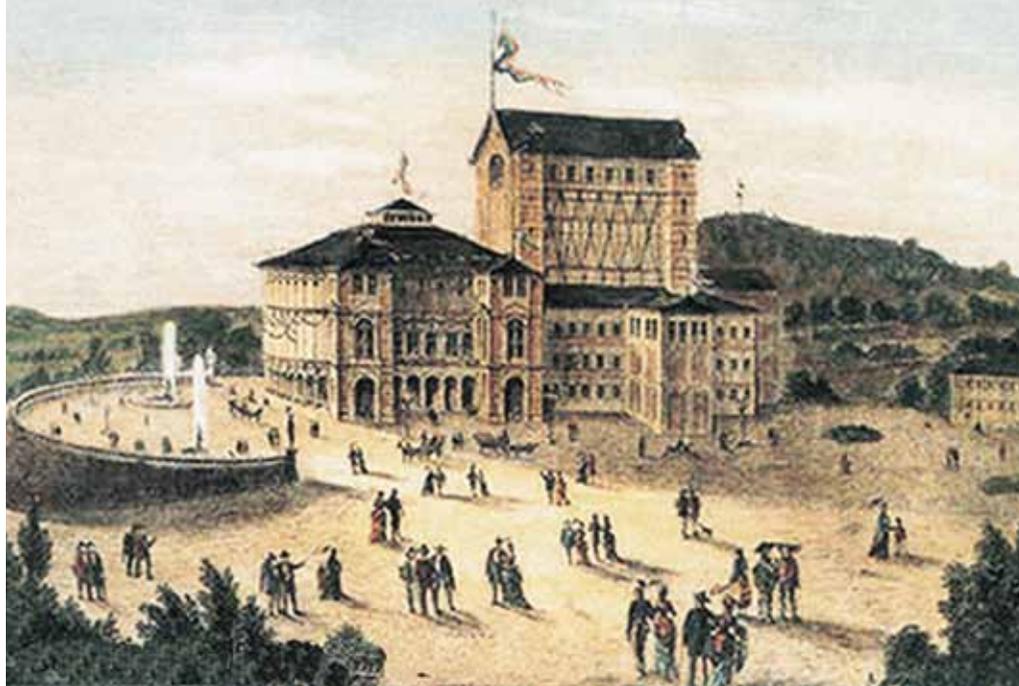
ТАНГЕЙЗЕРА

рождения Рихарда Вагнера

Вагнеровский Тангейзер пытается согласовать в себе природную стихийность и движения души к христианской гармонии. Не таков ли и сам композитор? Он так же соединил в себе вещи несовместимые, и это вновь и вновь порождает проблемы, даже конфликты. Вагнер – явление взрывоопасное. Но потому его и нужно осмысливать. Чтобы увидеть не просто портрет, написанный какой-то одной краской.

В финале «Тангейзера» папский посох – расцвел. И это оставляет надежду...

Первый Байрейтский фестиваль произведений Рихарда Вагнера. 1876 г.

Протоиерей
Димитрий Кулигин

И все-таки – путь к храму?

Ференц Лист как-то написал Рихарду Вагнеру: «Берись за дело и, не считаясь ни с чем, работай над своим произведением, к которому можно, во всяком случае, предъявить требование, поставленное Севильским капитулом архитектору при сооружении собора: «Постройте такой храм, чтобы грядущие поколения говорили: „Капитул, предпринявший такое сооружение, был безумен“. – А собор все же стоит!»¹. И действительно, Вагнер построил именно такой храм, а безумным его называли как на протяжении жизни, так и после смерти. Несомненно, имеет смысл взглянуть в этот храм и работу его строителя внимательнее.

Гениальность как болезнь и как чудо

Еще Джузеппе Верди, прослушав увертюру к «Тангейзеру», заключил: «Он безумен!!!». Для нас этот «диагноз» интересен прежде всего тем, что и христианство могло характеризоваться как безумие*. Разумеется, мы далеки от того, чтобы говорить о тождественности взглядов Вагнера и христианства. Однако известная параллель существует: все то, что не уместается в рамках обычного, все то, что кажется невысказанным, может представляться и безумием. Это касается как мировоззрения, творчества, так и если не религии вообще, то, во всяком случае, христианства. Человек – образ Божий, образ Творца, и он призван раскрывать свои творческие способности, раскрывать до предела, до наивысшей степени творческих сил. По сути дела, каждый человек потенциально гениален,

* «...а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость» (1 Кор 1:23–24). «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем *надобно* судить духовно» (1 Кор 2:14). «Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1 Кор 3:18).

однако его испорченная грехом природа не позволяет реализовать эту способность вполне, а чаще всего способность остается практически не реализованной, и потому гениальность становится не правилом, а исключением – ненормальностью, безумием. В связи с этим понятия «болезни» как ненормальности и «здоровья» как нормы приобретают весьма условный характер, они не могут принадлежать лишь области медицины – еще столетия назад Томас Манн требовал отобрать их у естественных наук².

Существует феномен болезни как величия и величия как болезни, который неправильно рассматривать в естественнонаучной плоскости. *Юродство Христа ради* вполне может быть диагностировано как *уродство*. А что такое юродство, как не «безумно»-гениальная форма «безумной» же религии?

Вагнеровское «безумие» – это болезнь наизнанку, это ненормальность с точки зрения обычности, а в религиозном смысле это – чудо, ибо гениальность – тоже чудо*. Повторим: подобная параллель еще не дает права признавать мировоззрение Вагнера христианским. Хотя бы потому, что из постулата «всякое христианство – безумие» не следует вывод «всякое безумие – христианство»: «дело прежде всего в том, кто болен, кто безумен»³. И как в христианстве есть Христос и есть антихрист, есть Бог и есть дьявол, так и в философско-эстетической области существует своего рода перевертыш – творчество со знаком минус, болезненное творчество, которое не созидает – творит, а разрушает.

И вопрос можно поставить так: было ли творчество Вагнера болезненным или же здоровым? В христианском аспекте: творчество Вагнера – *Христа ради* или же нет?

При такой постановке вопроса мы обращаемся непосредственно к сущности, избегая увлечения примитивным разбором атрибутивно-внешних параллелей. Конечно, без последнего не обойтись, ибо Вагнер использовал христианские сюжеты. Но что кроется за ними?

О творчестве и самоосознании

Анатоль Франс, создавая житийные новеллы, отнюдь не собирался тем самым превознести христианство, а пытался его высмеять**. Может быть, и Вагнер имел ту же цель, или же в христианскую форму он вкладывал нехристианское (антихристианское) содержание? Доводилось читать обвинения подобного рода...

С другой стороны, вспомним о «христианах до Христа» – тех мыслителях, которые до пришествия Христова проповедовали по сути христианские идеи; вспомним Сенеку, «дядю христианства» (Ф. Энгельс), который на заре христианской эры, оставаясь язычником, проповедовал христианскую мораль. Разумеется, Вагнер жил не до Христа и не на заре христианства, однако и по отноше-

* В «Опере и драме» Вагнер, кстати, и говорит о превращении художественного произведения в чудо. И в его устах это не просто метафора.

** Другой вопрос – насколько это у него получилось...

нию к нему подобный подход вполне применим, так как Вагнер – художник все-таки светский, а как для философа естественно, выстраивая конкретную идеологию, оперировать абстракциями, так и для художника естественно брать соуды самой разнообразной формы (художественной) и наполнять их конкретным содержанием (нравственным, религиозным, философским и т.д.). Тем более это свойственно художнику-романтику. И само по себе это еще не означает отступления от веры. Мало того, художник, руководствуясь в первую очередь интуицией, может даже сам ошибаться в истолковании собственных произведений, и Вагнер здесь – ярчайший пример: сколько раз он – как мыслитель – лишь через несколько лет понимал то, что создал его художественный гений!

Вагнер-мыслитель на протяжении всей жизни отставал от Вагнера-художника, имея, как сказал Анри Лиштанберже, «не спекулятивный ум, а интуитивный»⁴. Если мы будем полагаться только на его теоретические работы и высказывания, то Вагнер предстанет перед нами человеком, то и дело меняющим свои взгляды; перед нами окажется портрет, составленный из разных мозаик. Если же черпать материал из его художественных произведений, то можно увидеть личность, которая – когда вслепую, на ощупь, когда с открытыми глазами – шла все время одной дорогой.

Поэтому-то А. Ф. Лосев всем желающим понять Вагнера настоятельно рекомендует обращаться к музыкальным драмам, а не к трактатам: «...эстетика Вагнера в ее подлинном значении может почерпаться не столько из его литературно-критических высказываний, сколько из его художественного творчества, из его общеизвестных, но еще до сих пор с большим трудом понимаемых музыкальных драм»⁵. Эстетика Вагнера «никогда не была... абстрактной или только теоретической»⁶, поэтому ее можно как-то обозначить, можно, так сказать, увидеть воочию. А раз так, то можно судить о ее христианской или нехристианской направленности. Сложность в том, что при этом порой приходится бороться с Вагнером-теоретиком.

Вероятно, это и есть главная вагнеровская антиномия – непонимание себя*. Отсюда – свойственные ему метания**. Он никак не может найти формы, которая соответствовала бы его *profession de foi*, и примеряет и примеряет все новые одежды. С присущей ему поспешностью в выводах он «хватает» новую форму, ему все кажется, что вот, наконец, он нашел, что искал, но через некоторое время он понимает, что снова ошибся. Так происходит и с политическими взглядами Вагнера, и с философскими, и с религиозными***. Он ищет *идеальное выраже-*

* «Редко можно встретить человека, который в своих восприятиях и понятиях так удивительно разошелся бы с самим собой, так был бы чужд самому себе, как я», – искренне признавался Вагнер (*Вагнер Р. Моя жизнь // Вагнер Р. Мемуары. Письма. Дневники. В 4 т. Т. 4. М., 1912. С. 202.*)

** Метания происходили и от весьма неустойчивой психики Вагнера. Думается, между тем и другим источниками метаний существует прямая связь.

*** Деление на эти составляющие условно, ибо Вагнер, по собственному признанию, никогда не был политиком, а философия и религия у него неразрывно связаны.

ние идеала – занятие весьма неблагодарное, ибо в несовершенном мире невозможно найти совершенство.

Первой «одеждой», которая Вагнеру не подошла, оказалось именно христианство – как раз ввиду того, что родился он в христианской колыбели. Затем он примерил и костюм атеиста, и античный гиматий, и индийскую дхоти. Чтобы понять, насколько Вагнер был христианином или нехристианином, надо разобраться в его отношениях с чуждыми христианству мировоззрениями.

Полярным христианству, несомненно, является *атеизм*, он как раз и несет в себе разрушение христианских ценностей. И композитор не миновал увлечения им, а также и иными религиозными традициями.

О костюмах и декорациях

В 1848–1849 годах Вагнера захватывает революционный вихрь, а для политической революции, как неоднократно убеждала нас история, характерно неприятие если не всякой религиозности, то, по крайней мере, христианской. И в эти годы Вагнер «проповедует непримиримейший атеизм, прославляет природу, жизнь, любовь, сильно подчеркивает враждебность к аскетическим и христианским идеям»⁷. Идеальным вдохновителем композитора называют прежде всего Людвига Фейербаха, чей афоризм «Никакой религии! – такова моя религия» не требует комментариев. За Фейербахом следуют неогегельянцы А. Руге, Д. Штраус, П. Ж. Прудон, В. Вейтлинг, Ф. Р. де Ламенне и русский анархист М. А. Бакунин, но на них нам нет смысла останавливаться: влияние неогегельянцев на Вагнера весьма и весьма опосредованно*, ибо «никаких неогегельянцев Вагнер и вовсе не читал»⁸, а Бакунин произвел на него впечатление скорее своей незаурядной личностью, нежели «мутно-анархической проповедью»⁹.

С Фейербахом дело обстоит сложнее. Ему Вагнер посвятил одно из своих ключевых сочинений – «Das Kunstwerk der Zukunft» («Произведение искусства будущего»^{**}, 1850)^{***}, и большинство биографов Вагнера признают влияние Фейербаха в качестве одной из пусть и случайных, но все-таки важных причин наступившего в 1848–1849 годах у композитора «кризиса неверия»; и сам Вагнер не отрицает фейербаховского влияния на свои воззрения того времени. Однако из сочинений мыслителя-атеиста мыслитель-музыкант до середины 1850 года был знаком лишь с «Мыслями о смерти и бессмертии», которые бегло проглядел, остановившись более детально лишь на двух главах – «Моральное значение

смерти» и «Спекулятивный разум и метафизика смерти»*. Такие теоретические работы Вагнера той поры, как «Искусство и революция», «Произведение искусства будущего», «Революция», и такие концептуально важные творческие наброски, как «Иисус из Назарета» и «Кольцо нибелунга» были созданы без прочтения *основных* трудов Фейербаха. Впоследствии Вагнер с трудом осилит «Сущность христианства» (1841)^{**}, а книгу «О сущности религии» захлопнет сразу же, как только поэт-революционер Георг Гервег^{***} в первый раз откроет ее перед ним¹⁰. «Тем не менее, Фейербах являлся в моих глазах представителем решительного, радикального освобождения личности от тисков религиозного авторитета, от всех представлений, создавшихся на этой почве»¹¹.

Под влиянием Фейербаха или в силу каких-либо иных причин Вагнер в конце 40-х – начале 50-х годов проповедует «радикальное освобождение личности от тисков религиозного авторитета», то есть атеизм. Вне природы ничего нет, заявляет он, всем правит Необходимость, и религиозные представления есть только иллюзия, возникшая от несовершенства сознания человека, который идеализировал самого себя, назвав этот идеал Богом. Несовершенное сознание творит несовершенные же законы – религиозные ли, общественные ли, – которые ничто перед великим законом инстинкта и необходимости: «действительно лишь то, что дано в ощущении», – таков девиз Вагнера, который он нашел у Фейербаха¹².

Но так ли атеистичен был Вагнер, так ли нерелигиозен был он в то время? Он декларировал примат чувства перед сознанием, и сознание его постулирует атеизм, однако если мы прислушаемся к голосу его души, прорывавшемуся сквозь тернии умствований, то увидим, что и в этот период он остается человеком вполне религиозным.

Уже после поражения революции Ференц Лист, хорошо знакомый с критическими работами Вагнера о христианстве, присылает ему в изгнание строки, полные христианского утешения и призыва обратиться к вере, присовокупляя: «Смейся как хочешь горько над этим чувством», то есть ожидая услышать в ответ сарказм. Однако получает Лист отповедь совсем иного рода: «Как ты мог подумать, что твои щедрые излияния вызовут во мне усмешку! ... Видишь, друг мой, я тоже имею твердую веру, которая заставляет меня клеймить политиков и правоведов»¹³. Нельзя сказать, что вера в этом письме облечена в христианскую

* Интересно, что в своих воспоминаниях Вагнер восхищается не идеями философа, а его стилем: «Особый, всеми оцененный, лирический стиль автора произвел на меня, человека философски совершенно необразованного, чрезвычайно приятное впечатление» (Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники. Т. 2. С. 213.).

** «Беспомощная расплывчатость в развитии основной мысли, взгляды на религию с субъективно-психологической точки зрения, все это ощущалось при чтении, как известный недостаток» (Там же).

*** Гервег, Георг (1817–1875) – известный немецкий поэт и публицист, по своим политическим убеждениям – социал-демократ. Был знаком с Бакуниным и Герценом. С последним дружил до тех пор, пока Герцен не узнал о том, что Гервег стал любовником его жены.

* Так, можно найти параллель между взглядами Вагнера и прудоновской формулой «Собственность – это кража». Однако в «Мемуарах» Вагнер лишь упоминает Прудона, и то в отвлеченном порядке – не более того (см.: Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники. Т. 2. С. 160.).

** Другой перевод – «Художественное произведение будущего».

*** Однако при последующих переизданиях этого труда посвящение было снято.

форму, но что она присутствует, – вне всякого сомнения. Более того, религиозная вера присутствует у Вагнера и в революционных памфлетах. Вроде бы, естественно: раз он клеймит христианство, то его вера должна иметь иной культурно-религиозный характер, и таковым может обладать античное язычество. Но говорить об отсутствии веры все же неправильно, поэтому, между прочим, даже в советское время хотя и не забывали привести цитату из «Искусства и революции» о возникновении «нового коммунистического порядка», но понимали, что Вагнер – далеко не марксист¹⁴.

Также не являлся Вагнер и последователем буддизма – религиозного мировоззрения, за которое он ухватился в постреволюционные годы. Не являлся, несмотря на кажущееся серьезным увлечение им.

Во-первых, из сочинений о буддизме он прочел только «Введение в историю буддизма», о котором в своих мемуарах упоминает мельком как о книге, более заинтересовавшей его во время болезни, чем другие¹⁵, и «Историю буддийской религии» Кеппена, которую характеризует как «неприятную книгу»¹⁶. Во-вторых, еще до знакомства с буддизмом он встретился с философией Шопенгауэра, которой проникся в согласии с собственными пессимистическими настроениями. В-третьих, как пишет Лосев, «европейский человек середины XIX века уже не мог понимать нирвану просто как небытие или смерть. Личность Вагнера была слишком сложна, чтобы он мог остановиться на этом»¹⁷.

Даже по скудным строкам мемуаров можно заметить, что Вагнера занимает скорее не сам буддизм, а красота одной из легенд и возможность выразить собственные мысли в эффектно-экзотической форме. «Я сразу понял, – повествует он, – каким образом можно передать звучащий музыкальный мотив двойной жизни, и вот это именно и побудило меня с особой любовью остановиться на мысли о создании „Победителей“»¹⁸. Вагнеру интересна не идея перевоплощения, а то, что с ее помощью можно показать страдающего человека, – именно тема страданий стала для него весьма актуальной в это время, в первую очередь по личным причинам (отношения с Матильдой Везендонк). Он такой же «буддист», как митрополит Сурожский Антоний (Блюм), приводивший в своих рассуждениях о христианском познании Бога известную буддийскую притчу о сляной кукле и остававшийся при этом христианином вполне*.

* «Соляная кукла после долгого путешествия по суше пришла к морю и обнаружила нечто такое, чего никогда прежде не видела, и не могла понять, что это. Она стояла на твердой почве, плотная маленькая кукла из соли, и видела, что есть другая почва, подвижная, неверная, шумная, странная и неведомая. Она спросила море: „Кто ты?“ И оно сказало: „Я – море“. Кукла спросила: „Что такое море?“ И ответ был: „Это я“. Тогда кукла сказала: „Я не могу понять, а хотела бы; но как?“ Море ответило: „Коснись меня“. Кукла робко выставила вперед ногу, прикоснулась к воде и испытала странное впечатление, будто что-то начало становиться познаваемым. Она вынула ногу из воды и увидела, что у нее нет пальцев; испугавшись, она сказала: „Где же мои пальцы, что ты со мной сделала?“ И море сказало: „Ты отдала нечто для того, чтобы понять“. Постепенно вода смывала у куклы частицы ее соли, а кукла заходила все дальше и дальше в море, и в каждое мгновение у нее было чувство, что она узнает все больше, но все-таки не может сказать, что такое море. Она заходила все глубже и растворялась все больше, повторяя: „Но что же такое море?“ Наконец, последняя волна растворила остатки ее, и кукла сказала: „Это я!“» (Антоний Сурожский, митр. Безмолвная молитва // Антоний Сурожский, митр. Школа молитвы. Клин, 2001. С. 97.).

Нирвана увлекает Рихарда Вагнера как «предел наивысшего напряжения» (А. Ф. Лосев) человеческой жизни, но абсолютно отречься от внешнего мира, в том числе и от искусства – для истинного художника, каковым являлся немецкий композитор-мыслитель, это просто невозможно. Кроме того, буддийская нирвана – и он это ясно сознавал – не выход и для его личной драмы: «для любящих нет отречения от мира, а значит, нет ни спасения, ни единения в нирване»¹⁹. В итоге нирвана для Вагнера – это в наивысшем напряжении слияние любви и смерти. Именно такова суть «Тристана и Изольды», драмы, которая может казаться некоей аллюзией на буддизм, но по существу буддизмом ни в коей мере не являющейся, как то часто пытаются представить.

Содержание этой «уличенной» в буддизме музыкальной драмы, либретто которой написал сам композитор, таково.

Тристан везет на корабле пленницу Изольду как невесту для своего дяди короля. Оскорбленная Изольда пытается отравить себя и Тристана, но ее служанка Брангена умышленно выливает в чашу с вином вместо яда любовный напиток. Думая, что они скоро умрут, Тристан и Изольда открывают друг к другу свою любовь. Однако они не умирают, а прибывают во владения короля Марка. Во время королевской охоты влюбленные встречаются в саду перед покоями Изольды, прощаясь ночью и смерть, которые для них выше тщеславного света дня. Их застают король Марк со свитой. Тристан хочет увезти Изольду, но его тяжело ранит рыцарь Мелот. Тристана отвозят в его замок в Бретани, где он, находясь при смерти, ждет Изольду. При ее появлении Тристан в волнении встает, сбрасывая повязки, и бросается в объятия Изольды для того, чтобы тотчас умереть. Появляется король, узнавший о любовном напитке и желающий соединить Изольду с Тристаном. Однако уже поздно: Изольда на время пробуждается от оцепенения и умирает на теле Тристана от любовной тоски. Король Марк благословляет их бездыханные тела...

И этот сюжет – буддизм? Ничуть. О каком буддизме может здесь идти речь, тем более, если вслушиваться в слова драмы и внимать ее музыке?

А. Ф. Лосев, доказывая несовместимость «Тристана и Изольды» как с духовным миром буддизма, так и, кстати сказать, с философией Шопенгауэра, писал, что главные герои драмы в музыкальном отношении изображены «как весьма сильные, мощные личности. Это особенно нужно учесть тем, кто слишком сближает эту пьесу с древним буддизмом. Древний буддизм, не веря ни в человека, ни вообще в объективную действительность, был пронизан чувством полного ничтожества всего происходящего. Древний буддизм полностью отрицал эту ничтожную действительность, все слабые и безнадежные порывы человеческого существа, стремясь погрузить всю такого рода слабую и ничтожную действительность в одну бездну небытия. Вопреки этому при слушании музыкальной драмы Вагнера приходится прямо-таки удивляться внутренней силе этих двух героев, стремящихся к нирване. Какая же это нирвана при таком титанизме духа? Тут сказались не нирвана, а глубочайшее и тончайшее развитие человеческой личности в новое время»²⁰.

Остается добавить, что даже подаренную ему статуэтку Будды Вагнер счел безвкусицей и даже не смог скрыть своего неприязненного к ней отношения от

приславшей ему этот подарок особы. «Для Вагнера все эти буддийские реликвии есть не что иное, как „гримасы“ или „карикатуры“ „больного, уродливого мира“. И надо приложить огромные усилия, чтобы противостоять этим внешним впечатлениям и „сохранить нетронутым чисто созерцательный идеал“»²¹.

Так что буддизм Вагнера, как прежде и атеизм, носил явно декларативный характер.

Другое дело – *язычество*. Если с атеизмом и буддизмом Вагнер столкнулся случайным образом, под действием внешних обстоятельств, то с язычеством дело обстоит гораздо более сложно.

О верованиях и образах

Интерес к язычеству проснулся у композитора еще в детские годы, во время учебы в гимназии. «...образы греческой мифологии положительно приковывали к себе мою фантазию, – вспоминает Вагнер, – и мне хотелось, чтобы ее герои говорили со мною на родном для них языке»²². Только ради того чтобы прикоснуться к античным мифам, двенадцатилетний мальчик усердствует в изучении древних языков. Любовь к язычеству ярко вспыхивает в революционную пору. Думается, это не случайно: ведь если европейская революция и принимала какую-то религиозность, то этой религиозностью являлось как раз язычество. У Вагнера содружество революции и язычества проявляется весьма ярко – саму революцию он представляет в образе богини. «Да, мы понимаем теперь, – пишет он в статье „Революция“, – что рушится старый мир и из развалин его возникает новый, потому что идет она, великая богиня – *Революция*»²³.

Может быть, не стоило бы придавать этой метафоре большого значения, если бы языческие образы не были столь любимы Вагнером и в последующие годы, когда от политического «революционного пыла» не осталось и следа, – мы, конечно же, имеем в виду его знаменитую тетралогия «Кольцо нибелунга».

За что Вагнер столь превозносит античный мир? За то, что видит в нем свободу, любовь и благодатную почву для создания истинного искусства. «Свободный грек, который считал себя высшим творением природы, мог в состоянии радостного упоения бытием создать искусство», – утверждает он в статье «Искусство и революция».

Вагнер полон оптимистических надежд, он надеется достичь гармонии человека с миром посредством искусства, он проповедует силу человеческого духа, «божественного человеческого разума», без которого невозможны какие-либо преобразования, – и все это видит в Древней Греции эпохи расцвета, когда греческий дух «положил в основу своего религиозного сознания культ прекрасного и сильного свободного человека». Именно Аполлона Вагнер называет «верховным и национальным божеством эллинов», но не Аполлона – «изнеженного предводителя муз», а «с печатью глубокой жизнерадостности, прекрасного и вместе сильного». Почему Аполлон, а не Зевс, – это понятно. Значение бога прямо пропорционально его связи с искусством, его близости к искусству. А в чем заключалось искусство греков? «Образ Аполлона, воплощенный в творении

ях живого реального искусства, – вот искусство греческого народа во всей его недостижимой правдивости и красоте».

Искусство, правдивость, красота, свобода, своеобразие, жизнелюбие – вот что дорого Вагнеру. И его восторг перед античным язычеством объясняется именно тем, что «религия у греков была почти ничем иным, как поклонением прекрасной человеческой природе; эллинский ум поместил в центре религиозного сознания народа „прекрасного и свободного человека“»; Аполлон же по существу «был видимым и идеальным символом самого греческого народа»²⁴, и все это имело своим результатом подлинно прекрасное искусство.

В итоге дело опять-таки в искусстве, а не в языческой религии как таковой, и «Вагнер мечтает о театральном искусстве, аналогичном искусству античной Греции, когда... лучшие среди народа собирались представлять перед собранным народом трагедии, заставлявшие биться в унисон все сердца, и когда каждый находил художественное воплощение своих самых высоких стремлений»²⁵. Языческая религиозность была для Вагнера, можно сказать, декоративным фоном, бытовой средой античной эстетики. Если на этом основании называть Вагнера язычником, то с таким же успехом можно назвать язычником всякого, кто восхищается древнегреческой трагедией, кому нравится Эсхил, Софокл или Еврипид. Любовь Вагнера к античности – это любовь художника к родственной ему эстетике, а не религиозное *со-верие*.

В конце концов именно античный театр, а не античная религия интересует Вагнера, который рос в театральной среде (отец его был страстным поклонником театра, отчим Людвиг Гейер, который воспитывал Рихарда с младенчества, был актером и драматургом, три сестры его были актрисами, брат стал режиссером), – отсюда и его детская любовь к древнегреческой мифологии. Впитавший мистическую любовь к театру*, Вагнер и стал реформатором музыкальной сцены.

Наконец, не забудем, что обращение к древности, «к истокам» – общая романтическая тенденция. Под «истоками» могло подразумеваться как средневековое христианство (Новалис, Л. Тик), так и античность (Ф. и А. В. Шлегели, Ф. Гельдерлин, П. Шелли)**. Увлечение Вагнера буддизмом, кстати, тоже вполне вписывается в общеромантическую канву. Романтизмом же объясняется и его обращение к средневековью²⁶. Да, Вагнер обращается к древнегерманскому эпосу (= язычеству) в своей известной тетралогии. Но равно ли это проповеди язычества, равно ли это призыву вернуться к «вере предков»? Никак. Разумеется, это не исповедание веры, а тяга художника-романтика к определенным образам. Эти образы ему были удобны как форма, потому что вне своей конкретной религиозной принадлежности они взывали к архетипу – к *мифологии*. Конечно,

* «Раннее знакомство с театром сильнейшим образом влияло на мое воображение» (*Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники. Т. 1. С. 5*). «В связи с этой склонностью к таинственному находилось и увлечение театром» (Там же. С. 14.).

** См., напр.: *Габай Ю.* Романтический миф о художнике и проблемы психологии музыкального романтизма // Проблемы музыкального романтизма. Сборник научных трудов. Л., 1987. С. 8.

нерелигиозная мифология – это абсурд: мифология всегда религиозна – и это тем более важно для нашей темы. Мы лишь хотели подчеркнуть, несмотря на вполне определенную религиозно-историческую форму, так сказать, *внеконфессиональность мифологии*. Возможно, это – *самое важное для понимания религиозности Вагнера*. Такая мифология, понимаемая не в смысле совокупности религиозных преданий, а как логическая структура сознания, является переводом «сверхчувственной реальности на язык, доступный чувственному воображению», она в принципе «отражает верование в духовную реальность, лежащую за пределами чувственного опыта»²⁷. Вот эту-то «лежащую за пределами чувственного опыта духовную реальность» Вагнер и пытается «материализовать». «Для мифического сознания все явлено и чувственно-ощутимо»²⁸, и языческая мифология явно осязательна, явно телесна, чем и привлекает Вагнера. Эти образы удобны и выразительны для художественного воплощения его идей, для реализации его художественного замысла.

Он неоднократно пытался воспользоваться просто историческим сюжетом, думая создать драму о Иисусе Христе, Фридрихе Барбароссе, Манфреде, но в конце концов отказывался от подобных затей, ибо они носили слишком конкретно-исторический характер. Действующим лицом его драмы должен был стать универсальный человек и мифологический герой (понятия пересекающиеся), а исторически реальное лицо не могло являться таковым. Только лишь по молодости, в поисках своего пути, Вагнер сочинил драму на исторический сюжет, но она так и осталась «попыткой, стоящей особняком среди его произведений»²⁹.

Впоследствии, в «Опере и драме» Вагнер объяснил, почему путь «Риенци»*, путь исторической драмы он счел невозможным. «Исторические сюжеты не могут быть пригодны для музыкальной драмы именно в силу того, что, в данном случае, почти невозможно осуществить той гармонии музыки и слова, к которой должен стремиться поэт-музыкант. Конечно, в большом историческом событии можно найти драму, в которой бы приходили в столкновение страсти вечно человеческие и потому годные для переложения на музыку... Но каждая историческая драма неизбежно включает в себе кроме общечеловеческого элемента элемент специфически исторический и случайный... Но все, что условно, случайно, все, что меняется со временем и с модой, может быть выражено словом и понято умом; зато невозможно то же самое дать почувствовать непосредственно сердцу в музыке. Таким образом, автор исторической оперы является застигнутым вра-

* «Риенци, последний из трибунов» (1840) – большая трагическая музыкальная драма Р. Вагнера в 5 актах из жизни Кола ди Риенцо – итальянского политического деятеля XIV века, в мае 1347 года возглавившего восстание пополанов, в ходе которого Рим был объявлен народной республикой (что означало лишение папы светской власти), а ди Риенцо – его правителем, и свергнутого 15 декабря того же года. В 1354 году Кола ди Риенцо снова возглавил Римскую республику, однако в результате восстания римлян, недовольных его тираническим правлением, был убит. Вагнеровская драма, либретто которой композитор составил на основе написанного в 1835 году романа английского писателя Эдварда Бульвер-Литтона (1803–1873), повествует о втором правлении римского трибуна и о его гибели.

сплох между двумя одинаково настоятельными крайностями: с одной стороны, ему нужно выкинуть по возможности весь случайный элемент, – но тогда исторический интерес рискует испариться; с другой стороны, если он хочет сохранить на своем произведении отпечаток истории, то должен ввести в него длинные пассажи, где нужны одни только слова, для понимания которых не требуется никакого музыкального аккомпанемента; но если композитор упорно идет дальше, его музыка не имеет уже никакой необходимой связи с действием и словами; она является лишь накладным орнаментом по отношению к тексту, который вполне мог бы удовлетвориться самим собою»³⁰.

Мифологический сюжет лишен подобных проблем. Миф одновременно и реальность, и символ, он – «диалектическая необходимость сознания и бытия», и он – «подлинно существующая действительность»; отрешенность мифа «есть возведение изолированных и абстрактно-выделенных вещей в интуитивно-инстинктивную и примитивно-биологически взаимно-относящуюся с человеческим субъектом сферу, где они объединяются в одно неразрывное, органически сросшееся единство»³¹, а говоря языком Вагнера («Опера и драма»), «рассудок и чувство синтезируются в фантазии, а фантазия приводит художника к чуду; и это чудо в драме есть не что иное, как ее мифология»³². Вагнер стремится к космизму, к *обобщенной человечности*, которая и приводит его к мифу. Поэтому немудрено, что его реформа музыкального театра преобразила оперу не просто в музыкальную драму, а именно в *музыкально-мифологическую драму*, которая единственно и могла стать подходящим языком для выражения вещей космологического порядка*.

И без осознания этого невозможно понять религиозность Вагнера. Да, он использует языческий сюжет, да, он обращает свои взоры к античности, но *он – не язычник, он – художник*. Его религиозность насквозь мифологична, а так как законы мифообразования, пожалуй, одинаковы для всех религий, то и религиозность Вагнера сложно определить конфессионально и, наоборот, легко спутать с тем, чем она не является.

Ввиду этого небезосновательно говорить в отношении Вагнера и о некоей «новой религии». Но это – тема для отдельного разговора. А сейчас же еще раз повторим: в отношениях с язычеством Вагнер – прежде всего художник**.

Так же как художник он – и в отношениях с *христианством*. Как художник он чувствует: музыкально-мифологическая драма «Иисус из Назарета» невозможна. Он принимает воззрения «несчастливого сына галилейского плотника»,

* Здесь можно говорить уже не о Вагнере-романтике, а о Вагнере-символисте. Действительно, его творчество находится на стыке романтизма и символизма. Он *еще* романтик, но и *уже* символист. И не случайно он впоследствии был столь любим символистами, по крайней мере, русскими (Вяч. Иванов, Блок). Рамки небольшой статьи не позволяют подробнее остановиться на вагнеровском символизме – это тема отдельного труда. Скажем только, что этот символизм религиозен в своей основе.

** Если оценивать «Кольцо нибелунга» с религиозно-конфессиональной точки зрения, то оно скорее не воспевает язычество, а наоборот, показывает его неминуемую гибель. Поэтому вполне логично название последней драмы тетралогии – «Гибель (Сумерки/Закат) богов».

но понимает, что мифологическая драматургия требует иного подхода к изложению этих воззрений. Поэтому, обращаясь к христианским сюжетам, он использует не христианскую историю, а *христианскую мифологию*, причем *национально-окрашенную*. Будь он греком, он, вероятно, взял бы за основу одно из греческих преданий, будь русским – славянское и т.д. Но он родился и живет в Западной Европе, и ему естественней использовать материал западноевропейский. И в этом Вагнер вполне романтик, как и в обращении к теме средневекового рыцарства.

Так рождаются «Лоэнгрин», «Тристан и Изольда» и «Парсифаль», основанные на западноевропейском предании о святом Граале (Грале)*. Можно много спорить о том, какие корни у этого предания – восточные или западные (кельтские, в смысле – языческие), но одно бесспорно: для Вагнера это предание имело именно христианский смысл.

Чтобы снять возможные возражения, процитируем письмо Вагнера Матильде Везендонк, в котором он излагает свое понимание чаши Грааля. «В моем представлении, – пишет он, – Граль – это чаша Вечери, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Спасителя»**. При этом он допускает, что сказание может иметь «чужеземное языческое начало», однако «в моем представлении» это – чаша Вечери Господней.

Принцип «мое представление» – общий для всего вагнеровского творчества, так как любой художественный материал он преломлял через призму собственного видения***, и это необходимо учитывать: тогда многое станет на свои места, тогда и «Нибелунги» со всем языческим антуражем не будут выглядеть столь язычески, преломленные, трансформированные христианским подтекстом (например, Зигфрид – национально-мифологическое изображение Иисуса Христа, Сына Божия).

В «Парсифале»**** «Вагнер выражает не только свое вполне благочестивое отношение к христианской святыне, но отношение это вполне благоговейное, и благоговейное в связи с такой же оценкой евангельской священной истории»³³. Это кажется понятным, если вспомнить расхожее мнение, что в конце жизни Вагнер *вернулся* к христианству, это кажется понятным, когда читаешь его поздние статьи («Искусство и религия», «Героизм и христианство»).

* «Тристана» можно отнести к циклу о Граале на том основании, что в ранней его версии Парсифаль являлся умирающему Тристану.

** Письмо от 30 мая 1859 г. Цит. по: Порфирьева А.Л. «Парсифаль» и его средневековые корни. С. 122.

*** Вагнер это прекрасно создавал. Так, например, говоря о «Вибелунгах» (именно так – «Вибелунги», а не привычное «нибелунги»), «он и сам старается указать, что посвящает свою книгу друзьям, а не историко-юридической критике» (Лихтенберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. С. 254–255.).

**** «Парсифаль» (1882) – музыкальная драма Вагнера на собственное либретто, последняя музыкальная драма композитора. Драма повествует о воспитанном в лесу простеце Парсифале, который возвращает отобранное волшебником Клингзором у короля Амфортаса священное копьё, которым был пронзен Иисус Христос на Кресте, и становится королем Грааля.

Однако то же самое предание о святом Граале интерпретируется им «во вполне благочестивом и даже философско-историческом духе»³⁴ уже в конце 40-х годов, когда его революционное жало беспощадно обличало христианскую религию. Как быть с этой антиномией? Если тогда, на рубеже 40-х и 50-х годов, Вагнер был анти-христианином, то откуда это *благочестие*, откуда, кстати, и желание создать драму о Христе? Если же иначе, то почему он был так агрессивен по отношению к христианству?..

На самом деле у Вагнера никогда не было агрессии по отношению к *собственно* христианству. В своих высказываниях он нападает не на христианство, а на то, что с ним стало. Он видит ложь, лицемерие, двуличие, облеченные в рясу, он видит «волков в овечьей шкуре», он не чувствует христианского духа там, где тот просто обязан пребывать, и обличает именно эти неблагоприятные явления, а не самое христианство.

Пред ним было христианство в двух видах – католическом и протестантском. В лице папства католичество в середине XIX века боролось за светскую власть, явно в ущерб духовности. Протестантство же являлось для него, можно сказать, синонимом буржуазии, к которой у Вагнера тоже была стойкая антипатия, ибо сплетенные с протестантизмом «индустрия» и «капитал», по его мнению, разрушали настоящее искусство. В итоге Вагнер видел перед собой не христианство, а его вырождение. Отсюда и возникли такие фразы, как «христианство оправдывает бесчестное, бесполезное и жалкое существование человека», «лицемерие является, вообще говоря, самой выдающейся отличительной чертой всех веков христианства вплоть до наших дней», и т.п.

Современная Вагнеру христианская Церковь, какой он ее находит, «открыто стала проявляться лишь как непосредственно ощущаемое чувственное воплощение светского деспотизма в связи со светским абсолютизмом, ею же освященным и не менее непосредственно ощущаемым». Этого он не принял уже в отрочестве, когда «настолько потерял уважение к духовному лицу, подготовлявшему его к конфирмации, что охотно примыкал к тем, кто насмехался над ним»³⁵; не принимает он этого и в конце 40-х годов, не примет и позже, когда напишет о попе, который разыгрывает *свое* христианство, «не понимая, зачем он здесь служит»³⁶.

*Вагнер восстает не против христианских ценностей, а против их извращения**, по сути же именно эти ценности являются главнейшими лейтмотивами его мировоззрения и творчества.

Об Искуплении и Любви

Одной из центральных для Вагнера является тема *искупления*. Она звучит уже в опере «Риенци», написанной еще в 1840 году (искупление отечества жертвой отдельной личности). «Летучий голландец» – это сказание о нашедшем искупление моряке; в «Тангейзере» Елизавета, как Сента в «Голландце», отдает жизнь ради искупления греха любимого человека; в «Лоэнгрине» тоже не обхо-

* Вспомним евангельское изречение: «...по делам же их не поступайте» (Мф 23:3).

дится без искупления, связанного со смертью Эльзы. Любовь, смерть и искупление – три идейные составляющие «Тристана и Изольды»; «Кольцо нибелунга» заканчивается актом искупления – возвращением кольца в воды Рейна и восхождением Брунгильды на погребальный костер Зигфрида; в «Парсифале» ясно видна «неоспоримая аналогия» главного героя с «лицом Богочеловека»³⁷.

Искупление падшего человечества – это идея, которая положена в основание всего мировоззрения Вагнера, идея, которая волновала его с раннего детства, когда он «с болезненной страстью» взирал «в церкви на запрестольный образ и в молитвенном экстазе» мечтал «занять место Спасителя на кресте»³⁸. Ради искупления он готов был сам взойти на крест, ради искупления он отверг «официальное» христианство, ради искупления он окунулся в революцию 1848 года, ради искупления он жил, творил, страдал. И итог его жизни таков: «Оптимист в 1848 году, пессимист в 1854 году, он кончает в своей славной старости примирением, в одной оригинальной формуле, оптимизма с пессимизмом, основывая на сознании всеобщего страдания надежду на будущее искупление человечества»³⁹. «Вагнер, по темпераменту своему, отнюдь не является отчаявшимся, презирающим жизнь человеком. Оптимистический инстинкт, который заставляет его постоянно надеяться, даже тогда, когда дело, казалось бы, проиграно для него, – верить от всей души, что для человека возможно „искупление“, – по крайней мере, столь же живуч и естествен в нем, как и пессимистический инстинкт, заставляющий его проклинать настоящую действительность»⁴⁰.

Некоторые частные теории Вагнера также имеют непосредственное отношение к идее искупления.

В частности, его увлечение вегетарианством связано именно с тем, что оно может способствовать делу искупления; из тех же соображений он пропагандирует союзы защиты животных и общества трезвости («Искусство и религия»). В основе его расовых взглядов опять-таки лежит радение об искуплении человечества. Он не призывает к «крестовому походу» против евреев, а взывает к ним в статье «Еврейство в музыке»: «Примите смело участие в деле искупления... и мы пойдем тогда рука об руку»⁴¹. Даже средства, казалось бы, специфически музыкального порядка приобретают для него искупительное значение. «Мелодия, – пишет он в «Опере и драме», – есть искупление вечно случайной и зависимой поэтической мысли, которая через нее поднимается до радостного сознания высшей свободы чувства: она – желаемая и провозвещаемая необходимость, она – бессознательное, ставшее сознательным и ясно представляемым»⁴².

Есть у Вагнера и указание на Христа как на Искупителя мира: «...он [Анфортас – *Авт.*], – пишет Вагнер одному из своих близких корреспондентов, – должен ради единственного подкрепления смотреть на благословенную кровь, которая однажды истекла из такой же раны копьем, нанесенной Спасителю, когда Он, мир благословивший, мир искупивший, за мир страдающий, томился на кресте!»⁴³. И это написано не когда-либо, а именно в 1859 году – в том самом году, когда композитор закончил якобы буддийского «Тристана»*!

Не менее важной темой является тема *любви*, – не в вульгарном, не в плотском, а в возвышенном смысле слова, любви, на которой строились его многими не понятые взаимоотношения с Матильдой Везендонк. Такая любовь – любовь до самоотречения, любовь жертвенная – встречается у него и в «Летучем голландце», и в «Лоэнгрине», и в «Тангейзере», и в «Тристане и Изольде», и в «Кольце нибелунга», и в «Парсифале».

Вероятно, наиболее показательна в этом плане оставшаяся в набросках драма «Иисус из Назарета». В уста Богочеловека Вагнер вкладывает слова: «Я освобождаю вас от греха и возвещаю вам вечный закон духа; этот закон – любовь: если вы будете поступать по любви, вы никогда не согрешите»⁴⁴. Вот идея не только данной драмы, но и всего мировоззрения Вагнера. Она не позволяет видеть в Вагнере адепта буддизма, но теснейшим образом связывает его жизненное и творческое кредо с христианством.

«Тристан и Изольда» – буддизм? Но какой же буддизм в просветлении, рожденном союзом любви и смерти?! Диада «любовь–смерть» встречается не только в «Тристане», да и вообще, по Вагнеру, *настоящее художественное творчество не может существовать без любви, как не может быть без любви нормальной человеческой жизни.*

«Мне удалось рассмотреть сущность явлений в природе и истории с такой любовью и свободой духа, что я не нашел в них ничего злого, если не считать отсутствия любви, – признается Вагнер в письме Листу. – И это отсутствие любви, в свою очередь, я мог объяснить себе только каким-то блужданием, которое от естественного неведения приведет нас к ясному сознанию единой и высшей необходимости любви. Приобрести это сознание и приложить его на практике – вот мировая задача; сцена, где это сознание со временем должно будет передаваться в действиях, – ни что иное, как земля, как сама природа, ибо от нее исходит все, что дает нам это блаженное знание. Для человеческого рода отсутствие любви есть состояние страдания: это страдание в настоящее время держит нас в могучих объятиях и тысячью жгучих ран мучит твоего друга. Но смотри: через него-то мы и познаем удивительную необходимость любви; мы взываем к ней, мы приветствуем ее со страстной интенсивностью, единственно возможной в этом скорбном испытании. И вот таким образом мы приобрели силу, о которой естественный человек не имел никакого представления; и эта сила, сделавшись достоянием всех людей, положит когда-нибудь на земле начало существованию, которое никто не захочет променять на совершенно ненужную тогда загробную жизнь. Ибо человек будет счастлив: он будет жить и любить. А кто пожелал бы оставить жизнь, когда он любит?...»⁴⁵

«Кто пожелал бы оставить жизнь, когда он любит?» – вопрос риторический и, сообразуясь с вагнеровским творчеством, антиномический, потому что любовь у Вагнера идет рука об руку со смертью. Эта антиномия может быть разрешена только христианским пониманием любви – именно любовью до смерти, «смерти крестной» (Фил 2:8). Искупительную любовь (= любовь христианскую) Вагнер поднял на величайшую художественную высоту. Понимание смерти как апофеоза любви, понимание смерти не как не-бытия (= буддийской нирваны), а

* Первый же набросок «Парсифаля» относится к еще более раннему времени – к 1857 году.

как *над-бытия*, высшего, чем нынешняя жизнь, – отобразить все это в таком величественном драматургическом масштабе еще никому не удавалось...

Мировоззрению Вагнера также всегда была свойственна *апокалиптичность* – вне зависимости от оптимистических или пессимистических настроений, связанных с личными жизненными обстоятельствами. «Мажор» ли, «минор» ли – все предвещает катастрофу, все движется к ней (музыкально с этой точки зрения очень интересен «Траурный марш» из «Гибели богов»). И основой каждой истинной религии Вагнер полагает сознание того, что мир – плох. От этой концепции он никогда не отступал. Другое дело, что ни в одной из известных ему религиозных систем – в том виде, в котором он их мог знать, – он не находит опоры. Он не видит полной гармонии между своим внутренним миром и известными ему религиозными или даже антирелигиозными направлениями, поэтому и отвергает их одно за другим. И в этом отвержении – опять-таки черты апокалиптичности. Мир, каким Вагнер его видит, со всевозможными политическими, религиозными, общественными построениями настолько плох, что неминуемо должен погибнуть. Предчувствие катастрофы старого мира никогда не позволяло ему быть оптимистом в настоящем (единственный раз он обратился с надеждой в современность – в революционном 1848 году, – но вскоре понял, что ошибся). Настоящее для него глубоко пессимистично, ибо «сегодня мы – жертва отчаяния и безумия, без веры в будущую жизнь»⁴⁶, и весь его оптимизм связан с грядущим преобразованием греховного мира – «я верю в будущую жизнь». Тема Апокалипсиса в творчестве Вагнера настолько же обширна и сложна, как и темы искупления и любви, поэтому нет возможности рассмотреть ее досконально. Самый яркий пример – «Кольцо нибелунга», драма-эпопея, которая завершается самым настоящим Апокалипсисом: старый мир гибнет, но «мировая катастрофа, о которой вещает Вагнер в „Кольце“, все же открывает путь к новому развитию человечества»⁴⁷...

То, что христианские ценности были также и ценностями Вагнера, его исповеданием, – это ясно. Но его критику христианской Церкви мы все-таки не можем просто игнорировать. Даже став создателем «Парсифаля», в котором многие (например, Ницше) усмотрели возврат к католицизму, Вагнер оставался человеком внецерковным. Пусть содержание этой драмы, по словам католического аббата Ференца Листа, «исполнено чистейшего духа христианства»⁴⁸, но у носителя этого духа так и осталась неразрешенной проблема вхождения в «церковную ограду». Прав ли был Вагнер в своих адресованных Церкви обличениях или нет – другой вопрос. Но что он фактически «бездомный христианин», – не подлежит сомнению. И если уж осуждать за что-то Вагнера с христианской точки зрения, то – только с точки зрения Церкви.

Виноват ли здесь Вагнер? Думается, что большая вина лежит на тех, из-за кого он отринул церковный институт, – на тех, кто составлял «лицо Церкви», кто за материальными реалиями забыл о реалиях духовных. Однако здесь мы можем увлечься иным вопросом – о церковных болезнях вообще, что уже выходит за рамки нашей работы.

В отношении же Вагнера можно было бы рассмотреть еще частную тему: «Если бы Вагнер был православным» (или просто «Вагнер и Православие»),

имея в виду истины Православной Церкви. Попытки «оправославить» Вагнера уже появлялись (см., например, цитируемую нами книгу О. В. Тупицына) и, скорее всего, еще появятся. Но мы были бы в этом вопросе очень осторожны.

Можно, конечно, порассуждать, что случилось бы, если бы Вагнера не «соблазнил» его баварский коронованный поклонник, и композитор, ведомый материальной нуждой, все-таки отправился бы в Россию, где мог бы, в конце концов, получить не какое-то «общее представление» о православном богослужении (и, в частности, об Октоихе, что тщетно пытался растолковать ему В. Ф. Одоевский⁴⁹), а серьезно окунуться в православную веру, прочувствовать ее до глубины души, понять ее инаковость по отношению к аллергически-невыносимым для себя западным церковным формам, быть покоренным этой верой и войти в радость Господа своего...

Однако сослагательное наклонение для истории – вещь довольно зыбкая и может завести в болото собственных чаяний, где легко утонуть в своежелаемом, погрешая против исторической правды. Поэтому, не желая идти подобным путем, не будем делать скороспелых выкладок и пока что скажем так: Вагнер – скорее «еретик», хотя если и еретик, то все-таки христианский. А это уже, как ни странно, немало, так как все-таки ведет его не от храма, а в храм, причем в храм, наполненный не сонмом богов и не уходящими в небытийное просветление, а в храм, в котором Бог есть Любовь...

Примечания:

¹ Цит. по: Манн Т. Страдание и величие Рихарда Вагнера // Манн Т. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. М., 1961. С. 103–104.

² См.: Манн Т. Достоевский – но в меру // Манн Т. Собр. соч. в 10 т. Т. 10. С. 337.

³ Манн Т. Достоевский – но в меру // Там же. С. 338.

⁴ Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1997. С. 196.

⁵ Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Р. Вагнера // Вагнер Р. Избранные работы. М., 1978. С. 20. В связи с этим интересно и замечание А. Лиштанберже: «На самом деле эти две гипотезы – гипотеза единства и гипотеза эволюции мысли Вагнера – отнюдь не кажутся мне непримиримыми. Они, собственно говоря, представляют собою две различные стороны истины. Вагнер, наверное, изменился в своих политических, философских и религиозных мнениях. Внешние случайные события, как то: чтение Фейербаха, ре-

волюция 1848 года, изучение философии Шопенгауэра, дружба с баварским королем Людвигом, торжество байрейтского дела – оказали весьма существенное влияние на его идеи и заставили мысль его двигаться по тому или другому отдельному направлению, принимать те или другие формулы для передачи того, что он чувствовал. Но эти изменения, собственно говоря, более кажущиеся, чем действительные: они скорее касаются выражения мысли Вагнера, чем самой его мысли. Поэтому, изменяясь под впечатлением событий, Вагнер, вероятно, гораздо более оставался верен самому себе, чем это кажется с первого взгляда по его теориям. Критик, желающий обдумать интеллектуальную эволюцию Вагнера, должен, следовательно, постараться понять его зараз в его множественности и в его единстве» (*Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. С. 127–128.).

⁶ Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Р. Вагнера. С. 20.

⁷ *Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. С. 193.

⁸ Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Р. Вагнера // *Вагнер Р. Избранные работы*. М., 1978. С. 34.

⁹ Там же. Есть, правда, и иная точка зрения. Например, Б. Левик утверждает, что обаяние и твердая убежденность Бакунина наложили отпечаток на революционные настроения Вагнера (см.: *Левик Б. Рихард Вагнер*. М., 1978. С. 96.). Но мы отдаем предпочтение мнению таких авторитетных вагнероведов, как Лосев и Лиштанберже, которые не считают воздействие Бакунина на Вагнера хотя бы мало-мальски существенным. По той же причине умолчим о Ф. Шеллинге, из чьей «Системы трансцендентального идеализма» Вагнер едва усвоил несколько первых страниц (см.: *Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники*. Т. 1–4. М., 1911–1912. Т. 2. С. 212), и о Г.В.Ф. Гегеле, от философии которого Вагнера сначала отвлекли «практические планы о переустройстве общества» (революция), а затем – знакомство с «Мыслями о смерти и бессмертии» Л. Фейербаха (см.: *Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники*. Т. 2. С. 212–213.).

¹⁰ *Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники*. Т. 2. С. 214.

¹¹ Там же. С. 213. Именно по этой причине «Произведение искусства будущего» Вагнер посвящает Фейербаху и снабжает обращенным к нему предисловием.

¹² Там же. С. 213.

¹³ Цит. по: *Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. С. 208–209.

¹⁴ См.: *Левик Б. Рихард Вагнер*. С. 94–95. «Он не был социалистом, – пишет Лиштанберже, – потому что если он и проклинал царство капитализма и требовал отмены собственности, то смотрел на коммунизм, на равномерное распределение средств как на „самую смешную и самую нелепую из всех доктрин“, как на опасную и неосуществимую утопию» (*Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. М., 1997. С. 159.).

¹⁵ См.: *Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники*. Т. 3. С. 85.

¹⁶ Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Р. Вагнера. С. 43.

¹⁷ Там же. С. 42.

¹⁸ *Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники*. Т. 3. С. 85. «Победители» – драма, задуманная Вагнером на буддийский сюжет. Героя Ананду страстно любит девушка Пракрити, принадлежащая к другой, низшей касте. Юноша отвергает ее чувственную любовь и дает обет целомудрия. В конце концов и Пракрити дает такой же обет, вступает в общину Будды, в которой становится сестрой Ананду. Эта идея так и осталась идеей, не воплотившись в реальность.

¹⁹ Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Р. Вагнера. С. 44.

²⁰ Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Р. Вагнера. С. 46.

²¹ Там же. С. 43.

²² *Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники*. Т. 1. С. 15

²³ Цит. по: *Левик Б. Рихард Вагнер*. С. 94. В оригинале: «Ja, wir erkennen es, die alte Welt, sie geht in Trümmer, eine neue wird aus ihr erstehen, denn die erhabene Göttin Revolution».

²⁴ Цит. по: *Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. С. 199.

²⁵ Там же. С. 360–361.

²⁶ «Романтизм выносит в круг света европейской культуры религию и философию Индии, германскую, кельтскую и славянскую мифологии» (*Порфирьева А.Л. «Парсифаль» и его средневековые корни // Проблемы музыкознания. Сб. научных трудов. Вып. 3: Традиция в истории музыкальной культуры (Античность. Средневековье. Новое время)*. Л., 1989. С. 115.).

²⁷ Там же. С. 109.

²⁸ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // *Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура*. М., 1991. С. 43.

²⁹ *Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. С. 62.

³⁰ *Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. С. 62–64.

³¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. С. 73.

³² Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Р. Вагнера. С. 28.

³³ Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Р. Вагнера. С. 26.

³⁴ Там же.

³⁵ *Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники*. Т. 1. С. 21.

³⁶ Цит. по: *Порфирьева А.Л. «Парсифаль» и его средневековые корни*. С. 123.

³⁷ *Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. С. 425.

³⁸ *Вагнер Р. Моя жизнь. Мемуары. Письма. Дневники*. Т. 1. С. 21.

³⁹ *Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. С. 381.

⁴⁰ Там же. С. 315.

⁴¹ Цит. по: *Лиштанберже А. С. 395*. Вообще, тема «Вагнер и евреи» заслуживает отдельного разговора. Скажем только, что Вагнер не был тем яростным антисемитом, каким его часто рисуют, и борьба с сионизмом не была *idée fixe* «Кольца», как то полагает, например, О. В. Тупицын (*Тупицын О.В. Чайковский. Бетховен. Вагнер. Христианское восприятие и истолкование музыкальных произведений*. М., 2000.).

⁴² Цит. по: *Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. С. 244.

⁴³ Письмо Вагнера Матильде Везендонк от 30 мая 1859 г. Письмо цит. по переводу, данному в Приложении к статье А.Л. Порфирьевой «„Парсифаль“ и его средневековые корни (См.: *Порфирьева А.Л. «Парсифаль» и его средневековые корни // Проблемы музыкознания. Сб. науч. трудов. Вып. 3: Традиция в истории музыкальной культуры (Античность. Средневековье. Новое время)*. Л., 1989. С. 122.

⁴⁴ Цит. по: *Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. С. 168. «Вкладывает» – конечно, условно, ибо это просто перефразированный евангельский текст.

⁴⁵ Там же. С. 209–210.

⁴⁶ *Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель*. С. 210.

⁴⁷ Лосев А.Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Р. Вагнера. С. 40. В том, что в тетралогии изображен гибнущий языческий мир, – тоже можно усмотреть победу христианства над язычеством. Но вряд ли стоит параллели «Кольца» и Апокалипсиса Иоанна Богослова проводить столь буквально, что дело доходит до поиска пресловутых трех шестерок (см.: *Тупицын О. В. Чайковский. Бетховен. Вагнер. Христианское восприятие и истолкование музыкальных произведений*. М., 2000. С. 181.).

⁴⁸ Письмо Ф. Листа к К. Витгенштейн. Цит. по: *Порфирьева А.Л. «Парсифаль» и его средневековые корни*. С. 120.

⁴⁹ См.: *Сапонов М.А. Русские дневники и мемуары Р. Вагнера, Л. Шпора, Р. Шумана*. С. 80, 221.

Е. В. Грумад
С. Н. Николаев

Вагнер и Россия. Первые встречи

Рихард Вагнер... Имя, прозвучавшее мощным аккордом в истории европейской музыки. Кто он? Гениальный композитор, реформатор оперного жанра, выдающийся дирижер, оригинальный мыслитель и теоретик искусства или гордый человек, к тому же пораженный губительным для живой души вирусом ксенофобии? В год 200-летия Вагнера все эти вопросы вновь требуют осмысления. Влияние музыки немецкого маэстро и его многочисленных теоретических работ на последующих композиторов во всем мире огромно. Большой резонанс его искусство всегда имело и в России.

Имя Рихарда Вагнера появилось на орбите музыкально-художественной жизни Петербурга в 1841 году, когда в пятом номере журнала «Репертуар русского театра» была опубликована его статья «Об увертюре»*. Несмотря на то, что уже с начала 1850-х годов музыка будущего автора «Кольца нибелунга» – увертюра «Фауст», фрагменты опер «Тангейзер» и «Лоэнгрин» – часто звучала в Петербурге и Павловске в симфонических концертах, внимание столичной музыкальной общественности поначалу привлекал не столько Вагнер-композитор, сколько Вагнер-эстетик, теоретик искусства. В своих наиболее известных работах – «Искусство и революция» (1849), «Художественное произведение будущего» (1850), «Опера и драма» (1851), «Обращение к друзьям» (1851) – Вагнер призывал к воплощению глобального, общечеловеческого содержания, к единству музыки и драмы, к непрерывному музыкально-драматическому действию. И единственным по-настоящему достойным литературным источником оперы он считал мифологию. Переосмысливая миф, композитор пытался на его основе дать картину современного мира. Центральной идеей вагнеровской оперной реформы стал синтез искусств: лишь в совместном действии музыка, поэзия и театр способны воссоздать всеохватную картину жизни. Ведущая роль в таком «собирательном произведении искусства» принадлежала поэзии, потому в своем творчестве композитор огромное внимание уделял либретто. Он никогда не приступал к сочинению музыки до тех пор, пока не будет окончательно отшли-

* Статья посвящена тому, каким, по мнению композитора, должно быть инструментальное вступление к театральному спектаклю.

С.-Петербургская Императорская русская опера. – «Лознгринь», музыкальная драма Рихарда Вагнера; дѣйствие 1-е, сцена 3-я. (Рис. Г. Бролинг, грав. И. Матюшин).

фован поэтический текст. В музыкальной драме Вагнера музыка льется сплошным, непрерывным потоком, который постоянно изменяется и обновляется.

В 50-е годы интерес к творчеству немецкого маэстро в России возрастал все больше. И этому немало способствовал известный русский критик и композитор, страстный поклонник и пропагандист музыки Вагнера Александр Николаевич Серов. Они познакомились в Швейцарии, в Люцерне, и сохранили дружеские отношения до самой кончины Серова в 1871 году. Русский музыкант пользовался искренним уважением немецкого композитора, вызванным правдивостью Серова и независимостью его мышления. По инициативе Серова прославленный маэстро в самом начале 1863 года получил приглашение Филармонического общества выступить в качестве дирижера и приехал в Петербург.

Вагнер остановился в немецком пансионе на углу Невского проспекта и Михайловской улицы. В феврале–апреле 1863 года состоялось девять концертов маэстро: шесть в Петербурге (в Большом театре, находившемся на месте нынешней Консерватории, и в зале Дворянского собрания, ныне Большой зал Филармонии) и три в Москве (в Большом театре). Вагнер исполнил пять симфоний Л. Бетховена и 23 фрагмента из семи собственных опер – «Летучего голландца», «Тангейзера», «Лоэнгрин», «Валькирии», «Тристана и Изольды» и еще не законченных «Зигфрида» и «Нюрнбергских мейстерзингеров». Успех в Петербурге был огромным. При появлении Вагнера весь оркестр – 120 человек – поднялся и устроил ему овацию. Маэстро остался доволен петербургскими оркестрантами.

Среди публики, посетившей вагнеровские концерты, была вся музыкально-художественная элита – А. Н. Серов, М. А. Балакирев, В. В. Стасов, П. А. Кюи, В. Ф. Одоевский, М. Ю. Вильегорский, братья А. Г. и Н. Г. Рубинштейны, Г. А. Ларош, П. И. Чайковский и другие. Однако их впечатления оказались весьма противоречивы, как и реакция прессы. В журнале «Искра» иронизировали над «музыкой будущего».

Действительно, лишь немногие могли тогда осознать и принять новаторство Вагнера-композитора, создателя нового типа музыкальной драмы. Но по сути все – и сторонники, и противники Вагнера – единодушно сошлись в признании его выдающегося таланта и мастерства как дирижера. «Вагнер решительно *играет на оркестре*, – писал В. Ф. Одоевский, – посредством нескольких условных знаков, он, по произволу, иногда, может быть, по минутному вдохновению, производит все самые тонкие оттенки, какие может произвести играющий на одном инструменте,

— Позвольте получить билет на концерт Вагнера.
— На каков, съ пониманіемъ или безъ пониманія музыки?
— Разумѣется, съ пониманіемъ.
— Такъ потрудитесь невяногу подождать: билеты будутъ раздаваться черезъ 50 лѣтъ.

напр., фортепианист. – Оркестр, повинясь своему музыкальному инстинкту, в каждом музыканте более или менее присущему, невольно следит за разумно-художественным направлением гениального дирижера, и тогда исполнение всегда удастся, ибо направление эстетически верно»¹. Слушателей поразила не только вагнеровская интерпретация музыки, но и необычная в то время манера дирижировать, стоя лицом к оркестру и спиной к публике. К тому же дирижировал он наизусть, без партитуры, что тогда в России также не было принято.

В Петербурге М. Ю. Виельгорский дал в честь Вагнера торжественный обед, на котором немецкий музыкант встретился с А. Г. Рубинштейном. Вагнер присутствовал также на концерте оркестра Бесплатной музыкальной школы, которым под управлением М. А. Балакирева исполнялась, в частности, «Камаринская» М. И. Глинки. Маэстро положительно оценил искусство Балакирева-дирижера и, должно быть, немного пополнил свои не особенно богатые познания в области русской музыки: помимо «Камаринской», они включали гимн А. Ф. Львова «Боже, царя храни», специально разученный и исполненный Вагнером в Петербурге, романсы и отдельные фортепианные пьесы А. Г. Рубинштейна, оперу «Юдифь» А. Н. Серова.

Кроме сенсационного успеха у публики, немецкий музыкант встретил в Петербурге покровительственное отношение высших кругов во главе с великой княгиней Еленой Павловной. Приглашенный царственной особой, Вагнер читал в великосветском салоне тексты «Кольца нибелунга» и «Нюрнбергских мастерзингеров».

Московские концерты маэстро тоже прошли с большим успехом. Оркестр приветствовал его появление торжественным тушем; после второго концерта ему были поднесены два лавровых венка и золотая табакерка с видом Москвы. В честь композитора был устроен прощальный обед; звучали восторженные речи, и Вагнер, тогда еще не избалованный успехом и глубоко тронутый теплотой участия, унес в своем сердце чувство горячей благодарности за оказанный его таланту почет.

Интересно, что во все время пребывания Вагнера в Петербурге за ним была установлена слежка. В течение двух месяцев о нем поступали донесения агентов: сообщалось, где композитор остановился, кто содержит гостиницу, кто нанимал для него комнату, кто его посещал, и даже что исполнялось в концертах. Тайная полиция завела на Вагнера специальное дело. Причиной установленной за ним слежки стало его активное участие в Дрезденском восстании 1849 года. Композитор всегда горячо откликался на события общественной жизни. Вагнер полностью разделял требования революционеров, выступавших за единство Германии и свободу печати, сам публиковал антикапиталистические статьи, обличая власть денег, называя золото «мировым злом». Приобщению к революционному движению во многом способствовало его постоянное общение с коллегой-дирижером, вторым капельмейстером дрезденского театра Августом Рёкелем, одним из будущих руководителей Дрезденского восстания. Именно Август Рёкель познакомил Вагнера с известным русским анархистом М. А. Бакуниным, скрывавшимся тогда в Дрездене от русской и австрийской полиции и игравшим

важную роль в майских событиях в Дрездене. Некоторое время Вагнер и Бакунин довольно часто общались.

Покидая Россию в апреле 1863 года, Вагнер рассчитывал вскоре вернуться в Петербург. Этому не суждено было сбыться. Но оперы композитора постепенно начали завоевывать русскую сцену.

16 октября 1868 года в Мариинском театре увидел свет рампы «Лоэнгрин». Подготовкой премьеры руководил все тот же А. Н. Серов. Режиссером спектакля стал И. Я. Сетов, более известный публике как певец. Декорации к постановке «Лоэнгрина» создали замечательные художники русской сцены И. П. Андреев, М. И. Бочаров и М. А. Шишков. Дирижером был назначен главный капельмейстер Императорской русской оперы К. Н. Лядов (отец композитора А. К. Лядова), однако основной груз подготовительной работы лег на плечи молодого дирижера, помощника Лядова, Э. Ф. Направника. Партию Лоэнгрина исполнял ведущий солист Императорской русской оперы Ф. К. Никольский, певица Ю. Ф. Платонова создала возвышенно-одухотворенный, трогательный образ Эльзы. Спектакль вызвал оживленную полемику, в разноголосом хоре критики звучали высказывания от восхищенно-восторженных до откровенно издевательских.

Восторженные отзывы оставил А. Н. Серов, который и прежде давал творчеству немецкого маэстро высокую оценку. Положительные отклики были даны также критиками А. С. Фаминцыным, Ф. М. Толстым, М. Я. Раппопортом. А вот В. В. Стасов, А. С. Даргомыжский и «кучкисты» отнеслись к Вагнеру резко отрицательно. Н. А. Римский-Корсаков так вспоминал об этой премьере: «Балакирев, Кюи, Мусоргский и я были в ложе вместе с Даргомыжским. „Лоэнгрину“ было выражено с нашей стороны полное презрение, а со стороны Даргомыжского неистощимый поток юмора, насмешек и ядовитых придиорок»².

Н. Н. Римская-Корсакова свидетельствовала в своих воспоминаниях о том, что Даргомыжский жестоко глумился над «Лоэнгрином», называя оперу «Наказанное любопытство», – очевидно, тем самым уподобляя ее морализаторским сюжетам XVIII века. М. А. Балакирев писал Н. Г. Рубинштейну: «Вчера в первый и последний раз слушал „Лоэнгрин“. Это невообразимо ужасно! Вдохновения на три с половиной копейки, да такого тривиального, что я еще не слыхивал... Эльза завывала... так что у меня мороз по коже пошел, и мне очень жаль было бедную Платонову»³. В сатирических журналах «Искра» и «Будильник» снова появились карикатуры, музыка Вагнера и его теоретические воззрения откровенно высмеивались.

Однако сегодня эти оценки следует воспринимать с поправкой на время. Резкость суждений о гениальном немецком музыканте некоторых выдающихся русских композиторов и критиков объясняется тем, что в 1860-е годы отечественная музыка искала собственный путь, который должен был отличаться от пути западноевропейской музыки. Музыканты постоянно задавались вопросом: какой должна быть национальная опера? Россия стояла на пороге величайших художественных открытий – появления русской оперы, которую теперь знает весь мир.

«Лоэнгрин» открыл путь на русскую оперную сцену и другим вагнеровским творениям. 13 декабря 1874 года в Петербурге впервые был полностью пред-

ставлен «Тангейзер». Над постановкой работала та же творческая группа, главные партии пели те же артисты (Никольский – Тангейзер, Платонова – Елизавета), за дирижерским пультом стоял Э. Ф. Направник. Именно «Тангейзером» Вагнер окончательно завоевал сердца петербургских «вагнерианцев».

Подлинное открытие петербургской публикой Вагнера произошло уже после кончины композитора, в 1889 году, когда пражский антрепренер А. Нойман привез в столицу передвижную немецкую труппу, чтобы познакомить петербуржцев с четырьмя операми «Кольца нибелунга» – центрального сочинения композитора. В этом грандиозном произведении Вагнер обращается к теме судеб всего мира: обличает порочную жажду власти и богатства, осуждает власть обычаев и законов, препятствующих счастью человека, проводит христианскую идею искупления через любовь. Именно любовь, воплощающая высшую красоту человеческих отношений, вступает в борьбу с подавляющей ее силой эгоизма. Идея спасения и искупления приобретает в тетралогии поистине космические масштабы.

Русские композиторы А. К. Глазунов и Н. А. Римский-Корсаков посещали репетиции труппы Ноймана, следили за исполнением по партитуре. И теперь отношение Римского-Корсакова существенно изменилось. «Вагнеровский способ оркестровки, – сообщал он, – поразил меня и Глазунова, и с этих пор приемы Вагнера стали мало-помалу входить в наш оркестровый обиход. Первым применением его оркестровых приемов и усиленного (в духовом составе) оркестра была моя оркестровка польского из „Бориса Годунова“, сделанная для концертного исполнения»⁴. В библиотеке Н. А. Римского-Корсакова присутствовали практически все оперы Вагнера. Многочисленные пометы, сделанные русским композитором в этих печатных изданиях, свидетельствуют о тщательном изучении им музыки немецкого маэстро...

Мы обозначили только основные вехи в начале пути музыки Вагнера к российской аудитории в XIX веке. В веке XX внимание к ней не ослабевало, хотя политические, идеологические реалии сменявшихся эпох каждый раз накладывали на восприятие творчества композитора свои отпечатки. Но это – уже другая тема.

Был ли прославленный композитор антисемитом? Да, это так. И тому осталось немало свидетельств в его литературном и эпистолярном наследии, а также в воспоминаниях о нем. Сегодня статья Вагнера «Еврейство в музыке» внесена в список экстремистских материалов и запрещена к распространению на территории Российской Федерации. Она была напечатана в 1850 году, а в новом веке Вагнер оказался любимым композитором вождя Третьего рейха. Под звуки его музыки пылали печи нацистских концлагерей... Ответственен ли музыкант за свое немзыкальное наследие? Вопрос – очень непростой, и мнения существуют самые противоположные. Как совместить вещи, явно не совместимые?

Однако, возможно, проблему резоннее было бы сформулировать несколько иначе, а именно: насколько важно понимание человеком своей ответственности за возможные последствия высказанных им тех или иных мыслей. Каждый во-

лен иметь свои взгляды. Но, безусловно, действие их – напрямую зависит от степени влияния личности на окружающий мир. И негативное настроение, первоначально имевшее, возможно, какие-то частные, очень личные основания, способно, сделавшись достоянием многих, превратиться в «средство массового поражения».

Рискнем предположить: если бы композитор увидел, что будет твориться под звуки его гениальной музыки к середине следующего века, он бы ужаснулся. В частности – и оттого, что эмоциональный подъем, столь характерный для его музыкального творчества, оказался использован для создания настроения, с которым правнуки его современников двинулись на страну, где его с таким искренним восторгом когда-то принимали. Ксенофобия – явление поистине интернациональное...

Да, слова все же были сказаны. И через много десятилетий – с изощренной циничностью использованы в преступных против человечества целях. Кто и как здесь виноват? Наверное, каждый – по-своему...

А музыка принадлежит Вечности, она бессмертна. Высокая. Сильная. Чем-то созвучная полету все новых лебединых стай – и над вершинами Альп, и над бескрайними просторами Русской равнины. Музыка остается. Потому что она – не отсюда.

Как сказал в своем недавно написанном стихотворении «Рихард Вагнер», посвященном непростой посмертной судьбе композитора, поэт и бард Александр Городницкий,

Свыше продиктованные звуки
Не ему принадлежат, а Богу...

Примечания:

¹ Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 259–260.

² Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1955. С. 61.

³ Балакирев М. А. Переписка с Н. Г. Рубинштейном и М. П. Беляевым. М., 1956. С. 18–19.

⁴ Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1955. С. 169.

БЕЛАЯ РОЗА СВОБОДЫ

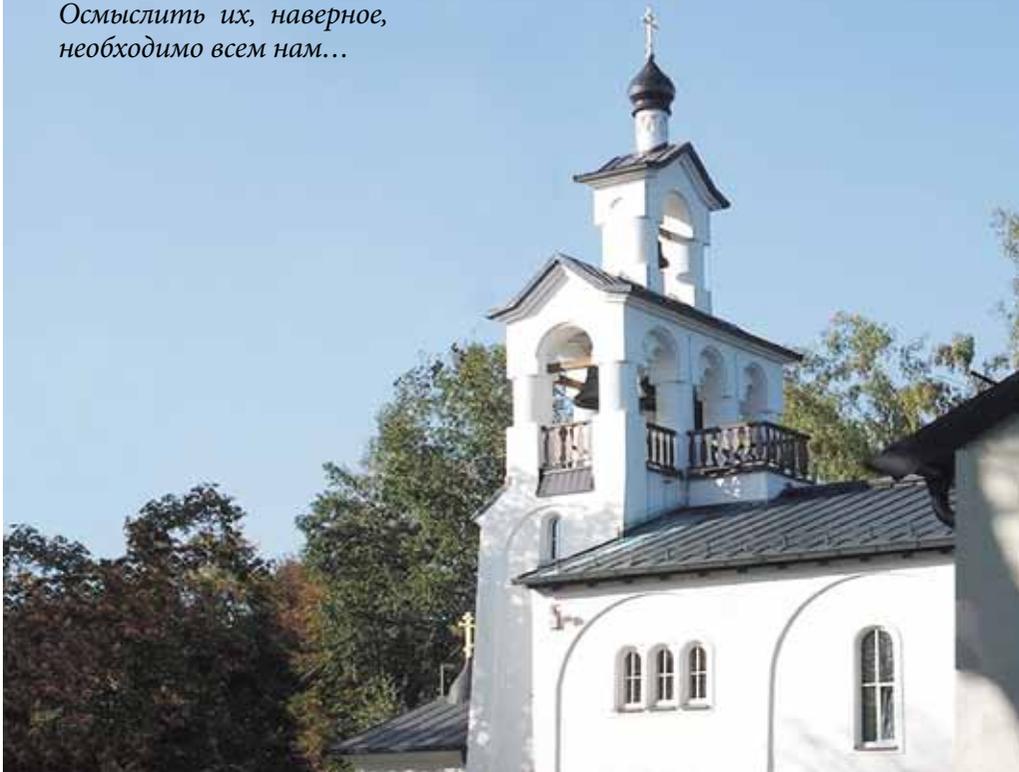
В июле 1943 года в Мюнхене трагически оборвалась жизнь Александра Шмореля, студента-медика, создавшего антифашистскую организацию «Белая роза». Другие ее члены тоже погибли от рук гитлеровцев.

Они отвергали террористические методы. Напротив, их листовки будили мысль, призывали к покаянию, к прекращению войны, к духовному освобождению немецкого народа от сетей гитлеровской пропаганды.

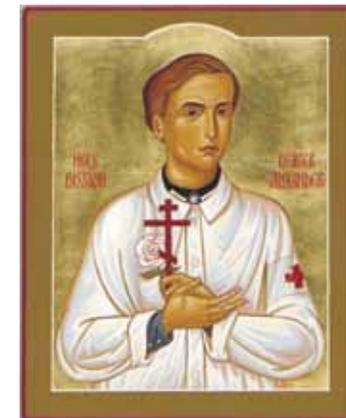
Александр Шморель исповедовал Православие. И был глубоко убежден в том, что два великих народа, русский и немецкий, должны жить в мире, согласии и братской любви.

В 2012 году РПЦЗ причислила Александра Шмореля к лику святых как новомученика Александра Мюнхенского.

В листовках «Белой розы», письмах Александра, в его ответах на допросах, отдельных высказываниях – искренние и глубокие оценки и выводы. Осмыслить их, наверное, необходимо всем нам...

Александр писал на стенах домов «Долой Гитлера!», «Гитлер – убийца!», Ганс следил, чтобы их никто не увидел. Только когда начало светать, они повернули домой, но, проходя вновь мимо университета, не могли удержаться, чтобы не написать у главного входа слово «Свобода!»

Т. Е. Лукина

Президент Центра русской культуры «МИР» в Мюнхене

13 июля 2013 года исполнится 70 лет со дня казни одного из основателей мюнхенского студенческого антинацистского сопротивления «Белая роза» – Александра Шмореля.

Немцы, для которых «Белая роза» стала легендой, не знают, или стараются не заострять внимание на том факте, что Александр был и по происхождению, и особенно по душе своей – русский. И это в чем-то можно понять: одна единственная молодежная организация сопротивления нацизму, да и та создана при участии русских! Поэтому его имя часто остается в тени, и даже в созданных о «Белой розе» фильмах Александр Шморель – один из главных организаторов, можно сказать, душа «Белой розы», – проходит эпизодом.

Но это у немцев, а что происходит в России? Большинство русских о нем вообще ничего не знает.

А ведь Александр Шморель не только создал вместе с Гансом Шолем эту организацию, не только дал ей такое романтическое имя «Белая роза» – символ чистоты и любви, но и привил своим друзьям чувство любви и уважения к России, к ее культуре. Они даже всерьез занимались изучением русского языка, чтобы читать великих русских писателей в подлиннике.

В Мюнхене одна из площадей носит имя Александра Шмореля, в Мюнхенском университете создан музей «Белой розы», где один из стендов посвящен Александру. Режиссер Савва Кулиш снял о нем фильм. Оренбургский историк Игорь Храмов написал о Шмореле книги: «Русская душа Белой розы» и «Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо, февраль–март 1943».

Но русскоязычная пресса о нем не пишет. Так не должно быть. Мы должны обязательно рассказать подлинную историю «Белой розы». Раскрыть ее русскую душу...

Александр Шморель родился в 1917 году в Оренбурге, в семье врача. Его отец, Гуго Шморель, был немцем (его предки приехали в Россию в середине XIX века из Восточной Пруссии), мать, Наталья Петровна Введенская, – русская. Когда Шурику – так звали его в семье – исполнилось два года, мама умерла от тифа, и воспитание мальчика было поручено нянюшке Феодосии Константиновне Лапшиной, которая, по семейному преданию, была прямым потомком Стеньки Разина. Через два года после смерти жены отец Шурика женился во второй раз, теперь уже на немке, Елизавете Хофман, работавшей старшей сестрой милосердия в лазарете, где он служил. Когда Елизавете оставалось всего несколько недель до родов, семья с большими трудностями – шла Гражданская война – перебралась в Германию, в Мюнхен, где жили родственники Елизаветы. С собой взяли и русскую няню, для которой пришлось подделать документы и выдать ее, ни слова не говорившую по-немецки, за немку. Через несколько дней по приезде в Мюнхен у Александра родился брат Эрих (1921–2006), а потом и сестра Натали, которой сейчас уже за 80. Она, как и Эрих, является членом общества «МИР».

Хотя в семье Шморель русскими были только няня и Шурик, да и то Шурик лишь наполовину, в доме царил поистине русский дух: на обед подавали пельмени и блинчики, чай пили только из самовара, сахар – вприкуску, и лакомились десятками видов варенья, заготовленного заботливой няней. Домашний язык был русский, у детей были воспитатели, которые преподавали им русский язык и литературу. «Война и мир» Толстого и «Евгений Онегин» Пушкина были настольными книгами немецкой семьи Шморель, но любимым писателем Александра стал Федор Достоевский, роман которого «Братья Карамазовы» он перечитывал множество раз.

В кругу общения семьи преобладали священнослужители, представители культуры и искусства, медики. Одним из ближайших друзей Гуго Шмореля был отец Бориса Пастернака художник Леонид Пастернак, приходивший в гости вместе со своей женой, известной пианисткой Розалией Кауфман, и детьми Жозефиной и Лидией – сестрами поэта. Карандашный портрет Бетховена работы Леонида Пастернака, с посвящением Гуго Шморелю – отцу Александра, и сегодня

Наталья Петровна Введенская
(из книги И. Храмова «Русская душа Белой розы»)

висит над роялем в гостиной семьи Шморель. Музыка и живопись всегда играли в семье большую роль, и не случайно Александр смог стать не только прекрасным пианистом, но и многообещающим скульптором: в семье по сей день хранится великолепный бюст Бетховена, выполненный Александром по рисунку Леонида Пастернака во время занятий в художественной студии.

Хотя отец был протестантом, а мачеха – католичкой, Шурика воспитывали в Православии. И в этом не последнюю роль играла его няня, которая растила не только своего любимца «Шурёночка», но и его младшего брата Эриха и сестру Наташу на русских сказках и народных песнях – ими она баюкала своих немецких питомцев. Именно она, простая полуграмотная женщина, стала связующей нитью между будущим героем немецкого сопротивления и его первой Родиной...

После занятий в частной школе Александр в 13 лет поступает в гимназию, где знакомится с Кристофом Пробстом, ставшим его ближайшим другом и единомышленником на всю оставшуюся жизнь. А оставалось им жить всего 12 лет: Пробст, также участник группы сопротивления «Белая роза», будет казнен нацистами в феврале 1943 года вместе с Гансом Шолем и его сестрой Софией.

В 1937 году Александр получает аттестат зрелости, и чтобы избежать призыва в гитлеровскую армию, записывается добровольцем для отбывания трудовой повинности. Вот строчки из его писем, адресованных сестре Кристофа Пробста – Ангелике: «... У нас здесь вскрывают письма... Было бы неприятно, если бы они узнали мое мнение о них. Оно как раз не слишком лестное. И потом, они ведь знают, что я родился в России... У нашего высшего командования – у всех – на лице скорее гримаса диких зверей, а уж никак не человеческое выражение... Я тут недавно включил радио, вдруг начали исполнять Шопена, такую потрясающе необузданную и страстную вещь. Во мне все негодование и злость вновь поднялись против этого несвободного существования... Но и здесь меня не покидает надежда на счастливое будущее. У меня постоянно перед глазами цель – свободная жизнь, и я лишь смеюсь над этими людьми, окружающими меня. Пойми, если бы не отец, то меня давно уже не было бы в Германии... Ника-

Няня с Эрихом Шморелем,
младшим братом Александра*

*Александр Шморель в Мариентау
близ Гамбурга**

кая страна не сможет мне заменить Россию, будь она столь же красива! Никакой человек не будет мне милее русского человека!..» Это – тоска 20-летнего Александра, покинувшего Россию четырехлетнем ребенком.

В ноябре 1937 года Александра все-таки призывают на полтора года в армию, в батальон конной артиллерии. В марте 38-го он попадает в Австрию и становится свидетелем ее «воссоединения» с Германией. А еще через полгода он становится свидетелем присоединения Судет и жестоких расправ над протестующим чешским населением. Последние шесть месяцев службы он посещает школу санитаров и весной 1939 года увольняется в запас. Возвратившись в Мюнхен, Александр поступает на медицинское отделение университета. Но уже со второго курса его снова призывают в армию. В составе санитарной роты он сперва попадает во Францию, однако

через несколько месяцев ему снова удается получить увольнение для продолжения медицинского образования. В это время он знакомится и вскоре сближается с Гансом Шолем, также студентом медицинского отделения.

Пасху 1941 года Александр провел в кругу семьи. Он часто приходил на богослужения в русскую церковь, встречался с соотечественниками – беженцами от Гражданской войны. Уже два десятилетия они скитаются по белу свету, так и не найдя себе пристанища. «Где Божья справедливость? – пишет Александр Ангелике. – Где она? По дороге к церкви в пасхальное воскресенье – простой народ, а обыватели уже перед обедом стояли в очередях перед кинотеатром. Вонючий сброд! Почему у этих созданий есть работа, хлеб, кров, родина? И почему всего этого нет у тех, кого я видел сегодня в церкви?.. Это же всё люди, потерявшие Родину, дабы спастись от несвободы... Они молятся уже 22 года. Даже сейчас, когда их уже во второй раз гонят, они все равно верят, они все опять идут в церковь и молятся, и надеются... Разве вера – не высшее благо?.. Не это ли самое ценное? Не отпустятся ли за это все остальные прегрешения?..»

Горячая любовь Александра к России побуждает Кристофа и Ангелику Пробст изучать русский язык. Алекса, как зовут его друзья, это приводит в восторг, и он продолжает в письмах рассказывать друзьям о России:

«Я люблю в России вечные степи и простор, леса и горы, над которыми не властен человек. Люблю русских, всё русское, чего никогда не отнять, без чего

человек не является таковым. Их сердце и душа, которые невозможно понять умом, а можно только угадать и почувствовать, которые являются их богатством – богатством, которое никогда не удастся отнять. И даже если нам не представится возможность взглянуть в глаза этим людям, то они улыбаются нам со страниц романов и рассказов Гоголя, Тургенева, Чехова, Толстого, Лермонтова, Достоевского...»

Нападение Германии на Советский Союз Александр переживал глубоко, и хотя он с детства был противником большевизма, мысль, что его Родину топчут «безжалостные сапоги безмозглых солдафонов», причиняла ему боль. Эту боль он даже не пытался скрыть, и ее разделяли его друзья.

«... Из-за сегодняшней войны я попал в довольно сложное положение, – говорил он два года спустя на допросах в гестапо. – Как можно уничтожить большевизм и предотвратить при этом завоевание российских земель?.. Прежде всего, я хочу вновь подчеркнуть, что я по своему мышлению и мироощущению больше русский, чем немец».

Зимой 1942 года Ганс Шоль познакомил Александра с художником Манфредом Эйкемайером, который рассказал им о еврейских гетто, о систематическом истреблении ни в чем не повинных людей. Друзья все больше и больше приходили к выводу, что страной правят психопаты, которые приведут ее, а может быть и весь мир, к неминуемой гибели. Тогда у них и зародилась идея создать организацию по борьбе с существующим режимом. Их цель была – донести до сознания ничего не знающего населения факты о преступлениях Третьего рейха против человечества. В одной из первых листовок, написанной Александром, стояло: «Нет, не о еврейском вопросе хотели мы написать в этом листке, не сочинить речь в защиту евреев – нет, только в качестве примера мы хотели привести тот факт, что с момента завоевания Польши триста тысяч евреев в этой стране были убиты самым зверским способом. В этом мы усматриваем ужасающее преступление над достоинством людей, преступление, которому не было равных во всей истории человечества».

Распространение первых листовок совпало с массированными бомбардировками союзнической авиацией немецких городов. «Мы не молчим, мы – Ваша нечистая совесть. „Белая роза“ не даст Вам покоя!» Листовки с таким текстом стали появляться не только в Баварии, они доходили уже до Ульма, Штутгарта, Регенсбурга, Зальцбурга и Вены. Друзья трудились в поте лица, но долго держать свою деятельность в тайне от близких им не удалось. Вначале о листовках узнала сестра Ганса София. И тут же начала им помогать.

23 июля 1942 года Александра и Ганса неожиданно откомандировывают на Восточный фронт. Александр Шморель, Ганс Шоль и Вилли Граф (также будущий участник сопротивления) попадают во 2-ю студенческую роту.

«Я вновь увижу Россию! Мы будем работать в полевых лазаретах – пока еще неизвестно, как долго. Я думаю, что к зимнему семестру мы все-таки вернемся в Мюнхен», – пишет Александр.

Через три дня друзья оказались в Варшаве. Увиденное в этом городе их потрясло. «Отовсюду на нас смотрит беда. Мы отводим глаза», – пометил Вилли Граф в своем дневнике. «Пребывание в Варшаве сделает меня больным, – писал Ганс Шоль домой, – слава Богу, завтра едем дальше!.. На тротуаре лежат умирающие от голода дети и просят хлеба, а с противоположной улицы доносится раздраженный джаз».

30 июля 1942 года их эшелон пересек прежнюю границу СССР. В первые дни августа они уже были в Вязьме.

Друзья попали в 252-ю дивизию, и после распределения отправились в Гжатск. Работы для студентов санитарной роты почти не было, и они проводили время, бродя по окрестностям, знакомясь с местным населением. Побывав в одном из крестьянских домов, Ганс писал домой: «Там мы выпили несколько стаканов водки и пели русские песни, как будто вокруг царили мир и покой».

«Я часто и подолгу разговариваю с русским населением – с простым народом и интеллигенцией, особенно с врачами, – писал домой Александр. – У меня сложилось самое хорошее впечатление. Если сравнить современное русское население с современным немецким или французским, то можно прийти к поразительному выводу: насколько оно моложе, свежее и приятнее!»

«Русские – поразительные люди, – отмечал в своем дневнике Шоль, наблюдая за молящимися в православной церкви, – ...бородатые мужики, с добрыми лицами женщины, ...то и дело кланяются, осеняя себя крестным знаменем. Некоторые склоняют голову до земли и целуют пол... Сердца всех верующих бьются в такт, почти физически ощущается движение душ, которые выплещиваются, открываются после этого чудовищного молчания, которые, наконец, нашли дорогу домой, на свою настоящую родину. От радости мне хочется плакать, потому что и в моём сердце оковы падают одна за другой. Я хочу любить и смеяться, потому что вижу, как над этими сломанными людьми всё ещё парит ангел, который намного сильнее, чем сила пустоты».

«Россия во всех отношениях безгранична, как безгранична и любовь её народа к Родине, – писал Шоль от имени всех друзей в письме к любимому учителю профессору Хуберу, который по их возвращении тоже будет принимать активное участие в деятельности „Белой розы“ и так же, как они, будет схвачен и казнен. – Война шагает по стране, как грозовой дождь... Я вместе с тремя хорошими друзьями, которых Вы знаете, всё в той же роте. Особенно я дорожу моим русским другом. Очень стараюсь тоже выучить русский язык».

Те же настроения овладевают и Вилли Графом, которому также предстоит в скором времени смерть на эшафоте: «Хорошо, что я могу оставаться здесь с хо-

Ганс Шоль и Александр Шморель по дороге в Гжатск
(из книги И. Храмова «Русская душа Белой розы»)

рошими знакомыми из Мюнхена, – пишет он подруге. – Один из нас, тоже медик, отлично владеет русским, потому что родился здесь и во время революции вынужден был вместе с родителями покинуть страну. Потом он практически стал немцем. И вот он впервые вновь увидел эту страну, и мне открывается многое, что ранее оставалось неизвестным или, по крайней мере, непонятным. Он часто рассказывает нам о русской литературе, да и с людьми устанавливается совсем другой контакт, чем когда не можешь объяснить. Мы частенько поём с крестьянами или слушаем, как они поют и играют. Так немного забываешь всё то печальное, с которым так часто приходится встречаться».

Свои письма домой Александр писал по-русски. И они, как и письма его друзей, были переполнены любовью к России. «За двадцать лет большевизма русский народ не научился петь и танцевать, и повсюду, куда не пойдёшь, слышны русские песни... Несмотря на бедность, народ тут чрезвычайно гостеприимный. Как только приходишь в гости, самовар и всё, что найдётся в доме, сразу же ставится на стол. Я часто захожу к священнику, ещё довольно бодрому старику. Кроме добра, я здесь ничего не видел и не слышал».

День 30 октября 1942 года был их последним днем в России. На оставшиеся деньги они купили себе на память самовар. Алекс вез в Германию еще и балалайку, на которой играл и пел русские песни весь обратный путь. В Мюнхене все теперь казалось ему чужим и отвратительным. «Целыми днями я думаю о вас и о России, – писал он своим друзьям в Гжатск. – По ночам мне снится вы и Россия, потому что моя душа, моё сердце, мои мысли – всё осталось на Родине... Но пока я должен оставаться в Германии. Я смогу многое рассказать, когда мы увидимся вновь. Пока же ещё рано об этом говорить».

Возвратившись в Мюнхен, друзья решили вести борьбу с гитлеровским режимом.

Из книги Игоря Храмова «Русская душа Белой розы»:

Листовка IV

«Каждое слово, исходящее из уст Гитлера, – ложь: когда он говорит „мир“, он имеет в виду войну, и если он самым кощунственным образом упоминает имя Господа, то имеет в виду власть зла, папшиего ангела, сатану...»

Очевидно, необходимо рациональными средствами вести борьбу против национал-социалистического, террористического государства. Тот, кто сегодня еще сомневается в реальном существовании демонической силы, совершенно не понял метафизической подоплеку этой войны...

Хотя мы знаем, что национал-социалистическая власть должна быть сломлена военным путем, мы пытаемся достичь обновления тяжело уязвленного немецкого духа изнутри. Предпосылками этого возрождения должно быть четкое осознание той вины, ко-

тору ю немецкий народ взвалил на себя, а также беспощадная борьба против Гитлера и его многочисленных приспешников, членов партии, коллаборационистов и т.п.»

Время, проведенное в России, сплотило студентов, и к делу по распространению листовок был привлечен Вилли Граф. И хотя друзья продолжали посещать занятия в университете, их мысли и дела были полностью отданы борьбе. Они добывали через друзей и знакомых деньги, необходимые на приобретение бумаги, налаживали связи с единомышленниками в других городах Германии.

Наступил 1943 год. 13 января Вилли Граф записывает в своем дневнике: «Мы начинаем действовать. Лёд тронулся!»

Друзья работали над своей пятой листовкой, которая должна была произвести впечатление организованного движения Сопротивления Германии и иметь подзаголовок «Воззвание ко всем немцам!» Тираж ее тоже должен был стать настоящим массовым – 6000 экземпляров.

На этот раз они решились показать проекты листовки профессору Хуберу. Тот отклонил вариант Александра, назвав его «прокоммунистическим», и одобрил вариант Ганса Шоля.

Первую партию листовок они развозили по городам юга Германии и Австрии, выборочно раскладывали их по почтовым ящикам. Александр взял на себя Зальцбург, Линц и Вену. Из Вены он отправил несколько пачек листовок во Франкфурт-на-Майне. Потом они рассылали листовки в письмах по различным адресам. Когда кончились почтовые марки, начали раскладывать листовки по парадным лестницам и дворам, в телефонных будках и магазинах. Вскоре о листовках узнала полиция, – многие получатели, от греха подальше, сами спешили их туда сдать. Полиция передала дело в гестапо. Сперва никто не догадывался, что эти массовые «Воззвания» имеют связь с листовками «Белой розы», которые полгода назад, летом 1942 года, появились в Мюнхене. Все было иным – и стиль, и тираж. Началась слезка, но поначалу никаких результатов она не дала. 3 февраля по радио было официально объявлено о поражении 6-й армии Паулюса под Сталинградом. Правительство объявило четырехдневный траур.

Организаторы «Белой розы» не могли обойти эти события молчанием, и их ответ был по-мальчишески дерзким. В ночь на 4 февраля Александр и Ганс, вооружившись краской и кисточками, двинулись в центр города. Их путь лежал через Франц-Йозеф-штрассе, через университет к Виктуаленмаркт. Александр писал на стенах домов «Долой Гитлера!», «Гитлер – убийца!», Ганс следил, чтобы их никто не увидел. Только когда начало светать, они повернули домой, но, проходя вновь мимо университета, не могли удержаться, чтобы не написать у главного входа слово «Свобода!».

Наутро весь город уже говорил об этих надписях. Это был уже открытый протест и вызов властям. И тайная полиция приняла этот вызов. Началось расследование, которое показало, что за всем этим стоит организация «Белая роза», члены которой, скорее всего, должны скрываться в самом Мюнхене, в его центральных районах. Полиция через газеты объявила о большом вознаграждении за информацию...

Тем временем друзья работали над своей шестой листовкой. На этот раз автором текста выступил сам профессор Курт Хубер. После споров текст был утвержден всеми, и листовка пошла в ход. Сначала были использованы все имевшиеся в запасе конверты и марки, потом письма складывались на манер полевой почты и разбрасывались по почтовым ящикам, или просто пачками оставлялись в парадных домах. Несмотря на откровенную дерзость участников этой операции, полиции никак не удалось выйти на их след. Опьяненные успехом, забыв обо всех предосторожностях, студенты начали раскладывать листовки по аудиториям в университете.

18 февраля семье Шоль сообщили, что полиция вышла на след Софии, помогавшей друзьям распространять листовки. Родители жили в Ульме, и им удалось предупредить детей. Ганс и София поспешили вынести из дома чемодан, набитый последними несколькими сотнями листовок и, не придумав ничего лучшего, решили распространить их в главном здании университета. Они торопились сделать это до окончания лекции. Им это почти удалось. Последнюю пачку София сбросила с верхнего этажа в пустой холл. Одна из листовок пролетела перед носом зрителя (хаусмайстера) Шмида. Он тут же ринулся наверх, чтобы схватить нарушителей. Навстречу ему с пустым чемоданом спускались брат и сестра Шоль. Ни отпираться, ни убежать они не стали. Приехавшая полиция увезла их в гестапо.

Через несколько часов после ареста Ганса и Софии полиция уже знала имена всех главных участников «Белой розы». На следующий день был задержан Кристоф Пробст, жена которого только накануне родила их третьего ребенка. Еще через три дня, 22 февраля, состоялся суд. Он продолжался не более двух часов. Приговор – смертная казнь – был приведен в исполнение в тот же день. Гансу исполнилось 24, Софии – 21, Кристофу – 23 года.

Александр, узнав о случившемся по пути на лекцию, пытался предупредить Вилли Графа, но было уже поздно.

Он понимал, что необходимо срочно покинуть Мюнхен. Но как, если его уже разыскивает гестапо? Тогда он вспомнил о своем приятеле из русского окружения – Николае Гамасаспяне. Николай был сыном петербургских армян, которые покинули Россию во время Гражданской войны; он родился на русском корабле, шедшем от берегов Крыма в Турцию. Оттуда его семья перебралась в Болгарию. В его болгарском паспорте так и значилось: «Место рождения: Россия», без всякого указания города, так как русский корабль, на котором он увидел свет, считался русской территорией. Вот за этим болгарским паспортом Александр и пришел к другу. Тот дал ему паспорт не раздумывая, за что впоследствии поплатиться допросами в гестапо и несколькими месяцами тюрьмы. Но так как друзья

*София Шоль на каникулах,
1942 г.
(из книги И. Храмова
«Русская душа Белой розы»)*

заранее договорились, что Александр сам возьмет лежащий на комодке «без призора» паспорт, когда Николай выйдет на кухню за напитками, то доказать, что Гамасаспян был сообщником Шмореля, гестапо так и не удалось.

Заменив в паспорте фотографию Николая на свою, Александр отправился в находящееся недалеко от границы со Швейцарией курортное местечко Эльмау. Один раз его задержала полиция, но, проверив документы, отпустила. Что еще произошло в Эльмау, где он не раз отдыхал с родителями, до нынешнего дня выяснить так и не удалось. То ли он почувствовал, что его узнали, и ему стало необходимо срочно скрыться, а может быть, февральские морозы нарушили его план перейти ночью границу в Альпах? Во всяком случае, Александр Шморель совершил поступок, который навсегда останется загадкой: он возвратился в Мюнхен. К этому времени вышла газета с его фотографией под рубрикой «Разыскивается преступник». За его голову было назначено вознаграждение в 1000 рейхсмарок.

В районе мюнхенских художников Швабинге, недалеко от университета, его застала воздушная тревога, и он вынужден был спуститься в ближайшее бомбоубежище. По одной версии, там он был опознан одной из студенток и выдан полиции. По другой – его выдала подруга, к которой он пришел за помощью. После войны она написала отцу Александра письмо с просьбой о прощении, объяснив свой поступок тем, что она, будучи в положении, опасалась, в случае провала, допросов в гестапо.

Из книги Игоря Храмова «Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо»:

25 февраля 1943 г.

«На вопрос, к какому политическому течению я принадлежу, в частности, как я отношусь к национал-социализму, я открыто признаю, что я не являюсь национал-социалистом, так как я больше интересуюсь Россией. Я открыто признаю в моей любви к России. В то же время я отрицаю большевизм. Моя мама была русская, я там родился и не могу не симпатизировать этой стране. Я открыто признаю себя приверженцем монархизма...»

«За прошедшее время я много занимался русской литературой и должен сказать, что я очень много узнал из нее о русском народе такого, что лишь приятно укрепило меня в моей любви к нему. Эта любовь к русскому народу усилилась еще больше благодаря моему пребыванию на Восточном фронте летом 1942 года... В этой связи, наверно, будет более понятно, как болезненно для меня состояние войны между русским и немецким народами и почему у меня появилось желание, чтобы Россия вышла из этой войны с минимальными потерями...»

«... Мы отчетливо сознавали, что наши действия направлены против существующего государства и что в случае расследова-

ния нам грозит суровое наказание. Но нас ничто не могло удерживать от подобных действий против этого государства, так как мы оба знали, что тем самым мы сокращаем войну».

26 февраля 1943 г.

«Прежде всего, я хочу вновь подчеркнуть, что я по своему мышлению и мироощущению больше русский, чем немец. Я прошу обратить внимание, что я не отождествляю в этой связи Россию и большевизм... После того как немцы так глубоко проникли на российскую территорию, я увидел, что Россия оказалась в очень опасном положении. Это навело меня на мысль, как я могу противостоять этой опасности для России. Кроме того, во мне есть и немецкая кровь, которая массово проливается на нынешней войне... Ход моих мыслей, или, лучше сказать, мою идею я собирался сделать доступной немецким народным массам благодаря изготовлению листовок... В настоящий момент я не могу довольствоваться тем, чтобы быть тихим противником национал-социализма...»

8 марта 1943 г. (из Политического заявления Александра Шмореля)

«... Вы спрашиваете меня, почему я не согласен с нац.-соц. формой правления? Потому что она, как мне кажется, не соответствует моему идеалу. По моему мнению, нац.-соц. правительство делает большой упор на ту власть, которую оно сконцентрировало в своих руках. Оно не терпит оппозиции, критики. Поэтому ошибки, которые допускаются, не могут быть распознаны и устранены. Кроме того, я считаю, что оно не является собой выражения народной воли. Оно делает невозможным для народа высказывать свое мнение, менять что-либо в нем самом, даже если он (народ) с чем-либо не согласен. Оно создано, и в нем ничего нельзя критиковать, ничего нельзя менять – это я считаю неверным...»

Когда началась эта война, я почувствовал, что немецкое правительство занялось насильственным увеличением своих территориальных владений. Это ни в коей мере не соответствует моему идеалу... Вы не можете представить себе, как больно мне было, когда началась война с Россией, моей Родиной. Конечно, там царит большевизм, но тем не менее она остается моей Родиной, ведь русские остаются моими братьями...»

Суд над Александром Шморелем состоялся 19 апреля. На вопрос председателя суда Роланда Фрейслера, стрелял ли он в русских, будучи на восточном фронте, Александр ответил, что он не стрелял в русских, как не стрелял бы и в немцев. Поздно вечером был оглашен приговор: смертная казнь.

1 мая 1943 года Александр пишет родителям из тюрьмы:

«Если мне придется умереть, если прошение будет отклонено, знайте: я не боюсь смерти, нет! Поэтому не мучайте себя! Я знаю, что нас ожидает другая, более прекрасная жизнь, и мы еще обязательно встретимся...

Поймите, смерть не означает завершения жизни. Наоборот, это – рождение, переход к новой жизни, великолепной и вечной! Страшна не смерть. Страшно расставание.

Лишь сейчас, когда нас разлучили, когда я потеряю вас всех, я осознал, как любил я вас.

Помните о встрече здесь, на земле, или там, в вечности. Господь направляет ход вещей на Свое усмотрение, но на наше благо. Потому мы должны довериться Ему и отдать себя в Его руки, и тогда Он никогда не оставит нас, поможет нам и утешит нас».

2 июля 1943 года в своем последнем письме, адресованном сестре Наташе, Александр пишет: «Ты, наверное, удивишься, что я изо дня в день становлюсь все спокойнее, даже радостнее, что мое настроение здесь зачастую бывает намного лучше, чем раньше, когда я был на свободе! Откуда это? Я сейчас объясню. Все это ужасное „несчастье“ было необходимо, чтобы направить меня на истинный путь, и потому это, собственно, совсем не „несчастье“. Прежде всего, я счастлив и благодарю Господа за то, что Он дал мне понять это знамение Божие и последовать в верном направлении.

Что я знал прежде о вере, о настоящей искренней вере, об истине, о Боге? – Так мало!.. Все это несчастье было необходимо, чтобы открыть мне глаза. Нет, не только мне, всем нам, всем тем, кого коснулась чаша сия, в том числе и нашей семье. Надеюсь, вы тоже правильно поняли этот божественный знак».

Из книги Игоря Храмова «Русская душа Белой розы»:

**Письмо Александра Шмореля к родным в день казни,
13 июля 1943 г.**

«Мои любимые папа и мама!

Ничего не подделаешь. Сегодня по Божьей воле мне суждено завершить земную жизнь, чтобы перейти в другую, которая никогда не закончится и в которой мы все снова встретимся. Пусть эта встреча будет вашим утешением и вашей надеждой. К сожалению, для вас этот удар тяжелее, чем для меня, потому что я ухожу с сознанием, что послужил моим искренним убеждениям и правому делу. Это позволяет мне со спокойной совестью ожидать смертного часа.

Помните о миллионах молодых людей, расстающихся с жизнью там, на поле битвы. Их судьба – моя судьба. Огромный сердечный привет всем моим дорогим! В особенности Наташе, Эриху, няне, тете Тоне, Марии, Алёнушке и Андрею.

Через несколько часов я окажусь в ином, лучшем мире, у мамы. Я не забуду вас и буду молить Бога об утешении и покое для вас. Я буду ждать Вас!

Об одном прошу вас: не забывайте Бога!

Ваш Шурик

Со мною идет проф. Хубер, от которого передаю вам сердечный привет!»

За восемь недель до его 25-летия, 13 июля 1943, приговор – казнь через гильотину – был приведен в исполнение. Александр Шморель закончил свою земную жизнь.

В этот же день был казнен и профессор университета Курт Хубер, с которым Александр так часто спорил о роли и судьбе России.

Вилли Графа казнили 12 октября. Он был всего на год старше Александра Шмореля.

Прощаясь со своим священником, Александр сказал: «Я выполнил свою миссию в этой жизни, и не представляю, чем мог бы еще заняться в этом мире».

На другой день тело казненного выдали семье, которая похоронила его по православному обряду на кладбище Ам Перлахер Форст. Несколько лет спустя рядом со своим питомцем обрела покой и его нянюшка...

*Фотографии из архива семьи Шморель предоставлены братом Александра Шмореля, д-ром Эрихом Шморелем лично Татьяне Лукиной, президенту Центра русской культуры «МИР» в Мюнхене.

О. Б. Сокурова

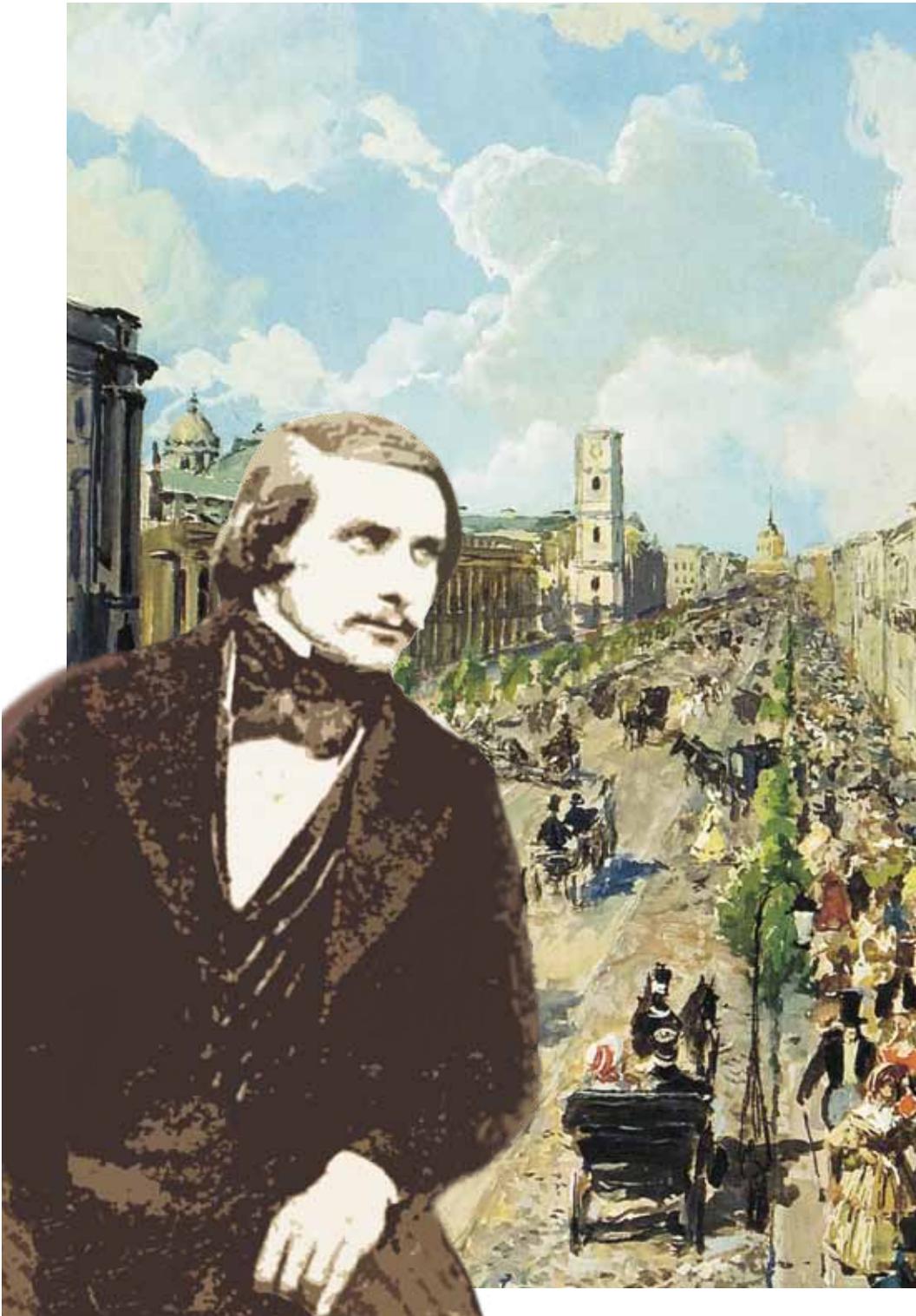
Гоголь, Петербург, Невский проспект, мелкий грех, вещь, шинель, портрет, творчество, социальная и духовная трагедия.

В статье исследуется цикл петербургских повестей и избранные письма Н. В. Гоголя. Имя города, взаимоотношения людей и вещей, ключевые слова и речевые характеристики персонажей дают возможность проникнуть в пророческий смысл произведений Гоголя, понять их духовную и социальную проблематику, прежде всего, проблему мелкого греха, разработанную писателем на особой глубине и в апокалиптической перспективе.

О крупных проблемах мелкого греха в творчестве Н. В. Гоголя

Существует старинное предание о русском подвижнике Антонии Муромском. Однажды к нему пришли две женщины. Первая сокрушалась об одном своем тяжком грехе. Другая вела себя беззаботно и сообщила, что никаких особенных грехов на совести не имеет. Старец велел первой женщине пойти и принести ему большой камень, а второй – набрать побольше мелких камешков. Когда женщины возвратились, старец побеседовал с ними немного, а потом сказал: «Теперь отнесите и положите эти камни точно в те места, откуда вы их взяли». Женщина с большим камнем сразу отыскала его место, а вторая покружилась-покружилась и возвратилась со своими мелкими камешками обратно. Старец сказал ей: «Ты находишься в гораздо более опасном положении, чем твоя спутница». И объяснил, что причина такой крайней опасности – в духовном состоянии этой женщины, связанном с нечувствительностью к мелким грехам, прочно вошедшим в привычку, и совершенной нераскаянностью.

Эта история упомянута в книге архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского), хорошо известного в современном христианском мире. Книга имеет выразительное название: «Апокалипсис мелкого греха». В ней современный подвижник предупреждает о том, что мелочей в духовной жизни нет. Большой пожар может произойти и от доменной печи, и от маленькой спички, и нет такого желудя, который не заключал бы в себе дуба – то есть и малый грех, войдя в привычку и укоренившись в ней, может перерасти в трудно разрешимую проблему. Автор этой в высшей степени полезной книги с сокрушением говорит о «дряблых душах современных людей», забывших, что человек «страшно за все ответствен»¹.

Проблема мелкого греха весьма актуальна для каждого из нас. Но следует вспомнить, что первым, кто в мировой художественной литературе на особой глубине выявил эту проблему, угадав всю ее духовную значимость и апокалиптическую перспективу, был Николай Васильевич Гоголь.

«Лоскутный стал человек...»

Разработку проблемы писатель начал в «Петербургских повестях». Цикл повестей создавался постепенно, с середины 1830-х до начала 1840-х годов. Напомним, что в него вошли «Невский проспект», «Портрет» (в двух редакциях), «Записки сумасшедшего», «Нос», «Шинель», провинциальная повесть «Коляска» и отрывок из незавершенного романа «Аннунциата» – «Рим».

Петербург становится под пером Гоголя символом современной цивилизации, в сути которой писатель стремится разобраться. Прежде всего обратим внимание на то обстоятельство, что название города, давшее толчок наименованию цикла, неполное: перед нами не *Санкт-Петербургские*, а именно *Петербургские* повести, то есть из имени города «выпала» первая его часть – *Санкт* («святой»). Можно было бы объяснить такую неполноту просто удобством произношения. Но можно усмотреть и нечто иное: утрачено сакральное начало имени, сохранена лишь его «мирская» часть – и город святого апостола Петра превращается в город императора Петра.

Картина города под пером Гоголя оказывается не графически четкой, как, например, у Пушкина, а фантазмагорической, химеричной. Кажется, что город в любой момент способен провалиться куда-то «вместе с мириадами карет». Под угрозой исчезновения находится и человеческая душа, утратившая твердое внутреннее основание, духовную вертикаль. Исчезает то, что называется «святое за душой», и потому сама душа неизбежно мельчает, погружается в болото пошлости. А Гоголь как никто другой, по слову Пушкина, умел показать пошлость пошлого человека.

Центральной магистралью города является его основная горизонтальная ось – Невский проспект. Гоголевская повесть с тем же названием также имеет магистральное значение среди других повестей петербургского цикла: в ней намечены все сквозные темы, обозначены основные человеческие типы, которые получают конкретизацию и развитие в последующих повестях.

Невский проспект получил свое название от имени главной реки города. *Нева* в переводе с финского означает «болото», «топкое место». В других североевропейских языках корень названия реки восходит к понятию «новый». В гоголевской повести «работают» оба значения: на Невском сосредоточена жизнь новой, европейски ориентированной России, и эта жизнь предстает как обывательское болото, несмотря на весь ее претенциозный блеск. Большинство петербургских обывателей давно приспособились к установленному еще при Петре регламенту, условностям столичного существования, подчинились успокоительной лжи общепринятых мнений, утвердились в самодовольной уверенности, что тот образ жизни, который они ведут, и есть единственно правильный

порядок бытия. *Зло спряталось в привычку, укоренилось в ней.* Поэтому творческая задача огромной сложности, которую Гоголю нужно было решить, состояла в том, чтобы обнаружить невидимое миру зло через видимый ему смех. Зло пошлого, бесцельного, привычного существования надо было вытащить на свет, показать во всей гибельной опасности. Для этого писатель смело идет на своеобразное «юродство» языка и стиля, которое, подобно поведению юродивого человека, помогает «встряхнуть» погруженное в спячку человеческое сознание, поразить, озадачить его и призвать душу к бдительному осмыслению жизни и внутренней работе.

Восторженный гимн Невскому проспекту, который звучит в начале повести – один из первых сигналов такого стилистического юродства: сильно преувеличенные похвалы, рассыпаемые в адрес улицы-красавицы, заставляют заподозрить в авторском панегирике Невскому какой-то подвох. Великая праздная сила привлекает сюда обывателей: «едва только взойдешь на Невский проспект, как уже пахнет одним гулянием»². Обращает на себя внимание парадоксальное сочетание двух глаголов: возвышенного «взойти» и обыденного «пахнуть». Пахнуть может то, что имеет некий дух. Дух праздности сгоняет обывателей на Невский проспект. Это тот самый дух, который упоминается в начале великопостной молитвы Ефрема Сирина, потому что праздность порождает многие другие пороки.

В разные часы на Невском появляются волны чиновников в зеленых мундирах, разодетых дам и господ. И всякий раз подтверждается общее правило: человека на Невском и встречают, и провожают «по одежке». Все в человеке вынесено вовне, на всеобщее обозрение. При этом каждый стремится подчеркнуть некое главное свое «достоинство» – будь то оформленные с изумительным искусством бакенбарды, или стройная дамская ножка, или особого фасона шляпка, или усы, «которым посвящена лучшая половина жизни», или такие тоненькие талии, «какие даже вам не снились никогда»³.

Вовлеченный автором в пестрый круговорот этой ярмарки тщеславия, читатель наконец с изумлением замечает, что человеческих лиц вовсе нет, а попадают лишь разные части физиономий: античный нос или блестящие глаза, выглядывающие из-под шляпки, или розовая часть щеки. И создается какая-то фантазмагорическая картина, чуть ли не в стиле Иеронима Босха или Сальвадора Дали: по Невскому прогуливаются отдельные части лиц, тел, костюмов. Невский – это раздробленный мир мелких амбиций и раздутых претензий. Здесь нет цельных личностей. Нет истинных человеческих отношений, словно «какой-то демон искрошил весь мир на множество кусков»⁴. «Лоскутный стал человек», согласно горькому диагнозу писателя.

«Эмансипация» носа

Как значится в «юродивом панегирике», Невский претендует на роль «всеобщей коммуникации» Петербурга. Между тем мы видим нечто обратное: разобщенность, разорванность, раздробленность толпящихся здесь людей. Объединяет их, пожалуй, лишь одно: несокрушимое самодовольство.

Таким самодовольным завсегдаем Невского был майор Ковалев из следующей петербургской повести, «Нос». Однако его постигла неожиданная беда: в одно отнюдь не прекрасное утро, пробудившись ото сна, он обнаружил на своем лице вместо носа совершенно гладкое место. Однако почему, зададимся мы вполне законным вопросом, от майора сбежал именно нос, а не другая какая-либо часть лица или тела? Этот же вопрос, между прочим, волновал и самого потерпевшего: «Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастье? Будь я без руки или без ноги – всё бы это лучше; будь я без ушей – всё сноснее; но без носа человек – черт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин; просто, возьми да и вышвырни за окошко!»⁵.

И ведь действительно, нос – самая выдающаяся часть лица, иной раз и непонятно даже, нос ли приставлен к человеку, или человек к своему носу, ибо орган сей, словно чуткий барометр, отражает жизненные успехи или неудачи своего «носителя», а также его социальный статус, его мнение о своей персоне. Многие факты, приведенные в повести, свидетельствуют о том, что нос майора Ковалева был поднят достаточно высоко. И вот сей орган-барометр тайных амбиций однажды эмансипировался от хозяина и превратился в его удачливого двойника. Мечта, так сказать, отделилась от действительности, и нос-двойник стал беззастенчиво разъезжать в богатой карете в форме статского советника (предел желаний несчастного майора). А когда «потерпевший», в весьма учтивых, впрочем, выражениях, попытался указать беглецу его законное место, тот, в свою очередь, поставил на место безносого неудачника: «Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить в Сенате или, по крайней мере, по юстиции. Я же по ученой части. – Сказавши это, нос отвернулся...»⁶. Как мы видим, при любых, даже самых фантастических поворотах событий в петербургском мире остается совершенно непоколебимой «Табель о рангах», иерархия чинов и званий. Чин вытеснил человека, для чина и не нужно человека, достаточен один амбициозный нос.

Гоголь показывает, что во всей этой истории не обошлось без участия темных сил. У майора Ковалева отпадали разные версии причин невероятного происшествия, осталась одна, которая так и не была опровергнута: происки нечистого. Да и в самом деле, согласно многовековому духовному опыту, на который опирался писатель, враг рода человеческого старается в каждом отыскать слабое место, чтобы погубить его. Слабым местом майора Ковалева оказался не в меру высоко поднятый нос. Вот он и получил по носу, стал посмешищем беса.

Трагический гротеск

Пушкин восхищался гротескной смелостью повести «Нос» и поместил ее в третьем томе своего журнала «Современник» за 1836 год.

Гротеск – еще один прием, с помощью которого, наряду со стилистическим юродством, Гоголь духовно раскрывает петербургскую картину мира. Слово *гротеск* происходит от итальянского слова *grotta*, означавшего, в частности, «древние развалины»: в одном из гротов подземных терм римского императора

Тита, а также в гроте Золотого дворца Нерона были найдены причудливые орнаменты, в которых растительные, животные, человеческие формы в какой-то удивительной игре фантазии переходили друг в друга.

Присмотримся к некоторым гротескным эпизодам «Петербургских повестей». Вот на Невском проспекте дамы вдруг превращаются в море разноцветных мотыльков над черною тучей жуков мужского пола. На балу, который видит во сне художник Пискарев, перемешались в невероятной пестроте сверкающие дамские плечи, черные фраки, люстры, эфирные ленты и толстый контрабас. А в повести «Коляска» на центральной площади провинциального городка разбросаны маленькие лавочки, в которых «всегда можно заметить связку баранков, бабу в красном платке, пуд мыла, несколько фунтов горького миндаля, дробь для стрельбы, демикотон и двух купеческих приказчиков, во всякое время играющих около дверей в свайку»⁷. Как можно убедиться, одни формы причудливо переходят в другие или пребывают в каких-то нелепых, абсурдных сочетаниях друг с другом. И оказывается, что человек в этом мире ничуть не значительнее насекомого, что он – вещь среди вещей, хлам средихлама. *Душа овеществляется, а вещь одушевляется*. Такие происходят печальные и опасные «взаимные переходы» в окружающем нас мире.

По словам известного западного теоретика литературы и философа Йоханнеса Фолькельта, «кто видит мир полным ложного величия, кто замечает повсюду суетный блеск, легкомысленное тщеславие, пустые претензии, надувное чванство, и силою юмора захочет разоблачить эти фальшивые ценности, тот силою вещей приведен будет к гротескному изображению»⁸.

И, например, в повести «Коляска» мы видим поистине гротескную ситуацию: помещик Пифагор Пифагорович Чертокуцкий, который любил пустить пыль в глаза, сделал для своего имени немало удивительных приобретений: купил обезьянку, заказал вызолоченные ручки к дверям, завел француза-дворецкого и, наконец, достал венскую коляску. Однако, будучи владельцем многих, как сейчас сказали бы, «элитных» вещей, – этот самый господин совершенно не владел... самим собой. Сей «аристократ» был *рабом* самых мелких своих прихотей и желаний. Оказавшись на званом вечере у генерала и узнав, что его превосходительство нуждается в поместительной коляске (желательно, «иномарке»), Чертокуцкий тут же, чтобы выделиться из общей массы других помещиков, предложил генералу купить свой венский экипаж и пригласил его и господ офицеров на следующий день осмотреть коляску и заодно отобедать. Однако вместо того, чтобы ехать поскорее домой и готовиться к приему гостей, он никак не мог отодрать себя от картонного стола, а если под рукой оказывался стакан с вином, рука его делала безвольное движение... Между тем давно уже был включен невидимый счетчик, который отсчитывал часы и минуты до позорной развязки... Писатель с помощью созданной в повести гротескной ситуации добивается, чтобы вместе с незадачливым героем и мы пережили острое чувство стыда, ибо, перефразируя слова апостола Павла, нечем нам хвастать друг перед другом, нечем гордиться, кроме собственных немощей.

И вот в знаменитой «Шинели» Гоголь показывает одного из самых жалких, забитых и забытых созданий петербургского мира и делает все для того, чтобы мы увидели его не как муху или пятно на скатерти, а как такого же, как и мы, человека, чтобы узнали в нем брата.

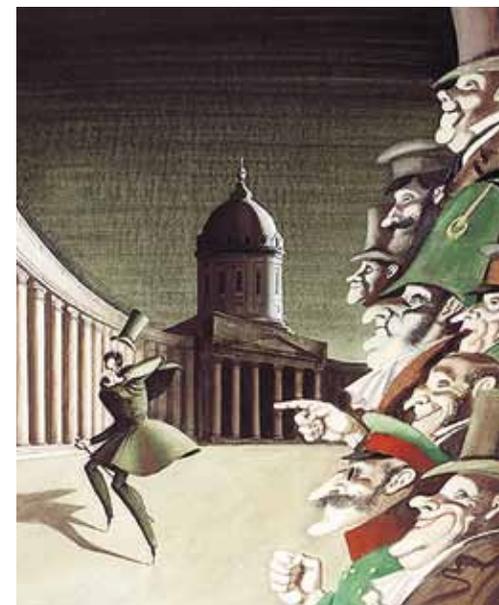
Вещи и местоимения

У Достоевского есть мысль, высказанная им в 1861 году – о том, что Гоголь «из пропавшей у чиновника шинели сделал нам ужасную трагедию»⁹. В чем же смысл, в чем ужас этой трагедии? Автор начинает свое повествование со слов: «в одном департаменте служил один чиновник»¹⁰. Эта фраза сразу же указывает на типичность образа главного персонажа и места его службы, и в то же время на некую их *безликость*. Затем следует описание внешности маленького чиновника – весьма заурядной, какой-то даже размытой (несколько рыжеват, несколько рябоват, несколько лысоват и подслеповат). Затем называется его фамилия – Башмачкин. Литературовед К. Мочульский, видный представитель русского зарубежья, обратил внимание на то, что эта фамилия происходит от названия *вещи* – и вещь, шинель, подчинит себе потом сознание и жизнь героя¹¹. Вслед за этим рассказывается забавная история выбора имени: бедной матушке героя предлагают почему-то самые экзотические имена из святцев – такие, как Моккий, Соссий, Хоздадат, Варахасий, Павсикахий и т.д. Очевидно, автору было важно подчеркнуть, что явившемуся в этот мир маленькому человеку с самого начала не везло – ему и имени-то своего не могли подобрать, и матушка, отчаявшись, дала ему имя отца – так и получился Акакий Акакиевич. «Ребенка окрестили, причем он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник»¹².

Имя было дано по вынужденной необходимости, должность получена по необходимости, и вся жизнь строилась по необходимому регламенту в том петербургском чиновничьем мире, где имя и связанная с ним неповторимая личность человека не имеют никакого значения: чин прикрывает отсутствие лица, уникальная индивидуальность стирается под влиянием обезличивающей стихии. Интересно, что Акакий Акакиевич обычно изъяснялся служебными частями речи – чаще всего местоимениями (словами, *замещающими имя*), например: «Этаково-то дело этакое, – вышло того...»; или: «Так этак-то! Вот какое уж точно никак неожиданное, того...»¹³. Безликость существования лишает имен и чувства героя, и окружающие его явления, предметы. Между прочим, и ветхую шинелишку Акакия Акакиевича с куцым воротником чиновники в насмешку лишили имени и назвали капотом¹⁴. В конце концов, как мы знаем, Акакий Акакиевич решил на отчаянно храбрый поступок: заказал у портного Петровича новую шинель.

Она нужна была Акакию Акакиевичу не только для того, чтобы прикрыть брненное тело, но еще более для того, чтобы почувствовать себя человеком, *осознать себя равным среди других людей*. И его существование действительно заметили, наконец, благодаря новой шинели (по одежке встречают!) и очастливили, включив в свое сообщество. Но как же мало это сообщество напоминало

«НОС».
Фантазии на тему...
Фрагменты иллюстраций С. Алимова

«ШИНЕЛЬ».

Фантазии на тему...

Фрагменты иллюстраций С. Бродского

человеческое братство! Пошумели вокруг обновки, уговорили ее обмыть, заманили, напоили и... забыли за картами и пустой болтовней. К двенадцати часам ночи драгоценная шинель валялась на полу прихожей, и бедный Акакий Акакиевич отправился в холод и мрак навстречу беде: бандиты отняли у него его драгоценность. Причем будочник, этот страж порядка, проявил к произошедшему полное безразличие, а «значительное лицо», к которому несчастный маленький чиновник отважился обратиться за помощью, и вовсе напугал его до смерти, изъясняясь, между прочим, тоже одними местоимениями: «Понимаете ли вы, кто стоит перед вами? Понимаете ли вы это, понимаете ли это?»¹⁵.

Если на лестнице бюрократической Акакий Акакиевич и значительное лицо находились на противоположных концах, то на «Лестнице духовной» значительное лицо стояло, пожалуй, еще ниже своей жертвы. Для него и имени-то у писателя не нашлось...

Нам, однако, важно понять, как смотрит писатель на фантастическое окончание истории маленького чиновника: словно в отместку за свою неприметно прожитую жизнь, он после своей смерти заставил весь Петербург с ужасом говорить о себе как о грозном призраке-похитителе чиновничьих шинелей.

«Ужасная», по слову Достоевского, трагедия маленького героя Гоголя нам видится как раз в том, что даже посмертно душа его жаждала... шинели. Еще при жизни шинель – вещь, разумеется, необходимая, но все-таки *всего лишь вещь* – стала для него целью существования и «вечной идеей». Она оказалась предметом страстной любви и заменила ему «приятную подругу жизни»¹⁶. Ради шинели он шел на любые жертвы, совершал в течение нескольких месяцев настоящий подвиг аскезы. Ради нее, в конечном счете, он отдал жизнь. Теперь, после смерти, тело уже не нуждалось ни в тепле, ни в прикрытии, но зато *душа* оказалась привязанной к тому, что владело ею всецело. Оттого-то она и не могла оторваться от земли, где испытывала столько страданий, не могла подняться вверх, в небесные обители.

Акакия Акакиевича много жалели душевно, с позиций гуманизма. Но он, безусловно, нуждается и в самой главной жалости – духовной: душа его была слишком привязана к миру, она совсем забыла о вечности и находилась в плену у земли и земной вещи даже посмертно.

Своего рода собратом Акакия Акакиевича становится бедный чиновник Поприщин из «Записок сумасшедшего». Через его безумие Гоголь стремится разоблачить безумие современной цивилизации. И открывается бедняге Поприщину, что его современники «юлят во все стороны и лезут ко двору», что они «мать, отца, Бога продадут за деньги, честолюбцы, хриstopродавцы!»¹⁷. Честолюбие движет людьми, правит миром, – эта пронзительная мысль героя облечена в форму бреда: «честолюбие оттого, что под язычком находится маленький пузырек и в нем небольшой червячок величиною с булавочную головку»¹⁸. Не сродни ли, однако, этот неприметный «земной» червячок тому адскому червю, который, согласно Писанию, неумоимо угрызает грешную душу в вечности? В то время как современники пребывали в беспечности, Гоголь прозревал картины апокалиптические.

Перед «Портретом»

Честолюбие и некоторая любовь к щегольству в одежде и в искусстве привели к гибели молодого талантливого художника Чарткова из повести «Портрет». В судьбе Чарткова все началось с милых пустяков, небольшого, казалось бы, компромисса в творчестве, с маленьких сделок с совестью, «невинных» уступок своим и чужим прихотям, а кончилось гибелью таланта, поклонением золотому тельцу, ужасной завистью к большим художественным дарованиям, истреблением выдающихся полотен и, наконец, безобразной смертью в состоянии буйного помешательства. Гоголь еще раз дает нам, читателям, чрезвычайно важный урок: мелочей в нашей жизни нет. Мелкие грехи способны вырастать в чудовищные проблемы, приводить к жизненным катастрофам и крушениям, погребать под собою человеческие души.

Другой художник, автор портрета зловещего ростовщика, согрешил тем, что слишком старательно и пассивно копировал предмет изображения и не внес в свое творение «чего-то озаряющего»¹⁹. Рабское подражание «натуре» кончилось рабским же подчинением демоническому духу. Произошло нарушение гармонии, которая обязательно проникнута светом, и потому талантливая картина внушала не высокое спокойствие, а тоску и тревогу из-за реального присутствия в ней духа тьмы. Гоголь одним из первых поставил вопрос об огромной ответственности художника, взявшегося за непростую задачу – изображения зла в искусстве.

«ПОРТРЕТ».
Иллюстрация Н. Гольц (фрагмент)

Один из самых вдумчивых и проницательных современников Гоголя, московский критик С. П. Шевырев однажды в весьма удачной образной форме определил суть его творчества: «Взгляните на вихорь перед началом бури: легко и низко проносится он сперва; взметает пыль и всякую дрянь с земли; перья, листья, лоскутки летят вверх и вьются; и скоро весь воздух наполняется его своенравным кружением... Легок и незначителен является он сначала, но в этом вихре скрываются слезы природы и страшная буря. Таков точно и комический юмор Гоголя...»²⁰. И в самом деле, Гоголь способен поднять «всякую дрянь», пыль, мелочь, облепившие душу человека, – и показать их в грозной перспективе личной и общеисторической судьбы...

В Петербургских повестях и последующих произведениях Гоголь предупреждает нас о губительной опасности самоуспокоенности и духовной лени. Он призывает к неустанной борьбе с грехом. В повести «Портрет» художник Чартков капитулировал перед злом и погиб. Но другой художник, создатель портрета, увидев страшное воздействие своей работы на души людей, искренне раскаялся. Духовную борьбу он начинает еще в миру, преодолев острый приступ зависти к своему ученику, возникший под демоническим влиянием портрета, а затем уходит в монастырь, где подвигом поста и молитвы очищает и укрепляет душу, подготавливает ее для создания дивной иконы Рождества, исполненной высшей, торжественной тишины и красоты небесной.

Стать ратниками добра

Перечитывая «Выбранные места из переписки с друзьями», я поразились их бодрому, деятельному, даже боевому духу. Гоголь пишет: «Мы вышли на битву, и нечего тут выбирать, где поменьше опасностей; как добрый воин, должен броситься из нас всякий туда, где пожарче битва»²¹. Обращаясь к одной своей корреспондентке, он призывает ее: «Крепитесь, молитесь и просите Бога беспрепятственно, да поможет вам собрать всю себя в себе и держать себя. Все у нас теперь расплылось и расшнуровалось. Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил сам себя в подлое подножие всего, <...> и нет теперь нигде свободы в ее истинном смысле. Эту свободу один мой приятель, который с вами лично не знаком, но которого, однако же, знает вся Россия, определяет так: „Свобода не в том, чтобы говорить произволу своих желаний: да, но в том, чтобы уметь сказать им: нет“». Он прав, как сама правда. Никто теперь в России не умеет сказать самому себе этого твердого *нет*»²².

И продолжение той же мысли можно найти в письме Гоголя к другу-поэту: «Дремлет наша удаль, дремлет решимость и отвага на дело, дремлет наша крепость и сила, дремлет ум наш среди вялой и бабьей светской жизни, которую привили к нам, под именем просвещения, пустые и мелкие нововведения. Стряхни же сон с очей своих и порази сон других. На колена пред Богом, и проси у Него гнева и любви! Гнева – противу того, что губит человека, любви – к бедной душе человека, которую губят со всех сторон и которую губит он сам»²³. Гоголь призывает нас к духовному богатырству, призывает, «плюнувши на свою мерзость и гнуснейшие пороки», стать «ратниками добра».

Завершается книга письмом «Светлое Воскресение», где Гоголь задается вопросом, почему именно в России так радостно и торжественно отмечается Пасха. Ведь мы не лучше других народов и не ближе жизнью ко Христу, чем они. «Никого мы не лучше, а в жизни еще неустроенней и беспорядочней всех их»²⁴. Но есть, утверждает писатель, в нашей славянской природе «начало братства Христова», есть «отвага покаяния и любви». И вполне может проявиться у нас отвага и на такое дело, какое невозможно уже для других народов, гордых своими достоинствами и своим умом, привыкших не только к внешнему, но и к внутреннему комфорту. Что это за дело? Да «хотя бы даже, например, сбросить

с себя вдруг и разом недостатки наши, все позорящее высокую природу человека...»²⁵. И в самом деле, считает Гоголь, мы, русские люди, не щадившие живота своего в войне с Наполеоном и других сражениях за родную землю, способны решительно броситься и в труднейшее духовное сражение, «не пожалев самих себя». Эта отвага в борьбе с грехом, движимая любовью к Богу и ближнему, к добру и правде, и есть для писателя залог того, что «у нас прежде, нежели во всякой другой земле, воспряднуется Светлое Воскресение Христово!»²⁶.

Примечания:

¹ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), архиепископ. Апокалипсис мелкого греха. СПб, 1997. С. 43.

² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 3. М.–Л.: АН СССР, 1938. С. 9.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 24.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 56.

⁷ Там же. С. 178.

⁸ Volkelt J. System der Ästhetik. Bd. II. Münch., 1910. S. 416.

⁹ Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе. Введение // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 18. С. 59.

¹⁰ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 3. С. 141.

¹¹ См.: Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М, 1995. С. 233.

¹² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 3. С. 142.

¹³ Там же. С. 152.

¹⁴ Там же. С. 147.

¹⁵ Там же. С. 167.

¹⁶ Там же. С. 154.

¹⁷ Там же. С. 209.

¹⁸ Там же. С. 210.

¹⁹ Там же. С. 88.

²⁰ Москвитянин, 1842. Ч. IV, № 8. С. 356.

²¹ Цит. по: Мочульский К. Духовный путь Гоголя // Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 39.

²² Гоголь Н. В. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. СПб., 1900. С. 136–137.

²³ Там же. С. 73.

²⁴ Там же. С. 216–217.

²⁵ Там же. С. 217.

²⁶ Там же. С. 217–218.

«Существует кукла авторская и кукла традиционная. Я занимаюсь именно традиционным направлением. Ведь такая кукла отражает не только менталитет, но и душу всего русского народа. Традиционная кукла заключает в себе генетическую память народа, этим она и интересна. К тому же у нее не бывает копий, она всегда выполняется в единственном экземпляре. Поэтому она – уникальна.

У меня много учеников, их работы разные, но среди них нет ни одной поверхностной. Ведь наша кукла имеет свою философию...»

М. А. Мишина, преподаватель Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования, кандидат культурологии

Философия куклы

С М. А. Мишиной беседует Елена Дилакторская

Марина Александровна, расскажите, пожалуйста, о себе, о своей творческой, педагогической работе. И какое значение имеет традиционная кукла для нашей современной культуры? Вообще, что такое традиционная кукла России? Ведь в нынешнем мире так много разных «кукольных» направлений...

Я веду курс «Развитие воспитательного потенциала семьи средствами этнопедагогике. Традиционная народная кукла» в Академии постдипломного педагогического образования. А десять лет назад епархиальный Отдел религиозного образования и катехизации пригласил меня с моими слушателями принять участие в Пасхальной право-

славной выставке, и вот тогда мы впервые представили русскую традиционную куклу. И теперь два раза в год, на Рождественской и Пасхальной выставках мы рассказываем посетителям о русской традиционной кукле, проводим мастер-классы для детей и взрослых.

Нужно подчеркнуть, что в современном кукольном мире традиционная кукла – явление особенное. И если ее сравнивать, например, с авторской, то главное отличие можно выразить кратко: авторская кукла рассказывает о внутреннем мире, чувствах и интересах отдельно взятого человека, а традиционная – отражает душу всего народа. Это – с одной стороны. Если же сравнивать тради-

ционную куклу с современной промышленной куклой, то последняя производится, как правило, в большом количестве. Традиционная же всегда уникальна, так как всегда существует в единственном экземпляре. Как, кстати, и авторская. Так что никакого усреднения здесь быть не может.

Теперь – исторический аспект. Сегодня под традиционной куклой принято подразумевать прежде всего ту, что родилась в культуре крестьянского общества. И здесь можно усмотреть явное противоречие. Потому что культура крестьянского общества уже давно осталась в прошлом. Но вот кукла, возникшая в недрах этой традиционной культуры, сегодня оказалась удивительно востребованной, причем не только культурологами и фольклористами, которые изучают ее в силу своей мотивации – научной или профессиональной. Нет, она стала интересна и многим другим людям – педагогам и художникам, социальным работникам и психологам. Но, пожалуй, больше всего – многодетным родителям, которые хотят увлечь своих детей русской традиционной куклой как альтернативой, например, китайской, американской промышленной игрушке. Наша кукла, во-первых, выполняется своими руками, а во-вторых, несет, образно говоря, совершенно особый информационный поток – прежде всего тот, который связан с культурой нашей страны и с историей каждой семьи...

Значит ли это, что сами люди, каждая семья привносит в создаваемую ими куклу что-то свое? То есть, здесь получается своеобразное сочетание традиционной и авторской куклы?

Конечно! Ведь без привнесения личностного начала создать органичный образ куклы просто невозможно. Хотя бы уже потому, что мы с вами давно не являемся людьми традиционной культуры, большинство из нас – жители города уже в нескольких поколениях. Все мы, с точки зрения культурологии, – представители постиндустриального общества. Но корни-то наши все равно – там, в крестьянской среде! И именно та среда нас, сегодняшних, питает и по сей день.

Это сугубо ваше убеждение?

Не только мое! Мы в нынешнем неустойчивом мире ищем стабильности и поддержки. И где их находим? Мы обращаемся к Богу, и это – религиозная культура, которая укоренена во времени. Мы ищем поддержку в традиции. А что такое традиция? Это все та же религиозная картина мира, религиозное мировоззрение! Крестьянство не мыслило себя вне Бога и в отрыве от Бога. Все делалось с Богом в душе и с молитвой. И поэтому такая культура, несомненно, имеет положительный потенциал.

Современное общество очень внимательно разглядывает, рассматривает традиционную культуру в целом. И кукла, как совершенно особый, уникальный предмет этой культуры, оказывается очень привлекательной. Она привлекает, во-первых, своей связью с духовностью, во-вторых – своей рукотворностью и, в третьих, – своей доступностью.

На наших выставках, на стендах мы представляем работы слушателей Академии. Все это выполнено их руками, причем, здесь нет никаких секретов

или сложных технологических ухищрений. У нас вы не найдете ни папирклея, ни каркасной куклы, ни самоотвердевающего дорогостоящего пластика. Подчеркну, что наши курсы – в первую очередь для педагогов. Хотя мне часто задают вопрос, почему я не обучаю детей. Почему? Думаю, что каждый человек должен делать то, что у него получается лучше. Мне по душе работа со взрослыми, это – моя аудитория, и в ней мы говорим на одном языке. А вот педагоги уже передают эти знания дальше – той аудитории, с которой работают они. То есть в итоге возникает цепочка – и дополнительного образования, и начального, и среднего, и даже своего рода профобразования.

Несколько лет назад я посетила город Тотьму Вологодской области. Русский Север – родина моих предков. Здесь в местных музеях очень много интересного – это и старинная одежда, и вышивка, и украшения, и прялки с орнаментами, и другие предметы быта. На экспозициях широко представлены и элементы дохристианской культуры.

А вы как-то используете в работе с куклой те фольклорные, народные элементы – то есть наследие языческой эпохи? Ведь именно оно было теснейшим образом связано с бытом, традициями крестьян...

Это очень сложный вопрос, но ответить на него нужно обязательно. Потому что этот же вопрос мне часто задают слушатели, но они формулируют его несколько иначе. Например, так: «Кукла – это предмет, связанный с языческими культами и языческой культурой, или же это предмет уже христианской культуры?»

Я убеждена: мы не можем и не должны «открещиваться» от обращения к дохристианской традиции. Вытеснять, запрещать говорить о ней могут только очень ограниченные, недалекие люди. Ни один батюшка, заметьте, не будет ее отрицать. На самом деле христианская культура на Руси включила в себя некоторые языческие традиции. Именно это, кстати, произошло в свое время и с античной культурой. Но мы же изучаем культуру Древней Греции! А наши сказки? Разве они не доносят до нас древнейшие мифологические представления? Но это те представления, которые прошли испытание временем. Так и кукла, как особый предмет культуры, помогает прикоснуться к жизнеутверждающим дохристианским корням русского этноса. Таким образом, мы на наших курсах изучаем куклу как предмет, транслирующий этнокультурный опыт предков и приводящий нас к необходимости изучать историю нашей страны, историю нашей культуры. Конечно же, мы не должны исключать дохристианское прошлое России, это было бы совершенно неразумно.

Мы изучаем куклу как явление традиционной культуры во всем ее многообразии. Через куклу мы изучаем быт, костюм, календарные и семейные обряды. Кроме того, кукла ведь вбирает в себя все стороны быта – и ткачество, и прядение, и вышивку; здесь важно и знание особенностей национального костюма. Без широкого кругозора достоверно сделать традиционную куклу просто невозможно! И я на первом же занятии говорю слушателям: кукла просто заставит вас изучать фольклор и традиционные виды рукоделия.

Вот и еще один интересный вопрос у вас прозвучал: мы фантазируем, создавая куклу, или все-таки строго придерживаемся каких-то рамок? И где та грань, которая разделяет канон традиции и авторское творчество?

Отвечу так. В процессе создания куклы мы всегда опираемся на изучение какой-то конкретной региональной традиции – архангельской, тульской, калужской... Есть ведь и аутентичные куклы, хранящиеся в музеях. Изучение таких традиционных конструкций помогает создавать уже свои авторские варианты. Потому что без конца копировать музейные образцы – тоже невозможно! Во всем должен быть смысл. А чтобы традиция жила, была укоренена в сегодняшнем дне, она должна быть встроена в нынешнюю социальную среду, должна быть востребована, должна развиваться. Иначе все быстро окостенеет.

Да, подлинная крестьянская кукла осталась в том далеком крестьянском прошлом. Крестьянство в прежнем качестве, как это ни горько, уже не существует, и притом давно, больше семидесяти лет. Тогда чем мы занимаемся сейчас? Мы занимаемся изучением этой традиции и ее воссозданием, развитием. Мы берем главное: то содержание, которое вкладывали в куклу наши предки. Ведь содержание, в принципе, не изменилось! Это все те же жизнеутверждающие ценности: ценность человеческой жизни, ценность семьи, любви, деторождения...

Тогда ваша кукла должна быть очень доброй! И, наверное, она должна чем-то серьезно отличаться от промышленных игрушек – китайских, американских...

Совершенно верно. Это отмечают абсолютно все, кто изучает фольклор, песенный и игровой, и декоративно-прикладное творчество, и куклу, – все они говорят, что в нашей традиции нет устрашающих символов, нет разрушающих посылов. Все имеет позитивное настроение, все одухотворено, проникнуто одним желанием – чтобы жизнь продолжалась. Ценность человеческой жизни – вне обсуждений. На все это и направлено наше творчество! Вот это и делает нашу куклу особенно востребованной, этим-то она и привлекает к себе. Здесь просто невозможен какой-либо негативный результат!

Вот, кстати, вопрос – о критериях «позитивного» и «негативного» в творчестве. Сейчас представления о добре и зле все больше размываются. Образ героя, который одновременно и плохой, и хороший, – очень даже в моде. К сожалению, часто мы, например, в детских книжках видим вместо рисунка либо какие-то карикатуры, либо иные искажения действительности, а часто и устрашающего, негативного характера. Либо наоборот: каких-то голливудских зайчиков... Но человеческую душу ведь не обманешь!

То же касается и игрушки?

Я здесь полностью согласна с вами. Бывает такая транскрипция, такая подача, что иногда я смотрю детские книги и не могу понять, кто же тут изображен: котенок, щенок, лисенок или какое-то чудо-юдо... Как мне думается, проблема здесь лежит и в сфере творческой, она сопряжена с коммерческими интересами тех людей, что любой ценой стремятся к выгоде.

Тем не менее люди часто сами склоняются к чему-то уродливому, негативно-му. А коммерсанты это успешно используют. Но почему так происходит, как вы думаете?

А это проще сделать. Это то, что лежит на поверхности.

Приведу такой пример. Моя дочь – профессиональный график. Она занимается каллиграфией и уже третий год сотрудничает с петербургским издательством «Вита Нова». Сейчас она иллюстрирует Евангелие от Марка. И она дополнительно создает рукописный текст, потому что ни один из известных шрифтов не соединяется с ее иллюстрациями в технике офорта. Я как-то спросила ее: «Почему ты создаешь такую каллиграфию, которая читается с огромным трудом?» И она ответила, что эти тексты – сакральные, и не должны входить в человека легко. Наоборот, человек сам должен затратить усилие, чтобы прочесть ту или иную букву. Слово Божие войдет в него, в его сознание только тогда, когда он преодолет себя, приложит усилие. Недаром в Евангелии от Матфея сказано: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его».

Я к чему это говорю? То, что лежит на поверхности, то, что сейчас «легко», – это нередко соблазн, искушение. Современная культура вообще тяготеет к сиюминутности, одномоментности. Все направлено на проживание одного дня – без оглядки на прошлое, без перспективы на будущее. Призывы вроде «Живи одним днем, бери от жизни всё!» необычайно популярны сегодня.

Но то, что легко дается, легко и утрачивается. И наоборот: чем больше мы вкладываем личных усилий в какое-

либо дело, тем результат нам дороже, тем он для нас значимей.

Есть и другая особенность современной культуры – мозаичность, и применительно к современному сознанию культурологи употребляют термин «клиповость». Такая формулировка появилась в начале девяностых годов. А ведь традиция – это никак не клиповое сознание! Поэтому мы сейчас так к ней и тяготеем. Когда мы смотрим по телевизору бесконечное мелькание рекламы, переключаемся с одного канала на другой, или погружаемся в поток фильмов, изобилующих сценами насилия, мы теряем смысл реально происходящего и, по сути, утрачиваем живую нить восприятия реальной жизни. Поэтому простые игрушки, прялка, традиционный костюм так помогают нам гармонизировать наше собственное сознание возвращением к традиции, а через нее способствуют приближению и к религиозной картине мира.

Но ведь сейчас в нашем обществе есть и позитивные тенденции. Например, в области литературы, живописи, музыки – появляются прекрасные авторы, в том числе и достаточно молодые. Казалось бы, откуда, если сознание клиповое?.. Как мне кажется, параллельно с тем негативом, о котором вы говорили, в обществе происходит и возрождение традиций. Сейчас нам открываются многие глубины нашего культурного наследия. Все это идет по какой-то одной общей линии, чему во многом способствует Православная Церковь. А что вы думаете об этом?

Я рада это услышать. У меня есть одна коллега, она живет в Кирове и вот уже более десяти лет занимается,

так же как и я, традиционной куклой. Так вот, она высказала одну удивительную мысль, к которой я полностью присоединяюсь: «Когда нашей народной культуре грозит какая-нибудь серьезная опасность, она начинает оздоравливаться изнутри». Откуда-то берутся силы! Изнутри берутся, вроде бы даже ниоткуда. Вот, например, у моих слушателей воцерковление происходит через куклу. Казалось бы, странно: воцерковление – и через куклу... Я на курсах преподаю уже много лет, и готова поименно перечислить тех слушателей, которые сначала были атеистами, а теперь они работают на выставках в Александрово-Невской лавре, проводят мастер-классы, ходят и на службу, и на исповедь. Эти люди пришли к Богу. Почему так произошло? Потому что если человек изучает, и любит, и создает произведение в русле традиции, то, постепенно, он начинает усваивать и всю традиционную картину мира. Он начинает в ней жить, у него меняется мироощущение, а потом и мировоззрение. Кукла как бы транслирует ему мировосприятие традиционного человека. Здесь все так глубоко, и гармонично, и органично увязано, что я просто иногда говорю своим ученикам: «Кукла изменит вашу привычную жизнь, и эти изменения – к лучшему». Но никаких конкретных обещаний я никогда не даю...

Но ведь существуют, кстати сказать, и некоторые магические практики, связанные с куклой. Их цель – воздействовать на волю и сознание человека. Нет ли в вашей области такой опасности?

Нет, конечно! Я всегда говорю слушателям: «Отслеживайте изменения – что у вас будет происходить в душе от занятия к занятию». И они замечают,

что становятся спокойнее, а это очень важный показатель. «Мы уходим от вас всегда в хорошем настроении и идем к вам как на праздник, – говорят мои слушатели. – Потому что мы у вас творим. Весь негатив окружающего мира остается снаружи, а мы здесь занимаемся настолько чистым, настолько творческим, настолько хорошим и добрым делом, что все, плохое, что за день накопилось – отступает, исчезает без следа».

Получается, что традиционная кукла у вас каким-то образом приводит человека к церковному видению мира...

Да, можно так сказать. Это действительно так происходит, но только при одном важном условии: необходимо приложить личные усилия, наполнить свою куклу сердечным теплом. Это очень важно понимать, и я стараюсь, чтобы наши слушатели это тоже понимали. Потому что автоматически никто не станет добрее, счастливее, гармоничнее. А плохому традиционная кукла никогда не научит и ничего плохого в жизнь не принесет. Но она обязательно приумножит то, что есть положительного в душе каждого, укрепит, укоренит и поможет развить.

Какова география ваших контактов?

Выездные семинары – а этот формат наиболее востребован – я регулярно провожу во многих городах – Москве, Кирове, Екатеринбурге, Перми, Каргополе и других. В этих городах действуют клубы любителей традиционной куклы, творческие объединения. Какие темы сегодня особенно актуальны и востребованы? Те, что связаны с изучением кукол народов России. Например, в Москве,

при Центре развития национальной культуры имени императрицы Александры Федоровны я провела серию семинаров – точнее сказать, курс – по своей авторской программе. В него вошли семинары по темам: «Куклы восточных славян» то есть русских, украинцев, белорусов, «Куклы финно-угорского мира», «Куклы народов Кавказа». Завершал курс семинар «Куклы тюркоязычных народов». Эти же темы очень заинтересовали коллег в Перми и Екатеринбурге. Нередко для участия в таких семинарах приезжают слушатели из весьма отдаленных городов – из Ноябрьска в Тюменской области, из Красноярска. Значит, все эти темы не просто интересны, а крайне важны для работы и с детьми, и со взрослыми.

Во время работы на подобных семинарах складываются и развиваются контакты с коллегами. Но не только на семинарах. Еще больше возможностей для новых знакомств и «смотров» достижений дают всероссийские фестивали и конкурсы, на которые приезжают ведущие мастера-игрушечники. Здесь прежде всего нужно назвать фестиваль «Рукотворная игрушка», раз в два года проводимый московским Государственным Домом народного творчества. В прошлом году он проходил уже в шестой раз, это – всероссийский уровень.

Для меня очевидно, что такая разносторонняя творческая работа требует серьезных историко-этнографических исследований, вообще, основательной научно-теоретической базы. Как она создается?

Да, конечно, разработать подобные курсы невозможно за год или два. Поч-

ти десять лет я собирала материал буквально по крупицам. Училась у таких мастеров традиционной куклы как Ирина Владимировна Агаева, Нина Васильевна Осипова, Римма Яковлевна Тарасова. Без серьезной подготовки в нашем деле просто не обойтись. Заключается она в постоянном сборе и анализе печатных материалов, в работе с научной литературой, в обобщении и систематизации материалов, собранных мастерами на местах, в работе с фондами музеев Санкт-Петербурга и других городов. А самые ценные «кукольные находки» для меня – те, которые появляются в результате встреч и обмена опытом с мастерами – носителями традиции. И это не только славяне, но и коми, ненцы, саамы, марийцы, даже представители других народов прежнего СССР. Для таких встреч приходится иногда выезжать в центры регионов – в Мурманск, Сыктывкар, Йошкар-Олу... Иногда же встречи происходят как будто совсем случайно. Хотя все чаще мне видится здесь промысел Божий, потому что они происходят именно тогда, когда есть острая необходимость в конкретной информации. Простой пример: нынешний март, готовлюсь к предстоящему семи-

нару, и тут понимаю, что в моей коллекции очень мало киргизских кукол. Как быть? Но вот с шестого по десятое марта у нас в Петербурге проходит выставка «Крафт-базар», и среди ее экспонентов оказывается мастерица из Киргизии Марина Малдаташева. Познакомилась, разговорилась, стали обмениваться информацией. Так с Божьей помощью в моей коллекции появились две ее удивительные куклы – «Ине-курчак», что значит «Мамочка с младенцем», и «Келим-курчак», то есть «Невеста». И таких примеров много!

То есть, получается, традиционная кукла – это такое явление, которое способно гармонизировать людей не только на внутриэтническом, но и на международном уровне?

Конечно. Потому что базовые человеческие ценности, которые транслирует традиционная кукла, для всех едины. Это – ценности универсальные, ценности христианские. И нашу русскую традиционную куклу мастера других этнокультурных традиций воспринимают как свою. Потому что в ней – та Любовь, которая понятна всем.

Д. Г. Демидов

Церковнославянизмы, русский литературный язык, грамматика, языкознание.

Статья посвящена изучению проблемы употребления церковнославянизмов в русской небогослужбной литературе.

Далеко ли от русской грамматики до славянской?

По подсчетам ученых, наше богослужение по-славянски содержит не менее 80-ти процентов слов, общих с русским языком. Большинство славянских слов можно найти в больших словарях русского литературного языка с различными ограничительными пометами (*высок., слав., стар., trad.-поэтич., устар., церк.* и др.).

Например, в Словаре современного русского литературного языка (в 17 томах, М.–Л., 1950–1965) имеются слова:

- агаряне** – *Стар., обл. и фолькл.* ‘Жители Аравии, иначе: сарадины’;
- агнец** *м., агница* *ж.* – 1. *Устар.* ‘Ягненок, барашек’. 2. *Церк.* ‘Четвероугольная часть просфоры’, *агничий, агнечный*;
- аз** – 1. ‘Название первой буквы’. 2. *местоим.* *Стар.* ‘Я’;
- акриды** – ‘Род саранчи’;
- аки** – союз. *Устар.* ‘Как, подобно’;
- аллилуйя** – *междом. и суиц.*;
- алтáрь**;
- алчба́** – *Устар.* ‘То же, что алчность’, *алка́ть*. 1. ‘Сильно, страстно желать чего-либо, стремиться к чему-, кому-либо’, в выражении *алчущие и жаждущие* ‘ожидающие, желающие чего-либо’. 2. *Устар.* ‘Чувствовать голод’, *алка́ние, алка́тель*;
- амво́н; ами́нь; анало́й; ана́фема, ана́фемствовать**;

а́н҃гел;
а́нтіхрист;
а́редов (ы веки, по имени патриарха Иареда, жившего 962 года);
архиди́акон;
архиепи́скоп;
архиерей;
архимандрит;
архипа́стырь;
аорист 'прошедшее совершенное', *аористический;*
а́спид;
а́ще
 и многие другие.

По сравнению со Словарем прот. А. Свирелина, в Словаре 1950–1965 годов пропущено совсем немного слов, а именно: помимо имен собственных, это *абие*, *авва*, *агиасма*, *алавастр*, *алектор*, *антидор*, *антифон*, *архисинагог*, *архистратиг*, *архитриклин*, *ассарий* и некоторые другие (на букву А список отсутствующих имен нарицательных и неименных частей речи перечисленными 11-ю словами исчерпывается), то есть словарь общеупотребительного языка пропускает в среднем только одно из трех церковнославянских слов.

Но даже и эти пропущенные слова можно найти в произведениях, написанных с опорой на светскую (гражданскую) норму русского литературного языка. Так, по данным Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), в основном (не историческом!) корпусе фиксируются:

- абие* – 68 раз (у Прокоповича, Гоголя, С. Соловьева, о. Иоанна Кронштадтского и др.);
- авва* – 1086 раз (у епископа Игнатия Брянчанинова, Лескова, Розанова, А. Вознесенского и др.);
- агиасма* – 3 раза (у Андрея Балдина в 1997 г.);
- алавастр* – 11 раз (у Буслаева, о. Сергия Булгакова, монахини Игнатии Петровской, А. Терехова и др.);
- алектор* – 6 раз (у Н. А. Лейкина, Д. Л. Мордовцева, Ф. Д. Крюкова);
- антидор* – 6 раз (у Загряжского, Карамзина, Диомидова, К. Леонтьева и Садовской);
- антифон* – 89 раз (у Татищева, Фонвизина, Гоголя, Куприна, монахини Игнатии, Б. Евсеева и др.);
- архисинагог* – нет;
- архистратиг* – 129 раз (у Григоровича, Карамзина, Лескова, Брюсова, Платонова, Паустовского, Форш, Ахматовой и др.);
- архитриклин* – 8 раз (у Достоевского, Буслаева, Анненской, Чехова);
- ассарий* – 9 раз (в Синодальном переводе Евангелия, у архиепископа Платона Левшина, Краснова, о. Александра Меня и В. Аксенова).

Это означает, что лишь редчайшие церковнославянизмы не употребляются в русской небогослужебной литературе. Иными словами, славянизмы, грецизмы, латинизмы и гебраизмы присутствуют в полном объеме русского литературного языка и составляют словарь славянский.

Какие-либо специальные отрасли знания (напр., экономика, юриспруденция, информатика) содержат намного больше слов, неизвестных в общем употреблении и не включаемых в общие, даже многотомные словари русского литературного языка. Следовательно, по словарному составу язык Церкви отличается от общеупотребимого не более, нежели любой специальный язык, но по своему духовному значению он превосходит даже самые необходимые области науки и техники, и поэтому его значимость перерастает в **общезначимость**, несмотря на наличие известного числа слов, редко употребляемых в светском обиходе.

Более трудной для восприятия оказывается славянская грамматика. Причины этого лежат в исторических преобразованиях, изменениях правил употребления различных словоформ, одни из которых со времен М. В. Ломоносова стали отбираться для новой светской нормы русского литературного языка, а другие продолжали оставаться в рамках традиционной славянской грамматики, которая еще при Петре Великом предписывала правильное построение не только церковной, но и светской речи: и «Арифметика» Магницкого, и внушительного объема трактаты по истории, географии, медицине, риторике и другим наукам переводили и писали еще по-славянски. Русская грамматика в сумме есть отобранные в единый свод правил факультативные варианты, появившиеся в церковных небогослужебных и светских текстах XVII–XVIII веков, написанных по-славянски. По этому своду правил и стали создаваться художественные, публицистические, научные и другие произведения. Одни и те же тексты – например, басни Эзопа – перелагали сначала по-славянски, и только затем по-русски.

Свободное и сознательное внедрение разговорных стилистических средств можно наблюдать в языке церковного красноречия. Так, святитель Димитрий Ростовский в своих словах и поучениях показывает безукоризненное владение славянской грамматической нормой. В его речи по прибытии в Ростов на митрополичий престол основной формой прошедшего времени во всех лицах выступает аорист: *и́ска́хъ*, *внидо́хъ*, *при́идохъ*, *вѣ́дахъ* (я искал, вошел... 1-го лица ед. числа); *приннесѣ*, *напой*, *насадѣ*, *даде* (он принес... 3-го л. ед. ч.); *вѣ́дасте*, *вѣ́сте* (вы знали... 2-го л. мн. ч.); *погла́ша* (они послали... 3-го л. мн. ч.).

Вот пример прекрасного употребления таких форм:

Ра́дѣюса дѣ́омъ прише́дъ въ сѣ́ градъ, въ сѣ́ до́мъ, ѿгѣ́же за́къшии чѣдо́твѣ́орцы стопа́ми сѣ́тыхъ сво́ихъ но́гъ ѿсѣ́нша, мѣ́твами ѿгради́ша, вѣ́годнымъ житі́емъ оукраи́ша, по́двигами и́ трѣ́дами возвели́чиша и́ премно́гоу сѣ́тї́нею просла́виша.

Но здесь же вместо правильного славянского *по́двиги и́ трѣ́ды* (ср. глаго́лшаго проро́ки) святитель позволяет себе облегченные небогослужебные формы *по́двигами и́ трѣ́дами* как некую риторическую вольность.

С особыми целями изредка употребляется общая форма глагола прошедшего времени на -л- и другие русизмы. Так, в «Речь к Великому Государю (егда с Украйны придѣ)» широко внедрены разговорные формы (соответствующие более правильные славянизмы даем в круглых скобках):

Тѡ́н [Гдѣ] положи́лх (положи́ или положи́лх љѣтъ) дѣшлꙋ своѡ, ю́же стѣлжѣ чертнѡю си кро́вѣю, не ци́дѣтъ нѣ се́н [горѣдѣрь, Пѣтрѣ] дѣшнѣ своѣн (своѣл) за ѣгѡ Хрѣто́влꙋ стѣшю црѣковь, за црѣковѣть ѡтѣчестѣл хрѣсти́анскагѡ полага́етѣ дѣшлꙋ своѡ неѣшн (неѣн) своѣ здорѡвѣе (здѣрѣѣе), стѣвлчн (стѣвл) своѡ пѣрси прѡ́чнѣх непри́чтелѣн (непри́чтель), нѣ поды́мѡючн (поды́емл) всѣн воѣннѣн (всѣн ко́сннѣн) вѣ полѣтѣх не вѣ часы́ трѣды.

Заметим, что упомянутая словоформа трѣды здесь, в финале периода, употребляется, наоборот, совершенно верно по-славянски.

В целях живого и прямого воздействия на слушателей риторическая речь позволяет отказ от различий, предполагаемых славянской грамматикой. Приведем важнейшие различия, которые выражаются по-славянски и не выражаются по-русски, в таблице.

По-русски	По-славянски	По-русски	По-славянски	По-русски	По-славянски
Отец. Отец!	ѡтѣцѣ. ѡтче!	Владыка. Владыка!	владыка. владыко!	Царь. Царь!	цѣрь. цѣрѡ! црѣю!
слышу его	слышлꙋ ѡ	слышу ее не слышу ее	слышлꙋ ю не слышлꙋ ѣл	слышу их	слышлꙋ ѡ
(тот,) который	ю́же	(та, то) которая, -ое	ю́же, ѣ́же	(те,) которые	ю́же
два брата	дѣлѣ брѣтѣ	две сестры	дѣлѣ сестрѣ	оба ока	ѡбѣ ѡчи
двух братьев, -ях	дѣкою брѣтѣ	двух сестер, сестрах	дѣкою сестрѣ	обоих очей, -ах	ѡбою ѡчѣю
двоим, -ми братьям, -ми	дѣвѣмѣ брѣтѡма	двум, -мя сестрам, -ами	дѣвѣмѣ сестрѣма	обоим очам, -ами	ѡвѣмѣ ѡчѣма
я дал ты дал	ѣзѣ дѣлѣ ѣемь чѣ дѣлѣ ѣн	он, -а, -о дал, -а, -о	ѡнѣ, ѣ, ѡ дѣлѣ, ѣ, ѡ ѣтъ	мы, вы, они дали	мѣ дѣлѣ ѣемь, вѣ дѣлѣ ѣтѣ, ѡнѣ дѣлѣ ѣтъ
я, ты, он, -а, -о даровал, -ла, -ло	ѣзѣ дарѡвѣхъ, чѣ дарѡвѣхъ ѣн ѡнѣ, ѣ, ѡ дарѡвѣ	мы, вы, они даровали	мѣ дарѡвѣхѡмѣ, вѣ дарѡвѣтѣ, ѡнѣ дарѡвѣшѣ	мы, вы, они (вдвоем) даро- вали	мѣ дарѡвѣхѡвѣ, чѣ, вѣ, ѡна, чѣ дарѡвѣтѣ, чѣ
я, ты, он, -а, -о даровал, -а, -о	ѣзѣ дарѡвѣхъ, чѣ, ѡнѣ, ѣ, ѡ дарѡвѣше	мы, вы, они даровали	мѣ дарѡвѣхѡмѣ, вѣ дарѡвѣтѣ, ѡнѣ, чѣ дарѡвѣхъ	мы, вы, они (вдвоем) дарили	мѣ дарѡвѣхѡвѣ, чѣ, вѣ, ѡна, чѣ дарѡвѣтѣ, чѣ

Света Твоего зарями про- свети, Дева, мрак неведения отгоняя	Свѣтѣ твоѣгѡ зарѣми просѣвѣ- чнѣ, дѣво, мрѣкѣ невѣдѣнѣл ѡгонѣюци	Когда Ты, Господи, крестился во Иордане	во иорданѣ крѣщающѣсѣл чѣвѣ, гдѣ	Христос вос- крес из мерт- вых, смертью смерть поправ и сущим во гробах жизнь даровав	Хрѣто́с воскресѣ изъ мертѡвѣхъ, смѣртѣю смѣртѣ попра́хъ нѣ сѣщнѣмъ во гробѣхъ живѡтъ дарѡвѣхъ
--	--	---	--	---	--

Но и в самой русской грамматике есть такие (разнообразящие и усложняющие ее!) исключения, которые объясняются регулярными формами славянской грамматики. Так, мы говорим *два часа́, два шарá*, но в форме род. падежа (кого, чего?) ед. числа ударение другое. Например, *он и часа́ не занимался славянской грамматикой, а говорит, что она трудна и непонятна; вычислить объем шарá*. Следовательно, особые счетные формы суть формы двойственного числа.

Итак, в исторической перспективе можно наблюдать, как в недрах славянской грамматики в виде допустимых вариантов в небогослужебных церковных и светских произведениях на правах факультативных вольностей вызревает новая норма, которая позже приобретает характер обязательной и вместе с гражданским шрифтом укрепляется в нашем светском обиходе. От русской грамматики до славянской не просто «недалеко», – первая сама **есть** вариант второй, выделившийся и оформившийся в обязательный свод правил. Отношения между ними суть отношения между частью и целым, а целое кажется труднее, только когда исходишь из части. Достаточно сопоставить грамматики Смотрицкого, Паузе и Ломоносова, чтобы увидеть, *как* часть выделялась из целого на заре нашего научного языкознания.

Ю. И. Рубан,
А. И. Рубан

Василий Великий, Григорий Богослов, поэт, каппадокийцы, Афины, дружба, Кесария, Константинополь, православие, ариане, элегический дистих, эпиграмма, эпитафия.

Статья приоткрывает страничку истории бессмертной дружбы двух «античных христиан», воспетую одним из них. Памяти своего Великого друга он посвятил надгробное Слово и традиционный в античной лирике цикл эпитафий. Публикуемые здесь эти проникновенные стихи, впервые полностью переведенные размером оригинала, вносят новые черты в традиционные иконописные образы внешне невозмутимых святителей. Статья и комментарий вводят читателя в атмосферу уникальной церковной эпохи, богословское содержание которой во многом определили именно наши герои.

Дружбой завещанный долг... (Василий Великий и Григорий Богослов)¹

История сохранила нам немало примеров дружбы достохвальных мужей, прославившихся на поле брани, на поприще учености либо благочестия, – как язычников, так и почитающих Единого Бога. Не пытаюсь собрать имена многих адамантов в ожерелье славы, назовем лишь всем известных Гильгамеша и Энкиду, Давида и Ионафана, Ахилла и Патрокла, Августа и Мецената. Но сколь ни сильна выраженная в слове и на деле их привязанность друг ко другу, ее все же превосходит божественная любовь двух великих каппадокийских христиан, Василия и Григория, – превосходит настолько, насколько небо отстоит от земли. «В сравнении с нами ничего не значили их Оресты и Пилады, их Молиониды*, прославленные Гомером», – так свидетельствовал сам Григорий в знаменитом надгробном Слове своему другу². С непередаваемой живостью и утонченной трогательностью он, выученик известного риторика Гимерия³, поведал в нем историю своей встречи с Василием в дни золотой студенческой юности, пришедшейся на бурные 50-е годы IV столетия.

Это произошло в Афинах, «обители наук», которые всегда останутся для Григория «подлинно золотыми»⁴. Он уже находился в этом городе, когда туда прибыл Василий, готовившийся к юридической карьере и совершенствовавший себя в лучших риторических школах Каппадокии и Константинополя. Впрочем, молва

* Молиониды – Еврит и Ктеат, братья-близнецы. У Гесиода и позднейших писателей они представляются сросшимися вместе (diphyeis). Об иных хрестоматийных парах друзей см.: Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. М., 1979; Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Изд. 2-е. М., 1987–1988; О дружбе Давида с Ионафаном – 1-я Книга Царств 18:1–4; 19:1–7; 20 (ст. 41–43, – прощание, – сюжет известной картины Рембрандта); 2-я Книга Царств 1:17–27 (плач Давида по Саулу и Ионафану).

об этом необыкновенном человеке достигла Афин гораздо раньше, чем волны Эгейского моря вручили корабль с находившимся на его борту Василием пристани Пирея. Человек аристократического происхождения, чья изящная худощавая фигура всю жизнь облекалась в простое, даже утрированно простое одеяние, Василий с юношеских лет обладал той величавой серьезностью и благородством, которые избавили его от обязательных для новичков грубоватых шуток афинских студентов. Уже тогда чувствовалось, что Бог уготовал ему особое поприще, а позднее, еще при жизни, получил он от современников прозвание «Великий».

Григорий, сразу узревший ореол, окружавший новоприбывшего ученика, убедил своих собратьев в неуместности совершения над ним театрализованного обряда посвящения в студенты. «И это было началом нашей дружбы. Отсюда первая искра нашего союза. Так уязвились мы любовью друг к другу»⁵.

Вскоре Григорию пришлось участвовать в диспуте между Василием и надменными армянскими софистами, не могущими согласиться с превосходством новичка во всех науках. И этот второй случай, свидетельствует он сам, «возжигает в нас уже не искру, но светлый и высокий пламенный друг дружбы. <...> Когда же, по прошествии некоторого времени, открыли мы друг другу свои желания и предмет оных – любомудрие*, тогда уже стали мы друг для друга всё – и товарищи, и сотрапезники, и родные. Одну имея цель, мы непрестанно возрастали в пламенной любви друг к другу. <...> В таком расположении друг ко другу, такими золотыми столпами, как говорит Пиндар, подперши чертог добротенный**, простирались мы вперед, имея содейственниками Бога и свою любовь. О, перенесу ли без слез воспоминание об этом! <...> Казалось, что одна душа в обоих поддерживает два тела. <...> Мы были один в другом и один у другого. У обоих нас одно было упражнение – добродетель, и одно усилие – до отшествия отсюда, отрешаясь от здешнего, – жить для будущих надежд»⁶.

Но Василий и Григорий не могли предположить всего того, что ожидает их в будущем, какому вихрю испытаний они, ставшие пастырями человеческих душ, будут подвергнуты, каким тернистым окажется жизненный *стадий* каж-

* «Любомудрие» – буквальный церковнославянский перевод греческого слова *φιλοσοφία* (философия), долго употреблявшийся и в русской научной и художественной литературе. Автором статьи термин сохранен в этом несколько архаичном переводе XIX века намеренно, поскольку гораздо лучше выражает смысл сказанного Григорием, чем современное «философия». В настоящее время «объективная» (поскольку светская) наука философия противопоставлена «субъективному» (поскольку церковному) богословию, что официально узаконено разделением специализаций и ученых степеней. Но для каппадокийцев такого разделения не существовало! Высшей философией («любовью к Мудрости») была для них любовь к Богу, сопровождавшаяся стремлением выразить Божественное Откровение в филигранных терминах античной диалектики. Именно их вклад в православную Триаологию (учение о Святой Троице) стал решающим в догматической победе над арианством и основой соборного определения, вошедшего в наш Символ веры.

** Вольный пересказ первых строк оды Пиндара *Агесию из Сиракуз, на победу в колесничном ристании на месках [мулах]*: «Златыми подпирая крепко- / стенный столпами притвор / здания, словно великолепный чертог / строим» (пер. М. Амелина).

дого, пробежав который, получают они из рук Иисуса Христа свои венцы нетления и вечной славы*.

История дальнейшей жизни друзей, вернувшихся на родину (благодаря этим светочам Каппадокия и стала центром богословской образованности на Востоке), – это история борьбы за единство Церкви, жизнь которой «дробилась на множество мелких ручейков»⁷. Святой Василий, ставший в 370 году епископом Кесарии, первенствующей кафедры всего Понтийского диэцеца, вынес это единство на своих плечах. Ноша была почти непосильна, и он умер еще до исполнения ему пятидесяти лет. В год его смерти церковное общение арианствовавшего Востока с православным Западом стало свершившимся фактом (Антиохийский собор 379 г., сентябрь–октябрь). «Но Василий Великий не дожил до этого события: как и Моисей, он довел свой народ только до границы земли обетованной. Василий Великий скончался 1 января 379 года, оплаканный кесарийцами без различия состояний и даже вероисповеданий (и язычниками, и евреями)»⁸. Григорий в это время находился в Селевкии Исаврийской «и был тяжело болен, когда <...> дошла до него туда печальная весть о смерти глубоко им любимого Василия. Он лишен был утешения быть на его погребении и лишь впоследствии почтил своего друга блестящим похвальным Словом»⁹ – «лебединой песнью» самого Григория.

Для окончательного же прекращения смуты на христианском Востоке православным надлежало «стать твердою ногою в Константинополе. Этот подвиг выпал на долю св. Григория Богослова»¹⁰. В том же 379 году он отправился в столицу и, несмотря на противодействия ариан и арианствующих (дело доходило до покушения на его жизнь), «твердо отстоял себя и православие», получив за свои блестящие догматические Слова, собиравшие толпы народа, имя Богослова¹¹.

Созванный вскоре Константинопольский Собор (II Вселенский, май–июнь 381 г.), подтвердил веру 318-ти Никейских отцов и тем подвел определенную черту под продолжавшимися несколько десятилетий триадологическими спорами. Но ради восстановления хрупкого церковного единства Григорию пришлось уйти в добровольное изгнание, сложив с себя высокий сан предстоятеля столичной кафедры и председателя Собора. Время ждало не моралиста, а политика (впрочем, как и почти всегда). Трезво оценив ситуацию, он обратился к участникам Собора со словами: «Если из-за меня возникают затруднения для церковного мира, то я готов быть вторым Ионой: пусть меня бросят в море!»¹²

Григорий сознавал, что ему плохо удастся роль придворного архиерея-политика. Простая монашеская жизнь, отсутствие вельможных привычек казались многим несовместимыми с положением патриарха, непросителем «сумасбродством», невыносимым укором собственному образу жизни**. К это-

* В Первом Послании к Коринфянам (9:24–25) ап. Павел сравнивает христиан с атлетами, бегущими «на ристалище» (греч. *эн стадио*). Первоначально словом «стадий» (*стадион*) обозначалось расстояние, которое должен был пробежать бегун на короткую дистанцию (олимпийский стадион составлял 192,28 м), а затем – место, где проводились соревнования по бегу и другие спортивные состязания. Отсюда – наше слово «стадион» (но уже с ударением на последнем слоге).

** Покидая столицу и обращаясь последний раз к Собору, Григорий так изъяснил свое несоответствие занимаемому им ранее высокому сану: «На меня неприятно действует приятное для дру-

му присоединялись внутренняя свобода и независимость интеллектуала и поэта пред лицом власти предрежащих: «Желаю чтить престолы, но только издали!» – заявлял он¹³.

Другие, напротив, находили Григория слишком мягким: «Он не воспользовался переменою внешних обстоятельств и „ревностью самодержца“ для того, чтобы отплатить арианам за зло»¹⁴. Многим «серединным» епископам «он был неприятен как несмолкаемый проповедник той истины, что Святой Дух есть Бог»¹⁵.

Мы почти ничего не знаем о последних годах жизни Григория Богослова, прошедших в провинциальной безвестности. Неведома и точная дата его смерти (после 390 г.). Впрочем, сам Григорий, «отторгнутый от великого союза» с другом¹⁶, считал свою жизнь уже завершённой. Это настроение выражено и в нижеприводимых эпитафиях, особенно во второй и шестой; последняя написана от лица вкушающего небесное блаженство святого Василия*. «Для того и соблюден я на земле, чтобы надгробными речами сопровождать братий», – говорил он, обращаясь к умершей сестре Горгонии¹⁷.

Вскоре земные дела были окончены, родные и друзья оплаканы и погребены, и ничто уже не препятствовало Григорию воссоединиться со своим другом. Золотая цепь, выкованная в годы далекой юности, связала их навсегда.

гих, и увеселяюсь тем, что для других огорчительно. Посему не удивился бы, если бы меня, как человека беспокойного, связали и многие признали сумасбродным. <...> Не удивился бы, если бы почли меня исполненным вина, как впоследствии учеников Христовых за то, что стали говорить языками; почли не зная, что это сила Духа, а не исступление ума. <...> Может быть, и еще за то будут порицать меня (ибо уже и порицали), что нет у меня ни богатого стола, ни соответственной сану одежды, ни торжественных выходов, ни величавости в обхождении. Не знал я, что мне должно входить в состязания с консулами, правителями областей, знатнейшими из военачальников, которые не знают, куда расточить свое богатство <...>. Не знал я, что и мне надобно ездить на отличных конях, блистательно выситься на колеснице, – что и мне должны быть встречи, приемы с подобострастием, что все должны давать мне дорогу и расступаться предо мною, как пред диким зверем, как скоро даже издали увидят идущего. Если это было для вас тяжело, то оно прошло. Простите мне эту обиду. Поставьте над собою другого, который будет угоден народу, а мне отдайте пустыню, сельскую жизнь и Бога» (Слово 42 – прощальное, произнесенное во время прибытия в Константинополь 150 епископов // Творения... Ч. IV. С. 35–37.).

* Душевное состояние Григория в те годы отражено и в кратком его письме к ритору Евдоксию. «Ты спрашиваешь, как наши дела? Очень плохи. Не стало моего Василия, не стало и Кесария, брата духовного и брата плотского. Вместе с Давидом взываю: „Отец мой и мать моя оставили меня!“ (Пс. 26:10). Недугует тело, близка старость, кругом заботы, дела угнетают, друзья не верны, Церковь не имеет пастыря. Ушло прекрасное, обнажилось злое. Мы плаваем во мраке, нигде не видно маяка. Христос уснул. Что еще будет? От зол одно избавление – смерть. Но и там страшнее страшит меня, если судить по здешнему» (Памятники византийской литературы IV–IX вв. С. 76–77.). К последним годам жизни относится также *Параклитикон* («Песнь увещательная»), написанный элегическими дистихами. Его перевод размером подлинника сделал митр. Московский Филарет (Дроздов) во время пребывания в Гефсиманском скиту (август 1866 г.). См.: Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. М., 1867. Кн. 3. С. 17–18 (с параллельным греческим текстом).

Святой Григорий Богослов

ЭЛЕГИИ НА СМЕРТЬ СВЯТОГО ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО, АРХИЕПИСКОПА КЕСАРИИ КАППАДОКИЙСКОЙ¹

2

Тело, я прежде считал, без души сможет жить, о Василий,
Друг мой, служитель Христа, только не я без тебя.
Я перенёс твою смерть – и живу. Для чего? Вознеси же
Ты в небеса и меня, в хоры блаженных к себе.
Не забывай меня! Я, гроб свидетель, тебя не забуду.
Если бы даже хотел. Клятва Григория в том.

3

Сразу, лишь мудрого в Боге Василия душу уносит
Троица, он же с земли радостно к Ней поспешил,
Воинство всё в небесах взликовало, встречая пришельца.
Каппадокийцев же весь город² оплакал его;
Даже вселенная вопль испустила: «Умер глашатай!
Скрепа погибла навек славного мира с тобой».

4

Мир сотрясается весь⁴ от враждебных речей недостойно,
Троицы, равной во всём, единомощной⁵ удел.
Горе! Василия губы уже ведь сомкнуты молчаньем;
К жизни вернись! И своим словом, служеньем своим
Смуту смири. Ведь явил только ты своей жизни течение –
Равное слову, и речь – равную жизни твоей.

5

Бог Вседержитель един⁶; и один архипастырь достойный, –
Тот, кого видел наш век, – ты, о Василий, из всех:
Истины громозвучающий посланец, сияющий светоч
Люда Христова, красой светозарящий души,
Понта и каппадокийцев великая слава. И ныне
Я умоляю: и впредь жертвы за мир приноси.

6

Я здесь покоюсь, Василия сын, архипастырь Василий,
Лучший Григория друг, сердцем его я любил.
Тут кесарийцы меня погребли. Так даруй ему, Боже,
Всякое благо, и пусть жизни достигнет скорей
Нашей⁷. Какая же польза, что медлит, тоскуя в юдоли,
Тот, кто стремится достичь дружбы небесной высот?

7

Ты на земле ещё тихо дышал, а Христу уже всё ты –
Душу и тело, слова, руки свои посвятил,
Вышняя слава Христа, о Василий, опора священства,
Веры расколотов⁸ столп, более крепкий теперь.

8

Милые сердцу Афины! Всеобщий храм дружбы! Витийство!
Божеской жизни обет, принятый нами давно!
Знайте: Василий, в согласье с желаньем, – на небе, Григорий
Здесь на земле до сих пор, узы неся на устах¹⁰.

9

О кесарийцев великая слава! Пресветлый Василий!
Грома удар – твоя речь, молния – жизнь на земле.
Всё же священный престол¹¹ ты покинул. Христово желанье
Это: скорее сопрячь с Царства сынами тебя.

10

Духа глубины обнял ты умом без остатка, всецело –
Мудрость земную, для нас храмом ты был во плоти.
Ты управлял восемь лет¹² почитающим Бога народом,
Это, Василий, твоих подвигов малость земных.

11

Здравствуй, Василий! Хотя тебя нет на земле уже с нами.
Это Григорий тебе надпись на гроб посвятил.
Ты это слово любил. Так прими же, Василий, подарок
Столь ненавистный, но мне – дружбой завещанный долг.

11^b

Эти двенадцать элегий, о богоподобный Василий,
Прах твой желая почтить, в дар я, Григорий, принёс.

Комментарии к элегиям:

¹ Перевод выполнен по изданию: Anthologia Graeca. II. Buch VII–VIII. Griechisch–Deutsch / Ed. Beckby. München, [1957]. S. 448–454. Нумерация эпитафий – по этому же изданию. (Первая эпиграмма не входит в этот цикл.) Распределение стихов между эпитафиями не совпадает в различных изданиях, их число поэтому возрастает до двенадцати. (См. также их русский прозаический перевод: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. В 6 т. Изд. 3-е. М., 1889. Т. V. С. 316–318.). Предлагаемый здесь полный перевод цикла элегий святого Григория на смерть его друга размером подлинника (элегический дистих – сочетание гекзаметра с пентаметром) впервые был опубликован нами в 1997 году (см. ниже 1-е примечание к статье). Эпитафии № 2–11 перевел (и написал к ним комментарии) Анатолий Рубан, № 11^b – Юрий Рубан. Последнему также принадлежит статья и примечания.

Без преувеличения можно сказать, что святой Григорий – не менее Поэт, чем Богослов, при этом один из плодотворнейших поэтов Античности. См.: *Говоров А.* Святой Григорий Богослов как христианский поэт. Казань, 1886. Общее количество стихотворений Григория автор исследования определяет числом 408; общее количество стихотворных строк – 17531 (с. 302). В этот счет не входит поэма «Христос Страстотерпец» (2151 строка), принадлежность которой Григорию дискутируется до последнего времени. Эпиграммы Григория (в том числе и надгробные, эпитафии) занимают всю восьмую книгу Палатинской антологии (254 эпиграммы). Современному читателю следует помнить, что в период Античности эпиграмма (букв. «надпись») – это **жанр** лирики. По содержанию эпиграммы делятся на посвятительные, любовные, надгробные и др.

² *Каппадокийцев же весь город...* – Кесария (Цезаря) Каппадокийская, столица римской провинции Каппадокия, центр Малой Азии.

³ *Умер глашатай, скрепа погибла навек...* – Смысл 5-й и 6-й строк: умер Василий Великий, – глашатай мира и одновременно сам – скрепа и залог мира среди людей.

⁴ *Мир сотрясается весь...* – Имеется в виду борьба между православными сторонниками св. Афанасия Александрийского, поддерживаемого Римом, и бесчисленными восточными партиями ариан и так называемых «полуариан». Длившаяся десятилетиями (с начала 20-х годов IV в.) и вызвавшая к жизни ряд церковных соборов, в работу которых вмешивались римские императоры, сторонники разных христианских партий, эта полемика завершилась только на II Вселенском Соборе 381 г.

⁵ *Троицы ... единомошной* – этим определением Григорий подчеркивает православное учение о сущностном равенстве (*хомуусии*, «единосущии») Лиц Святой Троицы.

⁶ *Бог Вседержитель един...* – Против еретичествующих ариан, считавших Бога Сына «творением» Бога Отца и отрицавших тождество Их божественной природы (сущности), а потому как бы разделявших на «разных Богов» Единую Троицу.

⁷ *Всякое благо и пусть жизнь достигнет... нашей* – т. е. жизни на небесах.

⁸ *Веры расколотов...* – из-за ересей и церковных разделений (см. выше комм. 4).

⁹ *...Афины* – Григорий учился в этом городе в 348–358, а Василий – в 351–356 гг.

¹⁰ Вероятно, намек на удаление Григория со столичной кафедры и прекращение церковно-общественной деятельности.

¹¹ *...священный престол...* – архиепископская кафедра Кесарии Каппадокийской.

¹² *...восемь лет...* – с 370 и по 1 января 379 г.

Примечания к статье:

- ¹ Статья публиковалась ранее. См.: ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Профессору Александру Иосифовичу Зайцеву ко дню семидесятилетия; Сб. статей / Отв. ред. В. С. Дуров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 244–251. Для настоящего издания текст заново отредактирован и исправлен.
- ² Слово 43 надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. В 6 т. Изд. 3-е. М., 1889. Т. IV. С. 62.
- ³ *Аверинцев С.* Византийская литература // История всемирной литературы. В 9 т. М., 1984. Т. 2 / Редкол.: Х. Г. Короглы, А. Д. Михайлов, П. А. Гринцер. С. 342.
- ⁴ Слово 43... С. 53.
- ⁵ Там же. С. 57.
- ⁶ Там же. С. 58–60.
- ⁷ *Болотов В.* Лекции по истории Древней Церкви. В 4 т. Пг., 1918. Т. 4. С. 95.
- ⁸ Там же. С. 103.
- ⁹ Там же. С. 106.
- ¹⁰ Там же. С. 104.
- ¹¹ Там же. С. 106.
- ¹² Описание хода заседаний II Вселенского Собора приведено в автобиографической поэме Григория «На мою жизнь» (Русский прозаический перевод: Творения... Т. VI. С. 47 сл.).
- ¹³ На мою жизнь // Творения... Ч. VI. С. 58.
- ¹⁴ *Болотов В.* Лекции... Т. IV. С. 112.
- ¹⁵ Там же. Называя этих людей «двоесловными» или «двусмысленными», Григорий констатировал: «Держась середины, они принимают всякое мнение. И это было бы еще хорошо, если бы они действительно держались середины, а не предавались явно противной стороне» (цит. по: *Карташев А. В.* Вселенские соборы. Клин, 2004. С. 172–173.).
- ¹⁶ Слово 43... С. 111.
- ¹⁷ Творения ... Ч. I. С. 233.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Проза и стихи

современных петербургских

авторов

Виктор Васильев

Книга детского писателя Виктора Васильева «Зарубки на сердце» вышла в свет в апреле 2013 года и сразу привлекла внимание читателей как произведение, в котором отражаются не только воспоминания автора о тяготах военных лет, но и православный уклад семьи, молитва, вера и взаимная любовь домочадцев. На воспитание мальчика, несомненно, повлияла его замечательная бабушка (прабабушка) Фима. Какой она была, эта простая деревенская женщина, сохранившая веру в Бога на протяжении своей долгой и подчас очень нелегкой жизни? На этот вопрос мы и ответим, представив отрывки из книги.

«Книга Виктора Васильева ценна еще и тем, что это свидетельство духовной силы русской женщины».

М. Б. Багге, кандидат педагогических наук, зав. кафедрой филологического образования СПбАППО, преподаватель кафедры церковных дисциплин СПбПДА

Бабушка Фима

1. День Рождения

Мама укладывает Тоню, поправляет подушку, одеяло, рассказывает коротенькую сказку. Потом целует ее, подкручивает в лампе фитиль, кивает мне на прощание и уходит на кухню. Тоня засыпает быстро, а мне не заснуть. Зеваю, ворочаюсь, вспоминаю минувший день. Это был чудный день. Никаких огорчений. Одни радости. Самым первым поздравил меня папа. Еще ночью, перед уходом на поезд, он разбудил меня и подарил три рубля одной зеленоватой бумажкой! Целое богатство! Ведь на три рубля можно купить 30 круглых мороженых! Но я не глупец, чтобы тратить денежки на пустяки. Мне нужен самокат с красными колесами, звонком на руле и тормозом на подножке. Он стоит 30 рублей. У меня уже есть в копилке четыре рубля, теперь будет семь. Осталось накопить еще 23 рубля – и самокат будет мой! У Кольки нет самоката, у Люси нет самоката. У Райки есть, но она – жадина. А у меня будет свой – вот тогда все покатаемся! Нет, что ни говори, а хорошо жить на свете.

Фитиль в лампе разгорелся и стал коптить. Я встал и подкрутил его. Из переднего угла, с иконы, смотрел на меня строгий Боженька. Я поскорее отвел свой взгляд от него и остановился на черной тарелке радио. Скоро двенадцать, скоро включат Красную площадь. Сегодня у меня день рождения. Может быть, мама разрешит мне послушать?

Я вышел на кухню. Бабушка расставляла на полке вымытую посуду, а мама замачивала белье для стирки в детской цинковой ванночке.

– Ты чего не спишь? – сказала мама строго. – Сейчас же марш на сундук!

Я подошел и стал шептать ей на ухо:

– Мамочка, разреши мне включить радио. Ведь у меня день рождения.

Лицо мамино подобрело, она потрепала мои кудряшки.

– Ладно уж, полуночник, послушай свою любимую площадь. Но тихо-тихо, чтоб Тонечка не проснулась.

Я поцеловал маму и прошмыгнул в комнату. На ходиках было полдвенадцатого. Забрался на сундук под одеяло. Вошла бабушка, стала, кряхтя, раздеваться. Потом стала молиться на ночь: «*Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да придет царствие Твое...*» Кончила молиться, вздохнула и легла рядом с Тоней.

Я подождал, пока на часах стало без восьми минут двенадцать. Пора. Тихонько встал, на цыпочках прошел к окну, взобрался на табурет и тихо-тихо включил радио. Играла музыка. Потом мужской голос сказал: «Включаем Красную площадь и бой часов на Спасской башне». Я услышал шуршание шин по мостовой, скрип тормозов, урчание двигателей автомобилей и переключку разноголосых гудков. Так продолжается минуты три-четыре. Я жадно вслушиваюсь в эту гулкую тишину в ожидании чуда.

И вот оно чудо – первая россыпь колоколов! Звонкая, мелодичная, радостная! Потом вторая россыпь, третья. Сердце восторженно бьется. Первый одиночный удар главного колокола звучит мощно, густо, словно ставит точку на прожитом дне. Кажется, что частички низкого баса его разлетаются по всей стране и гаснут на расстоянии. Только после этого раздается второй удар колокола, потом третий и так далее. Я невольно считаю эти удары, как будто боюсь, что вдруг их окажется не двенадцать. Все. Стихает последний удар. Несколько томительных секунд тишины. И вот приятный мужской голос торжественно и гордо выводит:

«Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...»

Эту песню я знаю наизусть, очень люблю и согласен с каждым её словом. Да, это МОЯ страна так широка и привольна, это МНЕ так вольно дышится в ней.

«...Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить!...»

Это про МЕНЯ песня. Это МНЕ все радостнее жить.

«...Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать!
Как невесту Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать!...»

Пусть только замахнутся, эти враги. Мы так брови насупим, так насупим, что они сразу разбегутся. Не знаю, как любят невесту, но как любить и беречь маму я хорошо понимаю. Вот и Родину я буду так же любить.

Застучал метроном. А я все еще стою, прижимаясь ухом к тарелке. Жду, пока затихнет мое внутреннее волнение...

Потом я выключил радио, слез с табуретки и забрался к себе на сундук. Лампу оставил горячей – мама с кухни придет и сама задует ее. Вспомнил, что забыл помолиться перед сном, как учила бабушка. Еще рассердится Боженька. Но вставать с сундука уже не хотелось. Повернулся на правый бок, подложил ладошку под щеку и быстро заснул, уверенный, что со мной и со страной все будет хорошо.

Кончился чудный день.

... А где-то далеко, на западе, уже полыхала мировая война, о которой мы, дети, еще ничего не знали. И не могли знать, не могли даже подумать, что скоро, совсем скоро взорвется наше счастливое детство...

2. Мы считаем плешивых...

На крещенские морозы бабушка Фима опять собралась «плешивых считать». Она верила, что если за одно утро ей удастся вспомнить сорок лысых, плешивых, с проплешинами и залысынами мужчин, которых она встречала или знала по разговорам за свою долгую жизнь, то морозы спадут, и солдатам на войне будет легче.

Первые две попытки окончились неудачей, так как бабушка смогла насчитать первый раз только 32 имени, а второй раз 35 имён вместо сорока. Тогда она очень расстраивалась, ходила задумчивая, рассеянная. Мы с Тоней, конечно, ей сочувствовали. Видимо, за последнюю неделю она ещё кого-то вспомнила, раз решила на новую попытку.

После завтрака она усадила меня и сестру за стол, достала свой заветный мешочек с сорока бобами, перекрестилась на икону в переднем углу.

– Ну, начнём, благословясь, – сказала она. Достала из мешочка первый боб, назвала первое имя «Петя Гордин из Реполки» и отложила боб в пустую тарелку.

Сначала она вспомнила всех плешивых из своей родной деревни Реполки, потом вспоминала поочередно из других деревень и посёлков – Селища, Верести, Соснова, Сосниц, Извары и так далее. Мы с Тоней следили, чтобы не было повторов. Из предыдущих попыток мы много имён запомнили и частенько подсказывали бабушке, если она забывала кого-то. Первые бобы попадали в тарелку один за другим, но после двадцать пятого дело застопорилось. Вспоминать становилось всё труднее. Проходили минуты, часы. Время приближалось к обеду, когда в тарелке набралось 38 бобов. Всего два имени не хватало! И так обидно было бы сдать, не достигнув цели!

Бабушка морщила лоб, всё чаще шептала молитвы, крестясь на икону. Умоляла, просила: «Господи, помоги!» Я тоже охватил виски своими ладонями, смотрел в одну точку и думал, думал, думал. И вдруг меня осенило:

– Бабушка, я вспомнил! Ведь дедушка Ленин был лысым!

– Верно, верно, касатик! И как же мы сразу не вспомнили про него?

Она уже стала доставать из мешочка боб на него, но вдруг опомнилась:
– Погодь-ка, Витенька. Он же в Господа Бога не верил! Ленин-то наш! Никак не можно приглашать такого к Божескому делу!
– Почему ты думаешь, бабушка, что он не верил? Он же хороший! – удивился я.
– Дык, ведомо! Большевик он! Все они говорят: «Бога нет! Бога нет!»
Опять мы стали думать-гадать, где бы наскрести парочку лысых. Снова потекли томительные минуты. Тоне всё это наскучило. Она пошла с куклой играть.
– Ещё папа у Эрика, кажется, лысый, – неуверенно сказал я.
– Ведомо, лысый. Сама видала. У них вера другая, не православная. Бог тоже, пооди, другой. И война идёт с ними.
– Но если ослабнут морозы, всем будет лучше, – заступился я. – Пусть и финский Бог поможет.
Бабушка удивлённо смотрела на меня, как будто впервые увидела.
– А ведь правда твоя, голубок! Умную головушку тебе дал Господь, – потрепала она мои кудри и полезла в мешочек за бобом. – А как же зовут Эрикиного папу?
– Не знаю, бабушка. Эрик не говорил.
– Ну, так и назовём его – «Эрикин папа», – решила бабушка, откладывая боб в тарелку.
И тут я радостно закричал, даже Тоня прибежала:
– Вспомнил! Вспомнил, бабушка! Есть сороковой! Это продавец в нашей булочной! Он совсем лысый, а зовут его Еремей Борисович!
Бабушка в нашу булочную никогда не ходила, продавца не знала, но мне сразу поверила.
– Назовём его «Булочник Еремей». – Отложила последний боб в тарелку, облегченно вздохнула и засмеялась, как маленькая девочка, получившая заветную игрушку.
– Будет у нас праздник сегодня, – радовалась она. – Блинов напеку, варенье достану.
И только потом, успокоившись, обратилась она к иконе. Прочитала «Отче наш», а закончила простыми словами, словно обращалась к хорошему, верному другу:
– Спасибо тебе, Господи, что услышал меня. И от солдатиков наших спасибо.
Через несколько дней морозы действительно стали слабее. Но зато завьюжило, ветры завывали. Может быть, это было простым совпадением? Как знать, как знать...

3. Как правильно назвать бабушку?

– Витя, это правда, что у тебя бабушка – ведьма?
Я вскочил, как ошпаренный:
– Ну, держись, гад! Сейчас в ухо получишь!

– Да остынь ты. Сядь лучше. И не думал я обижать твою бабушку. Наоборот, я помощи хотел попросить.
Я снова сел на крыльцо, но обида ещё не затихла.
– У моей мамы рана не заживает на ноге. К врачам ходила, к бабкам разным, да всё без толку. Вот я и говорю, может быть, твоя бабушка поможет?
– Так бы и говорил. А то «ведьма», «ведьма». Думай, что говоришь.
– Ну, виноват. Не сердись. Я не знал, как назвать её, – закончил Борька.
Я рассказал ему, как нас найти, и пошёл домой. Рассказал бабушке о Борькиной просьбе.
– Пуцай приходит. Поглядим, что у неё.

Я всё думал о том, как же правильно называть мою бабушку. «Ведьма», конечно, плохо. Но и «колдунья» тоже не лучше. «Ворожиха?» Но та на картах ворожит, или ещё на чём. Будущее угадывает. И вот, когда бабушка справилась по хозяйству, надела очки и стала вязать носок за столом, я набрался храбрости.
– Бабушка, – робко начал я, – один нехороший мальчишка сказал, что ты «ведьма». Я, конечно, поддал ему за это.
Бабушка сразу догадалась, что волнует меня.
– Окстись! Бог с тобою, милоч! Ведьмы и колдуны с нечистой силой, да с сатаной якшаются, у них подмоги клячнут. Я же служу Господу Богу нашему, Его милостью помогаю людям. Как бы услужница Божья. И пуцай кличат меня, как хочут. Ведомо присказка: «Хоть горшком назови, токмо в печку не ставь».
– Бабушка, раз ты услужница Божья, значит, ты святая?! Когда ты помрёшь, тебя в икону вставят?
– Эвон, куды хватил ты! Кака така святая?! – Бабушка сняла очки, отложила вязанье. Уставилась на меня:
– Грешна я пред Господом, голубок. Одни младенцы святые.
«И правда, грешна бабушка, – подумал я. – Вчера чай наливал из чайника в стакан, а он взял да и лопнул. Сам лопнул, назло мне. Так бабушка закричала: „Ах ты, негодник! Фулюган! Всю скатерть завазгал!“ Я чайник поставил и убежал в кухню плакать за напраслину».
– Вот и ты помянул мой давешний грех, – грустно сказала бабушка.
Я вытаращил глаза от удивления:
– Бабушка, как ты узнала, о чём я думал? Я же вслух ни слова не говорил!
– Поживи с моё, голубок, и тебя умудрит Господь по лицу думы ведать.
Бабушка помолчала, как будто с мыслями собиралась.
– Смолodu я бойка была, много грешила. У подруженицы дролю отбила. Со свекровью не ладила. А на работу лиха была. Всё горело в моих руках. Двух сынов да дочку подняла. Вот медведя сгубила невинного, так до сей поры каюсь, прости, Господи.
– Это как же, бабушка?
– Пошла, было, в лес, за груздями. Кузов большой за плечами, палка в руках. Токмо перешла я Большу Делянку, – рябина стоит, красна от ягоды. А на ветках-то зверь сидит. Медведь, значит. И загребаёт лапами гроздь да в рот, всё в рот.

Ижно слышно, как чавкает. Подивилась я. Мне бы, дурёхе, пройти стороной. Да озорство-то, бесово, на ухо шепчет: «Напужай, зверя! Напужай, глупого! Хохот-нёшь, как о землю брякнется!»

– Как же может медведь тебя испугаться? – не поверил я.

– Скинула кузов пустой, – продолжала бабушка, – да как хлопну палкой по кузову! Громко и резко так вышло, будто выстрел. А я ещё ору что есть мочи: «Аааа!!!» Медведь-то совсем очумел. Мешком на землю свалился, вскочил да бегом в ельник! Токмо треск пошёл! И след за ним стелется, кровавый понос пробрал. – Бабушка взяла стакан, выпила глоток воды.

– А что дальше было? – спросил я нетерпеливо.

– Мне уж не до смеху. Смекнула вдруг: а ну, как не напужался бы Мишка, да на меня пошёл бы? Ни ружья у меня, ни ножа, ни рогатины. А бегаёт он быстрее меня. Как есть заломал бы дуру-бабу. Не до груздей мне стало, домой пошла. Рассказала сыну – Павлу, деду твоему, царствие ему небесно. Ещё два мужика там были, Павловы приятели. Не верят мне.

– Складно врёшь, Афимья, – сказал сосед Аким. – Где тако видано, штобы медведь бабы боялся?! Бьюсь об заклад, што выдумка это. Полпуда халвы привезу из города, коли покажешь тот след у рябины. А ты чем ответишь?

– Ведро браги поставлю, – разгорячилась я.

– И кто же выпорил? – торопил я бабушку.

– Через час три мужика с ружьями, да я с кузовом снарядились к той рябине. Пса Буяна взяли с собой. Пришли. На земле – ветки рябины и следы поноса нашли. Буян как взял след, так и кинулся в ельник. Удрал, еле слышно его. Полторы версты, через канавы, лесные завалы бежали мы за Буяном. Едва догнали. У туши медведя стоит, заливаётся лаем. Не выдержало сердце медвежье страху такого. Уткнулся носом в мохову кочку, а лапами словно обнял её. Мошкара облепила глаза медведя. Я отогнала тряпкой мошкару, да лучше бы не делала этого: такой обиженный, такой растерянный взгляд его был. «За что? – словно спрашивали глаза. – Кому я помешал на земле?!» Грохнулась я в мох на колени, уткнулась лицом в ещё не остывшую шкуру, да как зареву: «Ой, прости меня, Мишенька, бабу глупую, безрассудную!» Мужики едва оттащили меня.

Мы помолчали. Бабушка так живо рассказала про свой грех, что мне тоже стало жалко медведя, я чуть не заплакал. Но сдержался.

– От халвы я отказалась, – продолжала бабушка. – Тушу мужики на троих поделили, а шкуру медвежью Павел выделал и хотел на стену повесить. Да я запретила. Тогда он продал шкуру какому-то барину. А когда у Павла сын родился, то я настояла, чтобы его Михаилом назвали. Он ведь твой крёстный, – кивнула она мне. – И с твоей мамой они двойняшки.

Это я уже знал. Мама иногда говорила, что мой крёстный на целый час её младше.

Бабушка встала, налила из графина воды, выпила.

– Остепенилась я с той поры, – продолжала бабушка. – Стала строже к себе. К людям и животным токмо с добром подходила. Тут и заметила меня тётя Груня, сестра моего тятеньки, царствие им небесно. Знатна была лекарша, хош и

не ведала грамоты. Сам фершал из Изварской больницы к ней приезжал совету просить. «Помру я скоро, – говорила тётушка, – а знания, Богом данные, некому передать. Ты девка памятлива, смышлена, сердцем добра, быстро поймёшь мои молитвы да заговоры».

– И ты научилась лечить? – торопил я бабушку.

– Не сразу, конечно. Перво-наперво стала она натаскивать меня на хлопоты повитухи. Потом стала травам учить, что к чему разбираться. Потом уж болезни всяки. И всё на примере своём, всех болящих вместе лечили. А когда помёрла тётя Груня, то я одна стала лечить.

– Как же она себя не могла вылечить?! – удивился я.

– Знать, так Богу было угодно. Призвал он её к себе.

Бабушка достала платок, протёрла очки. И опять отложила их в сторону.

– Слышь-ко, ведь скоро и я помру. Просила твою маму перенять от меня дар Божий, – обратилась она ко мне, как будто жалуясь, – да у неё смехоньки токмо. Говорит, время друго. С детьми хлопот полон рот. И грамоты нет записать за мной.

Бабушка грустно вздохнула, подпёрла щёку рукой:

– Время, конечно, друго. Сичас в больницах рожают. А в деревнях-то нету больниц! Там повитухи – что дар Божий. Почитай, вся Реполка моими руками принята. И Тоню, и тебя примала, не помнишь разве? – пошутила она.

– Куда принимала? Зачем принимала?

– На свет Божий души ангельски примала.

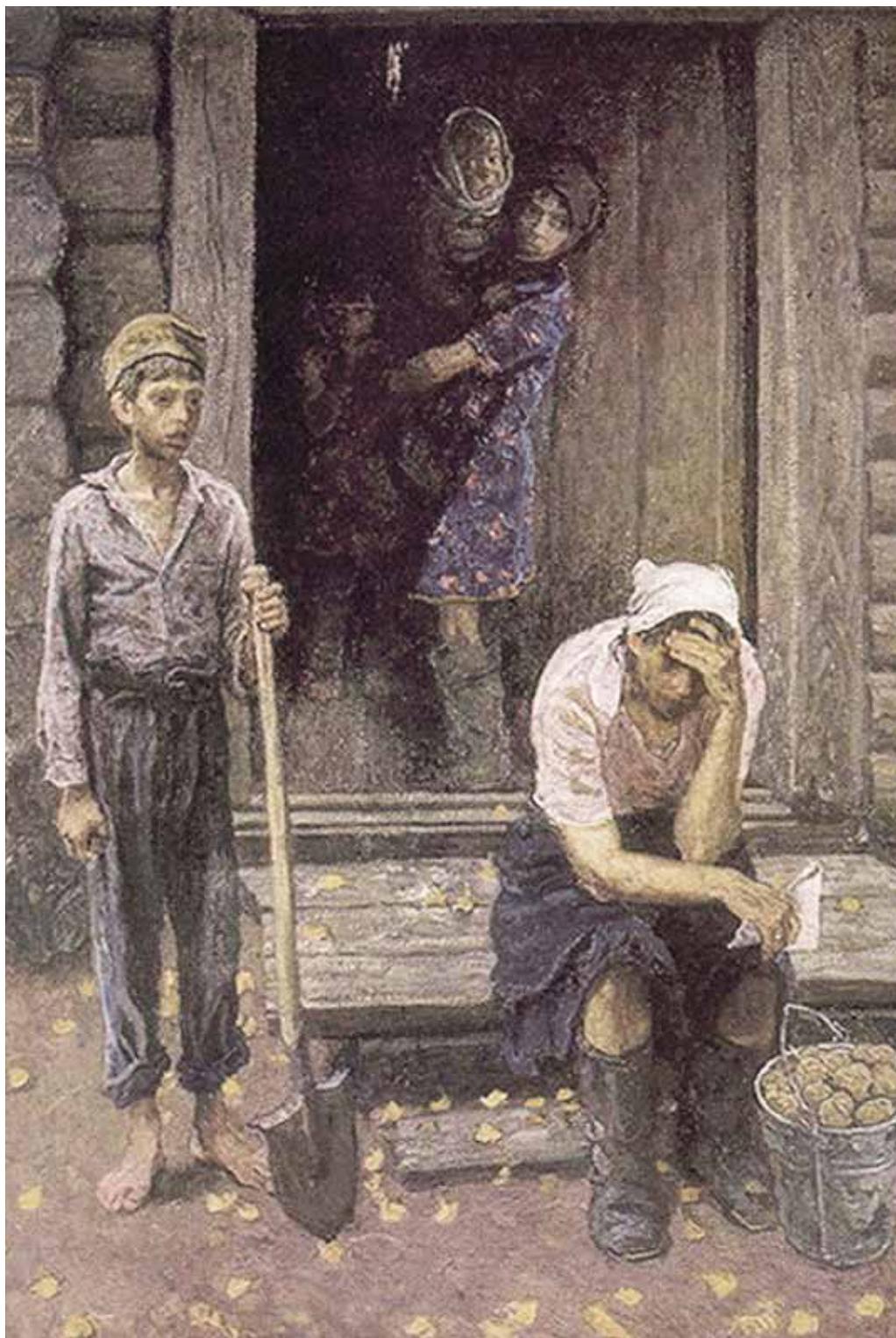
– Значит, и у меня душа ангельская?! – удивился я.

– Дык, ведомо! Именины твои сентября двадцать девятого. В день святых Виктора и Людмилы...

Но я уже дальше не слушал. Я был поражён тем, что святые Людмила и Виктор в один день родились! Двойняшки, значит! Как моя мама и крёстный...

Автор – Виктор Николаевич Васильев, член Союза писателей России, детский писатель.

Виктор Васильев. «Зарубки на сердце». Повесть. СПб.: Изд-во «Аргус», 2013.

Елена Суланга

Елена Суланга – детский писатель, член Союза писателей России. Одним из направлений ее творчества является христианское осмысление темы «война».

Рассказ «Пятый выстрел» публикуется впервые.

Пятый выстрел

Рабочий день закончился. Пришла пора ехать домой. На Балтийском вокзале я купила билет до станции Сиверской. Сажусь в последнем вагоне электрички, похрупываю чипсами. (Дурная дорожная привычка!) А за окном то дождь, то солнышко... Что меня ждет на конечной станции, если зонтик дома забыт? Вот ведь, все люди, как люди, одна я растяпа. И я стала смотреть на пассажиров. У кого – плащ-накидка, у кого – зонт. Молодцы!

Наконец по дорожному радио объявили об отправлении поезда. И тут же снова дали о себе знать звонкие капли дождя. Электричка тронулась с места. Глухой, нарастающий ритм на «раз-и, два-и, три-и, четыре-и...» Дробью потоки небесной воды, словно включился ударник в веселую мелодию дождя и дороги. И вдруг, с шумом и грохотом распахнув дверь, в вагон влетела, а точнее – ввалилась, с воплями и причитаниями, пожилая женщина. Она была увешана сумками, авоськами и, вдобавок, волочила за собой огромную тележку. «Сильны наши старушки, – подумала я. – Тяжесть-то какая неподъемная!» А женщина, поискав глазами свободное место, неожиданно устремилась к моей скамейке и плюхнулась рядышком на сидение. И моментально, даже не поворачиваясь ко мне лицом, начала говорить. Да так, что, выходит – если со стороны посмотреть – мы с ней давнишние знакомые! Я-то сразу поняла: это у людей иногда такая нервная «говорильня» возникает. От стресса. А мне что? Пусть себе человек выговорится; глядишь, поболтает и успокоится. Вот ведь как бежала, боясь опоздать! В общем, слушаю ее безобидную трескотню и только головой киваю да тему подерживаю.

– В Гдовскую еду, там моя деревенька. Еще от станции километра четыре идти. А в Гатчине пересадка. Вот, внучкам везу продукты.

– А у Вас самой растет что-нибудь в огороде? – любопытствовала я.

– Кабачки, помидоры, зелень... парник ветром снесло... в наклонку сажаю, поясница... – отвечает.

– И у меня кабачки, а ну их, тыква лучше, бурьяна много, крыша протекает... нет-нет, кур не держу... сирень – да, жалко, отцвела уже! Зато ландыши пошли.

– Земляника, грибы... ландыши еще местами есть, – говорит.

– Комары да слепни, – вздыхаю с улыбкой.

Вот так мы вели беседу минут десять. Спутница моя всё рассказывала про огород и деревеньку, про грибы да ягоды. Когда тема приелась, разговор, как водится, коснулся здоровья.

– Вишь, сколько таскать мне приходится! Это с диабетом-то. Подколюсь – и вперед. Инсулин, пролонгированного действия. А еще позвоночник больной, грыжа, глаз один плохо видит. Тяжело... А помощи ни от кого не жди. Эх, если б нас было много!..

Я сочувственно промолчала. Кто его знает, почему у стариков нет никого им в помощь? Может, за границей родня. А то вдруг поссорились. Я почему знаю? Вот и выходит, что не всякие разговоры могу вести: а то еще вдруг ляпну чего по неосторожности, потом красней. Словно прочитав мои мысли, она продолжала:

– А все потому, что война. С войны это стало. У бабки моей девять деток росло. Девять! А после войны сколько нас осталось? Дядя, царствие ему небесное, да мы с братом.

Она немного помолчала.

– А вы какого года? – спрашиваю я.

– Сорок первого. Я в самом начале войны родилась. Отца тут же на фронт призвали, он на войне и погиб. Остальные наши мужики тоже воевали на разных фронтах. А дядю не взяли по инвалидности, он хромой был, калека. А как фашисты-то пришли в деревню...

Я не так скоро смогла переключиться от кабачков с земляникой на военную тему. Ответить было нечего, и я просто молчала, изредка кивая головой.

– Бабушку фашисты убили. За что, знаешь? Она услышала грубый незнакомый говор и вышла на крыльцо, грозная, с печальником в руке. Печальник – сковородка по-нашему. Вот фрицы и испугались ее. Полоснули по ней из автоматов. Бабки-то и не стало.

Она глубоко задумалась.

– Немцы-то, вишь, по-разному себя вели. Я от дядьки да брата знаю. Дядя мой как в живых остался? Как-то раз многих наших из деревни взяли да в лес повели. Зачем, ясно дело. «Расстреливать будут», – шептались в толпе. Ужас скывал шаги. «Шнель, шнель», – кричали немцы, сердито подталкивая людей автоматами. А среди немцев кто-то по-русски знал. Не так, чтобы очень, но все поняли. «Беги в болото! – вдруг раздался голос. – Быстро, быстро!» Люди и побежали. Дядька мой как сиганет в болотную жижу! Там не топь была, просто мокрое место с комарами да кочками. «Пригнись!» – закричал тот же голос. Куда уж дальше! Не присели – легли, вжались в землю-матушку, одни затылки торчат. Что кочки, что головы человеческие... Немцы поверх тех затылков дали очередь. На весь лес отгремело! «Назад нихтьс! Нельзя. Ступайт в другую деревню!» И ушли. А люди еще долго лежали на земле без движения, облепленные комарами да гнусом. Боялись шевельнуться. Под закат, как темнеть стало, побрели через лес в соседнюю деревеньку. Как фашист тот приказал. Тихо, молча идут. И не знают, то ли ругать им немцев, то ли радоваться, что живы остались.

Я наконец-то решила вставить пару слов.

– Выходит, разные они были, немцы! – говорю. – Как и все люди на земле. Простым солдатам на что война?

Старушка кивнула. – Да, – говорит, – так. Им, видно, каратели приказ отдали: столько-то для острастки убить. А кому охота зазря чужую кровь проливать? И так по макушку в крови от той проклятой войны... Может, они хоть этим-то перед Богом оправдаются. Да... Но вот маму мою...

Я посмотрела на собеседницу. Она все время сидела вполоборота, пока про кабачки да землянику. А тут голову ко мне повернула. Лицо с красными прожилками. Глаза светлые, ясные. На щеке – слезинка. Как у ребенка... Маленькая, словно капля росы. Это не то, что за окном, там дождевые, огромные капли. И говорит, пылливо глядя в глаза: «Маму мою...»

А поезд мчится и мчится, набирая ход и, словно Машина Времени, врезается в историю. Раз-и, два-и... Окна в мутных потоках. Не видно ни зги за окном, такой хлынул ливень. Внезапно словно белесый туман поплыл вдоль вагона. В нем стали, один за другим, исчезать лица пассажиров, и только одно лицо – лицо той старой женщины оставалось ясным. Словно икона Богородицы, которая плачет...

– Немцы убивали всех, кто помогал партизанам. Безжалостно... Их повели на расстрел. Брата, маму и еще трех старух. За то, что те кормили. Слышь, еду по ночам выставляли за окно. А партизаны ночью тихонечко пробирались к домам и продукты брали. В лесу-то ведь ничего толком не растет, да и соли-сахара нет. А мама еще и в партизанский лагерь ходила вместе с одной соседкой. Кушать им носила. Жалела мужиков, что голодные. И Кольку, брата моего иногда брала с собой. Фрицам, если спросят, отвечала, мол, «за грибами» – те и не привязывались. А как уж пронюхали, что к партизанам? Я не скажу. Может, и донес кто, из своих, чтоб перед фрицами-то выслужиться?... В общем, повели на смерть. Мне тогда годик был, я эту историю от брата слышала.

Идут, значит. И мама все молчит, и только Бога молит, чтоб сына как-нибудь от смерти спасти. Ни о чем больше не думает. Братик мой Коленька просто шел, испуганный, ошарашенный. Месил ногами мокрую траву. Голову низко-низко опустил. Как овечка. Ну вот, дошли они до того леса, где кусты и елочки молодые густой стеной, а дальше – чаща. Мать вдруг резко толкнула мальчика: «Беги же! Ну!» И в лицо ему глянула. «К партизанам...» Мальчик юркнул в кусты и, пригибаясь, помчался в глубь леса, под треск автоматной очереди. «Ш-шайзе!» – выругался кто-то из немцев. И процессия двинулась дальше.

...А он все бежал, бежал, спотыкаясь о коряги, падал лицом вниз, на землю, колючую от старых елочных иголок. Вставал, и, не смахивая грязь с лица, мчался дальше. Дорога в партизанский лагерь была ему хорошо знакома.

– Дядька Трофим! – хрипло крикнул он, но тут же пахнувшая машинным маслом крепкая мужская рука закрыла ему рот.

– Говори тише, дурак! – дунули в ухо. И, чуть позже, – Немцы близко.

Пальцы ослабили хватку.

– Дядька Трофим, дядька Трофим, там маму мою фашисты убить хотят! И бабу Игоря, и...

– Где? – сухо спросил Трофим.

– Здесь, рядом! Вы успеете, только поторопитесь, пожа-алуиста!

– Что случилось? А, это ты, Колян!

Мальчишку обступили подошедшие партизаны. Их было человек десять-двенадцать. Один молодой парнишка, улыбаясь, сказал, мол, Коль, тыпа-растяпа, холщовый мешочек серенький забыла мамка твоя, а в чем ты нам еду принес? Без соли с картошкой, без хлеба и лука уже третий день сидим...

– Дяденьки, поторопитесь же, ну!!!

Лицо мальчика исказила нервная гримаса. Он хотел было рвануть в землянку, к командиру, но Трофим придержал его. А из землянки уже вылезал заспанный небритый человек лет сорока пяти, в военной форме, серой от песка и пыли.

– Чего расшумелись?

– Слышь, Петр Андреич, немцы близко. Колька говорит, людей на расстрел повели.

– Людей, говоришь? – командир провел рукой по небритому подбородку. – Много?

– Четырех женщин. Колька пятым был, он успел удрать.

Андреич помолчал. Он стоял, задумавшись глубоко, словно подсчитывал что-то, и в лохматой его голове, как мельничные жернова, ворочались тяжелые мысли. Но размышлял он недолго. Повернул лицо куда-то в сторону болота и процедил сквозь зубы:

– Я своих людей из-за каких-то баб под пули не поведу. Немцев больно много. Кузьма вернулся, говорит, в деревне полно карателей! Если шум поднимем, они всех порешат.

Бедный Коля стал блее мела. Страшно было – еще страшнее, чем там, на лесной тропинке, когда их вели на гибель.

– По-мо-ги-те... – наконец произнес он каким-то очень не своим голосом. – Маму... Маму же убьют.

И слеза по щеке. Партизаны участливо (мол, прости, ничего не можем поделаться!) вздыхали, отворачиваясь от Колиного взгляда. Один молодой парнишка хотел было что-то сказать, но Андреич грозно зыркнул на него, и тот поник головой.

Мальчик в какой-то момент словно очнулся и, почувствовав, что дядька Трофим ослабил хватку, рванул было обратно, едва тот успел ухватить его за рукав.

– Да куды ж ты под пули?

Мальчик забился в железных объятиях взрослого человека.

– Да я их, да я их сам, да я...

Насилу Трофим, изловчившись, снова зажал ему рот.

И в этот момент прозвучал первый выстрел. Сухой звук, эхом отдавшийся в вечернем лесу.

«Это не маму, – вдруг почему-то подумал Коля. – Не в нее, она же еще жива. Мама жива!»

Наступила тишина. Тишина – как перед грозой, которая состоится, потому что неизбежна, потому что ей настало время – быть, ну и все тут.

Второй выстрел Коля ощутил, как страшный удар хлыстом по телу. Он вздрогнул, дернулся, сильно прикусив державшую его руку. Трофим беззлобно выматерился, а мальчик снова услышал в своей голове странный голос: «Не маму». И, понимая, насколько эта мысль фальшива, он все же попытался ей обрадоваться. Наверняка, мама еще жива!

Третий. А за ним через секунду последовал и четвертый выстрел. И тогда тело Коли вдруг обмякло, и он ватным комом стал сползать на землю. Он завыл, как воют волки, и принялся мерно раскачиваться из стороны в сторону. Трофим все еще держал мальчика, зажимая ему рот, так что вместо воя получалось мычание.

– Что делать-то будем с пацаненком? – полушепотом спросил кто-то. – Ведь снова выть начнет, бедолага. Может, рот ему, того, тряпкой замотать – пока фрицы не уйдут?

И они замотали бы Коле рот тряпкой, они уже вытащили для этой цели грязную портянку, первое, что под руку попало, – как вдруг...

Пятый. Отчетливо, звонко. С дерева, с шумом хлопая крыльями, слетела какая-то крупная птица. Вниз посыпались шишки и мелкие веточки. Тело Коли вдруг окрепло. Он вдруг успокоился. Абсолютно. Взял Трофимову руку и отвел от своего лица, а Трофим почему-то не сопротивлялся.

– Это – мой... – сказал мальчик твердо и отчетливо. – Это убили меня.

И он повернулся спиной к партизанам и зашагал куда-то вглубь леса, а те не стали его задерживать, вообще, они постарались сделать вид, что его уже здесь нет, как если бы и раньше его здесь не было. Мальчик почувствовал, почему партизаны молчат, почему не задерживают его, позволяя уйти, не спрашивая, куда... Он понял, что должен что-то сказать им напоследок.

– Отдайте мне мамин мешочек, серый, вон тот, что на земле!

Ему протянули холщовый мешок. В нем лежала небольшая луковица, которую забыли вытряхнуть. Мальчик вынул из мешка ту луковицу и протянул ее партизанам. Но они не взяли. Луковица упала на землю. А Коля сжал пальцы в кулак, потом раскрыл их и зачем-то долго смотрел на свою пустую ладошку.

– Она вас кормила... – тихо сказал он им на прощанье.

Хрупкая фигурка мальчика медленно таяла в полумраке леса. Потом и вовсе исчезла.

– Это ж добивали кого-то, – наконец проговорил Трофим.

– Да заткнись ты! – прошептал молоденький парнишка. Он вдруг заплакал, не стесняясь своих слез.

А Коля с того дня, когда он понял, что его убили вместе с мамой, – стал совершенно другим человеком. Он тогда прошел еще несколько километров по лесу, совершенно не зная, куда идет. Ему не было страшно: он не боялся ни

темноты, ни волков, ни, тем более, людей, – никого он больше не боялся, потому что умер. Спокойно дошел наутро до какой-то дальней деревушки, где его никто не знал. Назвал себя чужим именем и ничего о себе не рассказывал...

Это уже после того, как немцев прогнали, Коля домой вернулся. А там – я! «Хорошо, – говорит, – сестренка жива осталась». А меня соседка вынянчила. Так вот мы потом и прожили свою жизнь. Так и прожили...

Женщина вскоре распрощалась со мной и, забрав котомки с тележкой, заторопилась к выходу. А я сидела и все никак не могла отойти от наития. От той истории, которая неожиданно коснулась моего сердца. Что есть война? Солдатики ли, стреляющие друг в друга? Или же что-то, гораздо более глубокое, чем наш видимый мир, в котором не найти ответа на этот простой и страшный, но очень важный вопрос.

Дождь, наконец, прекратился. Косые струйки стекали вниз, меняя рисунок на стекле. Наконец, оно сделалось прозрачным. И весь остаток дороги я молча смотрела в окно. Туда, где вечернее солнце пронзало своими рыжими лучами иссиня-черные тучи.

Июнь 2011

Яна Батищева

Ко Христу Яна пришла с детства и жизни без Него не мыслит. И на науку, и на поэзию, и вообще на жизнь, которую она воспринимает в целостной полноте, не деля ее на части, Яна смотрит как на призвание Божие:

«Я верю во Христа с детства. И я верю, что Господь призывает человека к чему-то, осуществляет призвание человека через обстоятельства его жизни. И это не обязательно пение и чтение в храме (хотя и это возможно), а всюду в жизни, к любому доброму делу человек может быть призван: строить, готовить пищу, учить, лечить, писать повести, стихи, исполнять музыку... да что угодно, любое доброе направление человеческой деятельности – все это может быть для кого-то призванием от Христа».

И нет в Твоей печали слов...

* * *

И нет в Твоей печали слов,
И в муке – немоты.
Чьи узы, раны, боль и кровь
Оплакиваешь Ты?

Ночную не колебля тишь,
И в тяжкий зной дневной
Чью жажду утолить спешишь
Таинственной водой?

И с кем предсмертную тоску
Ты делишь в страшный час,
В пути последнем сквозь толпу
Поддерживая нас?..

* * *

Свет расходится снопами из-за облака – смотри!
Это прячет лик крылами огнезрачными зари
Солнце...

Прежде чем увяну отцветающей травой,
О, открой мне, солнце, тайну угасанья твоего!

* * *

Стоят и сдержанно-тревожно дрожат нагие тополя,
Невыносимо, невозможно ждать окончания февраля,
И бесполезно торопливо искать цветы среди снегов.
Красиво, мертвенно-красиво, невыносимо и легко.

* * *

Мы, в смертельной борьбе проигравшие бой,
Мы приходим к Тебе, оживи нас Собой!
Замирает мольба на холодных губах
К Победившему ад, Умертвившему страх.
К бытию нас Зовущий из небытия,
Нам в смертельном бою – дар – победа Твоя!

* * *

Под узким серпиком
Седого месяца
Мне край мой северный
Сквозь годы грезится.
Край, где вдоль берега,
У самой кромки,
Мне в ивах ветер пел,
Пел без умолку!

Ах, край мой северный,
Где зори долгие,
Где песни первые,
И травы горькие.
Мой край, где отчий дом,
(Кто в нем теперь живет?)
И дальний, дальний звон
Домой, домой зовет.

* * *

Я жду Последнего Суда,
Который называют Страшным.
По мне – страшной безумства ваши,
Хитросплетения неправд
И зол... О, День, которому вчерашним
Не стать судил Ты никогда,
Гряди! Как утра в полночь жажду,
Господь мой, Твоего суда.

* * *

Казалось, вечно вьюга завывает,
Напрасна смена вех календаря –
Так стыло сердце бедолаги Кая,
Так замершая Нарния ждала
Весны — сто лет. А снег блестел до боли
В зажмуренных глазах детей земли,
Что на ступенях темный лед кололи
И плоть дорог лопатами скребли.

И несся в небо звук невыносимый –
Как древний плач утратившего рай
За золотую дольку апельсина.
Как на ступенях Иерусалима
Ты мог забыть, что ты – не только глина,
Адам?... Адам, постой, не умирай!

* * *

О. Ш.-Дж.

Я горлица, а ты – орлица!
И пусть не схожи наши лица,
Мы небом призваны одним:
Летим, сестра моя, летим!

Я горлица, а ты – орлица!
Пусть голос с голосом разнится,
Но вместе призваны с тобой
Мы петь, сестра моя! О, пой!

Кто горлица, а кто орлица –
Не суть. И в час, когда проститься
Настанет срок, сестра моя,
Надежду в сердце затая

На встречу, как весны ждет птица, –
Ждать будешь ты, ждать буду я!

Феникс

Ты плавильшь золото во мне,
Мой голос медью золотится,
Мне суждено преобразиться
В стихии пламенной, в огне.
Слова Твои пылают, их
Все воды мира не угасят.
И пусть пока мой взор поник –
Я жду назначенного часа.

И пусть пока в студеной тьме
Мои глаза почти незрячи,
Но я им верю не вполне
И на груди прилежно прячу
Залог любви Твоей горящей,
Свой пламень дарующей мне.

ОБ АВТОРАХ

Протоиерей Александр РАННЕ

Доцент, кандидат богословия Санкт-Петербургской духовной академии, проректор по учебной части Новгородской духовной семинарии, клирик Софийского собора в Великом Новгороде, возглавляет Отдел образования и катехизации Новгородской и Старорусской епархии.

МАРКИДОНОВ Александр Васильевич

Закончил филологический факультет Ленинградского государственного университета (1978), Ленинградскую духовную семинарию (1985) и Ленинградскую духовную академию (1989). Кандидат богословия, доцент Санкт-Петербургской православной духовной академии, преподаватель истории древней Церкви, догматического богословия и византологии.

ШКАРОВСКИЙ Михаил Витальевич

Закончил Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова, исторический факультет (1984), и аспирантуру Ленинградского отделения Института истории СССР Академии Наук СССР (1990). Доктор исторических наук. Преподаватель Санкт-Петербургской православной духовной академии. Автор монографий и многочисленных статей по истории Церкви.

Протоиерей Михаил БРАВЕРМАН

Настоятель храма святых равноапостольных Константина и Елены, построенного на территории спецпредприятия «Новое поколение», которое занимается воспитанием и социализацией молодых людей, совершивших правонарушения или оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Закончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию и академию, магистр богословия. Автор книг «Литургия» и «Евангельская история в проповеди». Протоиерей Михаил также трудится в епархиальном Отделе религиозного образования и катехизации в должности помощника епископа Петергофского Амвросия.

Протоиерей Димитрий КУЛИГИН

Настоятель церкви во имя иконы Божией Матери «Державная». Автор многочисленных публикаций по разнообразным вопросам христианской жизни, участник радио- и телепередач.

ГРУМАД Елена Владимировна

Музыковед, текстолог, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства, автор книги «Берлинский архив М. И. Глинки» (М., 2006) и ряда статей об отечественной музыке и литературе XIX в.

ОБ АВТОРАХ

ЛУКИНА Татьяна Евгеньевна

Актриса, журналист, общественный деятель, президент Центра русской культуры в Мюнхене – «МИР». Окончила актерское отделение Музыкального училища при Ленинградской государственной консерватории, ЛГУ (ф-т журналистики) и Мюнхенский университет (театроведение). Магистр философских наук, член Союза журналистов ФРГ. Автор книг и очерков, а также организатор Мюнхенских фестивалей, посвященных многим выдающимся людям России, оставившим свой след в культурной жизни Германии.

СОКУРОВА Ольга Борисовна

Окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета (1971). Кандидат искусствоведения, член Союза театральных деятелей России, доцент кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета СПбГУ. Читает лекции по курсу «Духовные основы русской литературы» на Свято-Иоанновских богословско-педагогических курсах. Автор монографий, а также статей по различным областям знаний. Писала сценарии и тексты для научно-популярных фильмов: «В поисках Санкт-Петербурга», «Крепость неодолимая», «Умозрение в красках», «Собор», отмеченных конкурсными призами и наградами. Неоднократно выступала в просветительскими программами на радио, участвовала в некоторых православных телепередачах.

МИШИНА Марина Александровна

Искусствовед, кандидат культурологии. Традиционной куклой начала заниматься с 2000 г., работая в Санкт-Петербургском музее кукол. Училась у народных мастеров России Агаевой И.В., Осиповой Н.В., Тарасовой Р.Я. С 2003 г. преподает в СПБАППО. Разработала курсы «Традиционные куклы России», «Куклы народов мира» и иные. Проводит выездные семинары и мастер-классы. Член Ассоциации искусствоведов и критиков (АИСА). Член Творческого Союза Художников России и Международной федерации художников (IFA).

ДЕМИДОВ Дмитрий Григорьевич

Выпускник филологического факультета ЛГУ–СПбГУ (1980). Доктор филологических наук. Автор более 150 работ по церковнославянскому и русскому языкам различных периодов развития. Доцент кафедры русского языка СПбГУ. Преподает церковнославянский язык в различных образовательных учреждениях Санкт-Петербургской епархии. Работает над историей преподавания славянской грамматики в XIX – начале XX вв. Член жюри Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку, член Совета по культуре речи при Губернаторе Санкт-Петербурга.

РУБАН Юрий Иванович

Учился в Тольяттинском политехническом институте, Ленинградской духовной семинарии и академии, затем – в Историко-Архивном институте РГГУ (Москва) и аспирантуре по кафедре Источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Кандидат исторических наук (1997). В 2006 г. закончил Минскую духовную академию со степенью кандидата богословия, где преподает в качестве приглашенного доцента. Основная область научных интересов – календарь и эортология, славянские литургические рукописи, история Античного мира, Древней и Русской Церкви. Автор более 100 научных (в т. ч. 8 монографических) публикаций, около 150-ти статей в энциклопедиях и словарях, более 300 популярных статей в газетной периодике. Имеет сан иподиакона.

РУБАН Анатолий Иванович

В 1977–1982 гг. учился в ЛГУ (кафедра классической филологии). По окончании университета работал учителем русского языка, затем – в Библиотеке Академии Наук. С 1991 по 2005 гг. – преподаватель латинского языка 610-й Санкт-Петербургской классической гимназии. С 1993 г. – сотрудник Античного Кабинета (Bibliotheca Classica Petropolitana). Автор ряда публикаций, переводов с латинского и немецкого языков.

Художественное оформление: С. В. Алексеев

Логотип на титуле: М. Стаборовская

В оформлении обложки использованы:

фотография скульптуры святого благоверного князя Александра Невского (скульптор *И. П. Витали*, 1848, южные двери Исаакиевского собора) и фрагмент картины *К. И. Бегрова* «Лавра святого Александра Невского», 1826.

В оформлении номера использованы фрагменты картин:

«Что есть истина?» Христос и Пилат. *Н. Н. Ге*. 1890 (с. 6)

Портрет Рихарда Вагнера. *Огюст Ренуар*. 1882 (с. 38)

Портрет Рихарда Вагнера. *Цесар Виллих*. 1862 (с. 59)

Невский проспект. *В. А. Серов*. 1952 (с. 80)

Афинская школа. Философия. *Рафаэль Санти*. 1509–1511 (с. 106)

Она всё сына ждет. *В. Игошев*. 1975 (с. 116)

Дети войны. *Алексей и Сергей Ткачевы*. 1975 (с. 124)

Редактор-составитель: *Е. С. Дилакторская*

Выпускающий редактор: *С. Н. Никольский*

Верстка: *С. В. Алексеев*

Корректор: *К. А. Храмова*

Подписано в печать 13. 05. 2013

Формат 70x100/16

Объем 8,5 п. л.

Печать офсетная

Гарнитура Minion Pro

Тираж 999 экз.

Заказ № 1196

Отпечатано в типографии «Береста»

196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28

В этом номере, как и в предыдущем, мы исходили из стремления обозначить подходы к некоторым существенно важным, как нам представляется, явлениям человеческого бытия и дать этим подходам христианское обоснование. Здесь нам помогла сама жизнь: весна 2013 года насыщена датами событий, которые даже в первом приближении требуют максимально углубленной психолого-этической оценки. Но нам не хотелось бы предлагать нашей читательской аудитории некие готовые формулировки – даже при всей их несомненности и проверенности временем. Реальность – говорит сама. И поступки людей, принимаемые ими решения – лучшая «книга для чтения». Надеемся, что наши публикации в этом номере позволят достаточно серьезно осмыслить те или иные главы этой «книги».